

ВОРОНЕЖСКИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

№ 2 (19). 2017

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор юридических наук
М. О. Баев

доктор юридических наук
О. Я. Баев
(ответственный редактор)

доктор юридических наук
Е. Каспшак
(г. Ольштын, Польша)

доктор юридических наук
В. А. Мещеряков

доктор юридических наук,
академик Национальной
академии правовых наук
Украины, иностранный
член РАЕН,
заслуженный деятель
науки и техники Украины
В. Ю. Шепитько
(г. Харьков, Украина)

кандидат
юридических наук
Т. Э. Кукарникова
(ответственный
секретарь)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор):

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации ПИ
№ ФС77-60396
от 29 декабря 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....5

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Анисимова В. В. Сторона обвинения в уголовном процессе ...6

Баев О. Я. Разумность сроков досудебного уголовного
преследования: некоторые проблемы и возможные пути
их разрешения.....15

Баева К. М. Отдельные типичные ситуации злоупотребления
правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве
России: постановка проблем26

Белкин А. Р. Подводные камни упрощённого дознания33

Горский В. В., Горский М. В. Участие адвоката в назначении
и производстве судебных экспертиз по уголовным делам45

Завьялова Д. В. Правовой механизм рационализации
расследования преступлений в ситуации необходимости
производства следственных действий с участием
несовершеннолетних.....52

Захарова В. О. Уголовно-процессуальные ошибки,
допускаемые следователями при эксгумации трупа58

Ищенко Е. П. О качестве предварительного расследования ...63

Саньков В. И. Недостатки предварительного следствия
в России – 120 лет спустя72

Хмелева А. В. Особенности заключения судебного эксперта
как доказательства и его оценка следователем.....79

Цурлуй О. Ю. О сущности и структуре жалобы в контексте
статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской
Федерации86

КРИМИНАЛИСТИКА

Багмет А. М. Некоторые аспекты назначения экспертиз
подозреваемым в сексуальном насилии92

Адрес редакции:
394006 Воронеж,
пл. Ленина, 10а, к. 611

Ведущий редактор
издательской группы
Е. В. Пономарева

Подписано в печать
27.02.2017.
Формат 70×100/16.
Усл. п. л. 17,2.
Уч.-изд. л. 18,4.
Тираж 500. Заказ 917

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж,
пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии
Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж,
ул. Пушкинская, 3

© Воронежский
государственный
университет, 2017
© Оформление,
оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2017

Баев М. О. Тактические особенности участия адвоката в судебных прениях.....	99
Боков С. Н. Исследование положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации об особенностях судопроизводства по делам несовершеннолетних с точки зрения психологии.....	106
Бычков В. В. Жертва как элемент криминалистической характеристики преступлений, связанных с сексуальным насилием.....	113
Галяшина Е. И. О «болевых точках» лингвистической экспертизы в уголовном судопроизводстве	121
Звягин И. С. Тактические особенности следственного осмотра при расследовании преступлений, связанных с подделкой денежных билетов Банка России.....	132
Ильин Н. Н. Особенности допроса перед проведением опознания по видеоизображениям	139
Исаенко В. Н. Взаимодействие прокурора и сотрудников подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, как принцип методики государственного обвинения.....	145
Комаров И. М. Версия следственного действия и ее организационное значение для планирования расследования преступлений	150
Краснова Л. Б. Проблемы осмотра информации, находящейся в сети Интернет.....	157
Мещеряков В. А. Особенности использования специальных знаний в расследовании преступлений, связанных с применением информационных и телекоммуникационных технологий	163
Россинская Е. Р. Информационно-компьютерное обеспечение криминалистической деятельности как частная криминалистическая теория	168
Савицкая И. Г. Актуальные вопросы предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего лица.....	176
Смагин П. Г. Использование возможностей искусственного интеллекта при раскрытии и расследовании преступлений ...	182
Стояновский М. В. О предмете криминалистической виктимологии	188
Фомина А. С. Процессуальные и тактические особенности производства допросов малолетних и несовершеннолетних потерпевших и свидетелей при расследовании насильственных преступлений	197
Требования к материалам, направляемым в редакционную коллегию журнала для опубликования	209

VORONEZH CRIMINALISTIC READINGS

№ 2 (19). 2017

FEDERAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL JOURNAL

EDITORIAL BOARD:

doctor of legal sciences
M. O. Baev

doctor of legal sciences
O. Ya. Baev
(editor in chief)

doctor of legal sciences
E. Kaspshak
(Olsztyn, Poland)

doctor of legal sciences
V. A. Meshcheryakov

doctor of legal sciences,
academician of the National
academy of legal sciences
of Ukraine, foreign member
of RANS, honored worker
of science and technique
of Ukraine

V. Y. Shepitko
(Kharkiv, Ukraine)

candidate of legal sciences
T. E. Kukarnikova
(executive secretary)

CONTENTS

Introduction.....5

CRIMINAL PROCESS

Anisimova V. V. The prosecution in criminal proceedings6

Baev O. Ya. The reasonable duration of pretrial criminal
prosecution: some problems and possible solutions15

Baeva K. M. Some typical situations of abuse of the right
by the party of protection in criminal trials of Russia:
issues statement26

Belkin A. R. Simplified inquiry pitfalls33

Gorsky V. V., Gorsky M. V. Participation of advocate
in the assignment and proceeding of forensic enquiries
on criminal cases.....45

Zavyalova D. V. Legal rationalization mechanism of crime
investigation in situation of necessity of investigative actions
involving minors52

Zakharova V. O. Criminal procedure mistakes made by
investigators at the exhumation of a corpse58

Ishchenko E. P. About the question of preliminary investigation...63

Sankov V. I. Disadvantages of pre-trial in Russia –
120 years later72

Khmeleva A. V. Features a forensic expert as an evidence
and its assessment by the investigator79

Tsurluy O. Yu. On the nature and structure of the complaint
in the context of article 125 of Russian Criminal
Procedure Code86

CRIMINALISTICS

Bagmet A. M. Some aspects of expertises suspected sexual
violence92

Baev M. O. Tactical features of a defense lawyer's part
in pleadings.....99

Editorial address:
394018 Russia, Voronezh,
Lenin Sq., 10a, r. 611

Bokov S. N. A study of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation about features of the juvenile justice process from the point of view of psychology106

Bychkov V. V. Sacrifice as an element of criminal characteristics of crimes of sexual violence113

Galyashina E. I. On the “pain points” of forensic linguistic expertise in criminal proceedings121

Zvyagin I. S. Tactical particular investigative examination in the investigation of crimes related to counterfeit banknotes the Bank of Russia132

Ilyin N. N. Features of interrogation before carrying out the identification according to video images139

Isayenko V. N. The interaction of the prosecutor and staff of the units engaged in the operational-search activity as a principle techniques of public prosecutions.....145

Komarov I. M. Version investigation and its organizational relevant for planning the investigation of crimes.....150

Krasnova L. B. Problems viewing information in the Internet ...157

Meshcheryakov V. A. Special aspects of use of expertise in investigation of crimes connected with the usage of information and telecommunication technologies163

Rossinskaya E. R. The information and computer software of the criminalistic activities as a private criminalistic theory168

Savitskaya I. G. Topical issues of presentation for the identification with participation under-aged person.....176

Smagin P. G. Using the possibilities of artificial intelligence for the disclosure and investigation of crimes182

Stoyanovsky M. V. On the subject of criminalistics victimology188

Fomina A. S. Judicial and tactical features of production of interrogations of very young and minor victims and witnesses at investigation of crimes of violence197

The requirements to the materials, directed to an editorial board of the journal for publication209

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск «Воронежских криминалистических чтений» традиционно включает в себя статьи, посвященные как собственно криминалистическим проблемам, так и проблемам уголовного процесса. Это представляется мне не только вполне правомерным, но и в высшей степени обоснованным.

Дело в том, что, хотя сама деятельность по раскрытию и расследованию преступлений как таковая возникла значительно раньше уголовного процесса (вспомним «расследование» убийства Авеля Каином), любое государство с момента возникновения (и это его «святая» обязанность) тут же судорожно начинает устанавливать порядки и формы, в соответствии с которыми эта деятельность должна осуществляться.

И в настоящее время все криминалистические проблемы (в частности те, которым посвящены статьи А. М. Багмета, Е. И. Галяшиной, И. С. Звягина, Н. Н. Ильина, И. М. Комарова, И. Г. Савицкой, М. В. Стояновского и других авторов наших «Чтений») имеют значение лишь для уголовного судопроизводства. В нем они отражаются и проявляются, принципиально влияя на его качество (что, в частности, применительно к предварительному расследованию преступлений рассмотрено в статье Е. П. Ищенко).

Однако отечественный уголовно-процессуальный закон, устанавливающий современный порядок и формы осуществления производства по уголовным делам (как, впрочем, любой иной закон) далеко не совершенен. Достаточно сказать, что с момента принятия в 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в него к настоящему времени внесено более 3000 (!) поправок, дополнений и изменений. Как подсчитала профессор Л. А. Воскобитова, из общего числа статей УПК к настоящему времени не изменялись лишь 168 (30 %) *. Многие из этих изменений, в свою очередь, вызывают критические замечания. А потому совершенно обоснованным является то, что они критически анализируются и комментируются в современной юридической литературе, в том числе и авторами нашего сборника (см. статьи К. М. Баяевой, А. Р. Белкина, В. О. Захаровой, А. В. Хмелевой и др.).

Полагаю, что изучать проблемы криминалистики в отрыве от проблем уголовно-процессуального закона, теории и практики уголовного судопроизводства (и наоборот) в высшей степени непродуктивно; это все равно что (интерпретируя одно из выражений А. Азимова из рассказа «Биллиардный шар») вести речь о плоских листах бумаги, не имеющих никакой толщины.

*Ответственный редактор
«Воронежских криминалистических чтений»,
заслуженный деятель науки РФ,
академик РАЕН,
доктор юридических наук,
профессор **О. Я. Баяев***

* См.: Хмелева А. В., Саньков В. И. Международная научно-практическая конференция «Криминалистическое сопровождение расследования преступлений», посвященная 110-летию со дня рождения проф. И. Ф. Крылова // Библиотека криминалиста. Вып. 3 (26). М., 2016. С. 337–338.

УДК 343.12

В. В. Анисимова

Воронежский государственный университет

СТОРОНА ОБВИНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

А н н о т а ц и я: в статье рассматривается процесс становления принципа состязательности в уголовном процессе России, анализируются понятия «обвинение» и «уголовное преследование», обосновывается правомерность и методологическая корректность отнесения прокурора, следователя и частного обвинителя к стороне обвинения; предлагается исключить потерпевшего, его законного представителя и представителя, гражданского истца и его представителя из числа участников со стороны обвинения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: принцип состязательности, участники со стороны обвинения, следователь, прокурор, частный обвинитель, потерпевший, пострадавший, гражданский истец.

THE PROSECUTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: in this article the author deals with the process of establishing the principle of adversarial system in the Russian criminal proceeding, analyzes such terms as “criminal charge” and “criminal prosecution”, justifies legality and methodological correctness of including a prosecutor, investigator and private plaintiff into the prosecution, proposes to exclude the aggrieved person, his legal representative and his attorney, a civil claimant and his attorney from the list of the prosecuting party members.

Key words: principle of adversarial system, prosecuting party members, investigator, prosecutor, private plaintiff, aggrieved person, civil claimant.

Поступила в редакцию 30 сентября 2016 г.

Принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве в международном праве рассматривается в качестве основополагающего условия справедливого правосудия: каждый человек для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом (ст. 10 Всеобщей декларации прав человека, принята

Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.).

Процесс становления принципа состязательности в уголовном процессе России достаточно долгий и сложный. До 1864 г. в России существовала инквизиционная система уголовного процесса с системой формальных доказательств. И только лишь Судебная реформа 1864 г. создала совершенно новую систему правосудия. Ликвидировалось сословное деление, суд становился «равным для всех». Инквизиционный порядок заменился смешанной формой уголовного процесса

© Анисимова В. В., 2017

с рядом признаков состязательности, основанной на свободной оценке судом доказательств, рассмотренных в ходе гласного судебного разбирательства. Происходило отделение предварительного следствия от процесса судебного разбирательства, а также разграничение функций и формирование сторон: обвинительная прокуратура и защищающая адвокатура.

В советском уголовном процессе главным являлось не состязание сторон, а активная, направленная на борьбу с преступностью деятельность органов государства – предварительного следствия, прокуратуры и суда. Они должны были вести эту борьбу совместно, единым фронтом. Формально не отрицая состязательности и даже включая ее в некоторые свои законодательные акты, власть даже не пыталась влить в нее соответствующее содержание¹.

Однако и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. так и не пришел к разделению функций в уголовном процессе и не предусмотрел принцип состязательности.

И только с утверждением Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. Концепции судебной реформы в РСФСР произошли фундаментальные изменения в уголовном процессе. В качестве главных принципов организации судопроизводства были провозглашены: состязательность, равноправие сторон и презумпция невиновности.

Определяющее значение для закрепления начал состязательности в российском судопроизводстве значение имела Конституция РФ 1993 г., которая в ч. 3 ст. 123 закрепила: «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон», что предполагает, как указал Конституционный Суд РФ, «такое построение судопроизводства, при котором функция правосу-

дия (разрешения дела), осуществляемая только судом, отделена от функций спорящих перед судом сторон. При этом суд обязан обеспечивать справедливое и беспристрастное разрешение спора, предоставляя сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций, и потому не может принимать на себя выполнение их процессуальных (целевых) функций. В уголовном судопроизводстве состязательность означает строгое отграничение функции суда по разрешению дела от функций обвинения и защиты, каждая из которых возложена на определенных участников процесса»².

И, наконец, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК) в 2001 г. состязательность была введена в ранг принципа всего отечественного уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК). И потому логически последовательно и неизбежно ст. 15 УПК однозначно развела между собой стороны обвинения и защиты.

Однако если система стороны защиты понимается всеми достаточно определенно и однообразно, то структура стороны обвинения, как она определена в ст. 5 УПК, в уголовно-процессуальной литературе является предметом острых дискуссий.

Так, до настоящего времени у юристов не сложилось единого мнения как о сущности и содержании таких (одних из основных) уголовно-процессуальных категорий, как «обвинение» и «уголовное преследование», так и об их соотношении между собой.

Обвинение, в соответствии с п. 22 ст. 5 УПК, есть утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК. В п. 55 этой же статьи УПК под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность, осуществля-

емая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

В. А. Андриянов, рассуждая о соотношении данных понятий (понимая их как уголовно-процессуальные функции), пишет: «Эти две функции являются взаимопроницаемыми и взаимодополняющими друг друга. Основным критерием, позволяющим провести различие между данными функциями, является момент начала их осуществления. Если функция уголовного преследования начинает осуществляться с момента возбуждения уголовного дела, то функция обвинения не может реализовываться независимо от уголовного преследования и берет свое начало с момента вынесения следователем постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (дознавателем – обвинительного акта)»³.

В то же время многие ученые считают данные понятия синонимами. В частности, М. С. Строгович категорически утверждал, что «уголовное преследование – это обвинение как уголовно-процессуальная функция, обвинительная деятельность»⁴.

Действительно, в свете и действующего в настоящее время уголовно-процессуального законодательства подобный вывод о тождественности данных понятий можно сделать, исходя из положения, сформулированного в п. 45 ст. 5 УПК, в котором говорится, что «стороны – участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения».

На наш взгляд, это не совсем верно. Обвинение – это *тезис*, утверждение о совершении определенным лицом преступления, а уголовное преследование – это процессуальная *деятельность*,

направленная на изобличение лица, совершившего преступление, которая начинается как минимум с момента возбуждения уголовного дела и заканчивается вынесением приговора, т.е. реализуется на протяжении всего уголовного судопроизводства. Тем самым обвинение формируется в процессе уголовного преследования. При этом не всегда уголовное преследование заканчивается обвинительным тезисом.

В связи с этим более верной нам представляется позиция П. М. Давыдова: под «обвинением» он понимает «доказанное, закрепленное в процессуальном документе и направленное на реализацию уголовной ответственности утверждение органа дознания, следователя, прокурора, судьи и суда о совершении преступления данным лицом»⁵.

Думается, целесообразно внести изменения в УПК и предусмотреть положения, которые принципиально бы разграничили два данных понятия, дабы избежать противоречий и неправильного понимания в правоприменительной и научной деятельности.

Предусмотренная действующим УПК система стороны обвинения включает в себя: прокурора, следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, орган дознания, частного обвинителя, потерпевшего, его законного представителя и представителя, гражданского истца и его представителя.

Однако в современной юридической литературе рядом авторов высказываются сомнения в правомерности включения в эту систему некоторых перечисленных выше ее представителей, в первую очередь следователя.

К примеру, Д. М. Берова, полагая, что следователь не является стороной

обвинения, свою позицию аргументирует следующими доводами: «Следователь не обвиняет, он расследует факт, который расценивается (при возбуждении дела и в ходе расследования) как содержащий признаки преступления. Но следователь обязан расследовать объективно, полно и всесторонне, собирая как обвиняющие, так и оправдывающие доказательства, как отягчающие, так и смягчающие вину. При таких условиях нельзя расценивать следователя как сторону обвинения. Единственной процессуальной функцией следователя является функция расследования уголовного дела»⁶.

Ю. К. Якимович критикует законодателя за то, что органы предварительного расследования и прокурора отнес к участникам со стороны обвинения, полагая, что в результате этого следователь и дознаватель теряют объективность в расследовании, собирают лишь обвинительные доказательства. Дознаватель и следователь должны осуществлять функцию объективного и всестороннего расследования⁷.

С данными утверждениями мы согласиться не можем.

Следователь, по нашему убеждению, является «преследователем». Его процессуальная функция – выявление наличия преступления в расследуемом событии, установление и изобличение лица, его совершившего, посредством формирования доказательств, достаточных для дальнейшего их исследования судом и вынесения справедливого решения в отношении конкретного лица⁸.

При этом следователь, следователь/дознаватель, выполняя функцию уголовного преследования, обязаны сохранять объективность и беспристрастность, не допуская обвинительного уклона в доказывании. Они обязаны принимать в установленных процессуальных фор-

мах все зависящие от них меры к тому, чтобы были получены доказательства, подтверждающие как виновность, так и невиновность лица в совершении инкриминируемого ему преступления. Обстоятельства, оправдывающие обвиняемого (подозреваемого) или смягчающие его наказание, исследуются и оцениваются наравне с обстоятельствами, изобличающими обвиняемого (подозреваемого) или отягчающими его наказание. Следователь при этом не осуществляет функцию защиты наравне с функцией обвинения, как утверждают некоторые ученые⁹.

Верно отмечает М. С. Строгович, что «полная уверенность в виновности обвиняемого может быть достигнута следователем лишь тогда, когда по делу исчерпаны все средства защиты обвиняемого; уличающие обвиняемого обстоятельства получают полную силу лишь тогда, когда все оправдывающие обвиняемого обстоятельства были опровергнуты или оказались не способными поколебать обвинение. Пока же оправдывающие обвиняемого обстоятельства остаются невыясненными, продолжают оставаться спорными обстоятельства, уличающие обвиняемого»¹⁰.

Потому необоснованно утверждать, что отнесение следователя к стороне обвинения может стать «законным» условием злоупотребления его своими полномочиями, когда он активно ищет доказательства виновности лица, его изобличения, пренебрегая доказательствами невиновности¹¹.

Недобросовестное исполнение следователем своих обязанностей, невыполнение тех функций, которые возложил на него законодатель, отнес его к стороне обвинения, ни в коем случае не указывает на обвинительный уклон, а только лишь говорит о непрофессионализме

должностного лица. И в данном случае мы сталкиваемся не с ошибкой законодателя (как полагает Ю. К. Якимович), а уже непосредственно с индивидуальной личностью самого следователя.

В последнее время в литературе высказываются мнения, что следователь является ни кем иным, как «установителем истины» по уголовному делу.

Так, например, А. М. Багмет пишет: «На сегодняшний день в уголовном процессе сложилась логичная, выработанная длительной практикой схема осуществления уголовного судопроизводства, когда есть сторона обвинения, сторона защиты и являющийся между ними независимым арбитром суд. Следователь, не поддерживающий ни одну из сторон, является в этой схеме установителем истины по уголовному делу»¹².

Солидарен с А. М. Багметом и А. В. Федоров, который высказал мнение, что «следователь не должен быть всецело на стороне обвинения, его задача – установление истины по делу, неважно – формальной или абсолютной. Следователь должен разобраться и дать оценку тому, что было на самом деле»¹³.

Однако не может быть сомнений, что вывод следователя (прокурора) о доказанности совершения преступления конкретным лицом – это не объективная истина, а лишь версия обвинения, которую должен проверить «на прочность» (поддержать или опровергнуть) суд в состязательном уголовном процессе. Она должна быть равновеликой для суда наравне с версией адвоката-защитника¹⁴.

Суд, после того как тщательно проверит, оценит, полно и всесторонне исследует все доказательства, представленные сторонами, должен прийти к убеждению о доказанности или недоказанности обвинительного тезиса.

Если следователь является установителем истины, то, как верно замечает А. С. Александров, «делается ненужным ни адвокат, ни собственно суд»¹⁵, а следовательно, не нужны тогда все рассмотренные нами выше процедуры и собственно сам состязательный процесс.

Прокурор как участник процесса со стороны обвинения, без сомнения, как и следователь, является непосредственным, можно даже сказать «ключевым», участником уголовного преследования.

В соответствии со ст. 21 УПК уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель. Из данной дефиниции уже можно сделать вывод, что закон во главу уголовного преследования ставит прокурора, а уже после указывает следователя и дознавателя. И это вполне обоснованно.

До внесения изменений в уголовно-процессуальный закон у прокурора было значительно больше полномочий на стадии предварительного расследования, которые в последующем были переданы исключительно руководителям следственных органов – вплоть до права возбуждения уголовного дела.

Мы всецело согласны с мнением, что прокурору – должностному лицу, охраняющему права и свободы человека и гражданина, – необходимо предоставить значительно большие права на досудебных стадиях уголовного процесса – «от возбуждения уголовного дела, решения вопросов о применении мер процессуального принуждения до не только участия в проведении отдельных следственных действий, но и при необходимости – самостоятельного их производства»¹⁶.

Прокурор является «двигателем», руководителем всего уголовного пре-

следования. От него зависит итог всей стадии досудебного производства, именно он утверждает обвинительное заключение, обвинительный акт и обвинительное постановление по уголовному делу, а затем продолжает уголовное преследование непосредственно уже на стадии судебного разбирательства, поддерживая государственное обвинение в суде. Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа (ч. 7 ст. 246 УПК).

Как верно указывает О. Я. Баев: «Необходимо честно, без ханжества признать и недвусмысленно закрепить в законе, что прокурор является руководителем и организатором всей системы уголовного преследования»¹⁷. Иными словами, правомерность и методологическая корректность отнесения прокурора и следователя к стороне обвинения у нас сомнений не вызывает.

Однако некоторым субъектам, отнесенным законодателем к стороне обвинения, на наш взгляд, функция обвинения «линейно» не свойственна. Такими субъектами являются потерпевший и гражданский истец.

Так, ст. 22 УПК предусматривает не обязанность, а право потерпевшего на участие в уголовном преследовании. Более того, законодатель не закрепляет необходимости получения согласия самого пострадавшего для признания его потерпевшим. А как быть, если пострадавшее от преступления лицо не желает воспользоваться своим процессуальным правом и участвовать в уголовном преследовании? А следователь и суд по собственной инициативе признает его

потерпевшим, присваивая ему определенные права и обязанности?

Приведем несколько доводов относительно неправомерности, по нашему мнению, однозначного отнесения потерпевшего и гражданского истца к участникам со стороны обвинения:

1. Главная цель участников со стороны обвинения – изобличить лицо, причастное к совершению преступления, установить его виновность и добиться справедливого наказания; у потерпевшего и гражданского истца цель в первую очередь – восстановить нарушенные права.

2. Обвинитель (прокурор, следователь, дознаватель) обязан совершать процессуальные действия, направленные на раскрытие преступления: собирать, проверять и оценивать доказательства (ч. 1 ст. 86, ст. 87, ч. 2, 3 ст. 88 УПК). Потерпевший, гражданский истец и их представители вправе только собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (ч. 2 ст. 86 УПК).

3. Сторона обвинения должна, наряду с подтверждающими вину иотягчающими обстоятельствами, устанавливать обстоятельства, исключающие преступность и наказание деяния, обстоятельства, смягчающие иотягчающие наказание, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности. Для потерпевшего и гражданского истца установление данных обстоятельств противоречит его интересам.

Тем самым, полагаем, потерпевший, его законный представитель и представитель, гражданский истец и его представитель должны быть исключены из числа участников со стороны обвинения и вынесены в отдельную группу

участников, как лица, заинтересованные в исходе дела, но никак не осуществляющие функцию уголовного преследования. Это их право участвовать в уголовном процессе, а не обязанность.

Анализируя статус частного обвинителя в уголовном процессе, мы с уверенностью относим его к участникам со стороны обвинения.

Согласно ч. 1 ст. 43 УПК частным обвинителем является лицо, подавшее заявление в суд по уголовному делу частного обвинения в порядке, установленном ст. 318 УПК, и поддерживающее обвинение в суде.

Частный обвинитель наделен правами, которыми наделен и государственный обвинитель (ч. 4–6 ст. 246 УПК). На нем полностью лежит бремя доказывания и опровержения доводов защиты. Обвинитель вправе представлять доказательства и участвовать в их исследовании. От него зависит все уголовное преследование: от подачи заявления до его прекращения. В данном случае нет сомнений в обвинительной функции частного обвинителя.

Однако, как представляется, законодатель не совсем верно использует определение потерпевшего по делам частного обвинения. Так, в п. 59 ст. 5 УПК говорится, что частный обвинитель – это потерпевший или его законный представитель и представитель по уголовным делам частного обвинения. В ст. 20 УПК предусмотрено, что дела частного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Однако, исходя из ст. 42 УПК, процессуальным основанием признания потерпевшим является постановление дознавателя, следователя, судьи или определение суда. Тем самым

в данных случаях речь идет не о потерпевших, а о пострадавших. Необходимо различать два данных понятия, что и предлагается закрепить процессуально, изменив ряд статей.

Исходя из предложенного нами подхода, касающегося участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, ее должны составлять прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания и частный обвинитель. Необходимо исключить потерпевшего, его законного представителя и представителя, гражданского истца и его представителя из числа участников со стороны обвинения и вынести в отдельную группу участников, как лиц, заинтересованных в исходе дела. Также целесообразно воспользоваться опытом Республики Молдова и признать лицо, пострадавшее от преступления, потерпевшим только с его согласия¹⁸.

Ввиду этого необходимо дополнить ст. 5 УПК определением пострадавшего: «Пострадавшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации». Кроме того, стоит изменить ч. 1 ст. 42 УПК и представить ее в следующей редакции:

1. Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации, с согласия пострадавшего признанное в этом качестве в установленном законом порядке. Решение о признании потерпевшим прини-

мается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Если на момент возбуждения уголовного дела

отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице и с его согласия.

¹ Кузьмина О. В. Эволюция состязательности российского уголовного судопроизводства : исторический опыт и перспективы развития. URL: <http://www.iaaj.net/node/429>

² По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края : постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1228011/>

³ *Андреянов В. А.* Обвинение в российском уголовном процессе : понятие, сущность, значение и теоретические проблемы реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 7–8.

⁴ *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 190.

⁵ *Давыдов П. М.* Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, 1974. С. 29.

⁶ *Берова Д. М.* К вопросу о процессуальной функции следователя в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 209.

⁷ См.: *Якимович Ю. К.* Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015. С. 34.

⁸ Русскими процессуалистами дореволюционного периода также отмечалось, что предварительное следствие существует для разрешения вопроса о предании суду. См. например: *Багдасаров Р. В.* Принцип состязательности в уголовном процессе России и стран Европейского Союза. М., 2008. С. 108.

⁹ См. например: *Осипов В. Н., Первушина И. Н.* Состязательность на досудебных стадиях российского уголовного процесса // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2014. № 1. С. 61.

¹⁰ *Строгович М. С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 99, 101.

¹¹ См.: *Халиков А. Н.* Криминалистические функции следователя в состязательном уголовном судопроизводстве // Воронежские криминалистические чтения. 2016. № 1 (18). С. 226.

¹² *Багмет А. М.* Анализ целесообразности введения института следственного судьи в уголовное судопроизводство // Российский следователь. 2015. № 11. С. 6–7.

¹³ *Михайлов М. А., Омельченко Т. В.* Проблемы и перспективы организации предварительного расследования : конференция в академии Следственного комитета Российской Федерации. Обзор выступлений участников // Ученые записки крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Юридические науки. Т. 1. 2015. № 3. URL: <http://www.iaaj.net/node/1867>

¹⁴ См.: *Баев О. Я.* Функция следователя и прокурора – уголовное преследование // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 1. С. 121.

¹⁵ *Александров А. С.* Состязательность и объективная истина // Библиотека криминалиста. 2012. № 3 (4). С. 148.

¹⁶ *Баев О. Я.* Указ. соч. С. 124.

¹⁷ Там же. С. 123.

¹⁸ Ч. 1, ст. 59 УПК Республики Молдова: «Потерпевшим признается физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или материальный ущерб, признанное в этом качестве в установленном законом порядке с согласия пострадавшего. Несовершеннолетний, которому преступлением причинен ущерб, признается потерпевшим и без его согласия». См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3833

Воронежский государственный университет

Анисимова В. В., магистр кафедры
криминалистики

E-mail: anisimovavaleri@mail.ru

Тел.: 8-919-180-01-44

Voronezh State University

Anisimova V. V., Master Student
of the Criminalistics Department

E-mail: anisimovavaleri@mail.ru

Tel.: 8-919-180-01-44

РАЗУМНОСТЬ СРОКОВ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

А н н о т а ц и я: в статье рассматриваются проблемы оценки разумных сроков осуществления досудебного уголовного преследования, в том числе связанные с обеспечением прав и законных интересов граждан, как в случае неоднократных отказов в осуществлении в отношении них уголовного преследования (его прекращения), так и в отношении лиц, пострадавших от преступлений, по которым обвиняемый не установлен или оправдан; внесены законодательные предложения по возможному разрешению выявленных проблем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: разумный срок уголовного преследования, отказ в уголовном преследовании или его прекращение.

THE REASONABLE DURATION OF PRETRIAL CRIMINAL PROSECUTION: SOME PROBLEMS AND POSSIBLE SOLUTIONS

A b s t r a c t: the article considers the problems of assessing the reasonable duration of pre-trial criminal prosecution, including those associated with ensuring the rights and legitimate interests of citizens, as in the case of repeated denials concerning their criminal prosecution (dismissal of case), and victims of crimes for which the accused is not installed or justified; made legislative proposals on the possible resolution of the identified problems.

Key words: a reasonable term of criminal prosecution, denial of the prosecution or its termination.

Поступила в редакцию 20 сентября 2016 г.

Accusator post rationabile tempus non est audiendus, nisi se bene de omissione excusaverit¹.

Крайне важная и далеко неоднозначная проблема временных интервалов осуществления досудебного уголовного преследования повышенную актуальность приобрела в свете правовой декларации о разумности сроков уголовного судопроизводства, возведенной в настоящее время в ранг общего уголовно-процессуального принципа (ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации; далее – УПК).

Разумность срока уголовного судопроизводства в целом оценивается временным интервалом «с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора».

Разумность же сроков досудебного производства определяется периодом «со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по ос-

нованию, предусмотренному пунктом 1 части первой статьи 208 настоящего Кодекса» (ч. 3, 3.1 ст. 6.1 УПК). Данное положение предусматривает такое основание для приостановления предварительного следствия, как неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Как видим, в данной уголовно-процессуальной норме речь идет об уголовном преследовании, когда оно осуществляется в отношении конкретного лица, и не включает в себя предшествующую появлению подозреваемого/обвиняемого деятельность следователя.

В целом это представляется вполне корректным. Сроки деятельности следователя до появления в деле процессуальной фигуры подозреваемого/обвиняемого зачастую весьма продолжительны, они могут продлеваться в порядке, установленном ст. 162 УПК, если не до «бесконечности», то, как думается, до истечения сроков давности уголовной ответственности за расследуемое преступление.

Общеизвестен ряд «резонансных» уголовных дел, расследование которых продолжалось и продолжается не годами, а десятилетиями. Вряд ли разумность сроков уголовного судопроизводства до появления по делу процессуальной фигуры подозреваемого/обвиняемого, даже если они достаточно длительны, может вызывать какие-либо негативные реакции. Напротив, это в высшей степени разумно и свидетельствует о непрекращающихся усилиях органов уголовного преследования раскрыть преступление, по факту которого данное дело возбуждено и по которому, как сказано, с этой целью сроки расследования продлеваются.

К примеру, не может возникнуть каких-либо сомнений в разумности 5-летнего срока расследования уголовного дела, когда были соединены дела по фак-

там убийств 17 пожилых женщин, совершенных в 2002–2010 гг. в Свердловской области, материалы которого составили 443 тома (из них 7 томов – обвинительное заключение). По делу было допрошено более 3 тысяч свидетелей и проведено свыше 2 тысяч сложнейших судебных экспертиз. Изобличенная в совершении этих преступлений Гайдачук до постановления в отношении ее обвинительного приговора содержалась под стражей чуть менее 2 лет².

Более того, уголовное преследование, осуществляемое в отношении некоего лица, может быть за неподтверждением его обоснованности прекращено как в ходе предварительного расследования, так и в результате постановления вступившего в законную силу оправдательного приговора, а само судопроизводство для установления лица, совершившего преступление, несомненно, будет продолжаться³.

В то же время легко представить себе ситуацию, когда органы уголовного преследования по тем или иным причинам, даже при очевидной доказанности вины конкретного лица в совершении преступления, по признакам которого уголовное дело было возбуждено, длительное время осуществляют предварительное расследование, не облакая это лицо процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого.

Другая, противоположная, ситуация: в сущности, обоснованное постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела против конкретного лица неоднократно отменяется прокурором, после чего по отмененным материалам повторно принимаются аналогичные решения.

О распространенности таких ситуаций достаточно убедительно свидетельствуют данные, приводимые А. И. Бастрыкиным:

в 2014 г. из 80 081 отмененных вынесенных следователями Следственного комитета Российской Федерации постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел (из них 60 (3 %) отменено прокурорами) количество возбужденных после дополнительной проверки уголовных дел составляет менее 1 % (точнее – 0,82 %)⁴.

И хотя в обеих этих ситуациях подозреваемого/обвиняемого в точном процессуальном смысле этих понятий, несомненно, нет, очевидно, что права и законные интересы этих лиц существенным образом на данных досудебных стадиях уголовного процесса ограничиваются и ущемляются.

В первую очередь здесь мы имеем в виду ничем не ограниченные сроки возможности начала уголовного преследования в отношении конкретного лица, относительно которого ранее в уголовном его преследовании отказывалось, или возобновления ранее прекращенного уголовного преследования в отношении конкретного лица в ходе предварительного расследования.

Проиллюстрируем сущность этой проблемы двумя примерами из собственной адвокатской практики.

1. Р., обороняясь от напавших на него хулиганов, использовал травматический пистолет, выстрелом из которого одному из них выбил глаз (тем самым причинив тяжкий вред здоровью). По данному факту в возбуждении уголовного дела в отношении Р. было отказано по основанию причинения им вреда потерпевшему в состоянии необходимой обороны. Затем на протяжении трех лет данное постановление (и все последующие аналогичные) пять раз прокурором района отменялось, и материалы направлялись на дополнительную их проверку.

В конечном счете в отношении Р. было возбуждено уголовное дело, он

был привлечен к ответственности по ч. 1 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК). Судебное разбирательство (с учетом того, что оно дважды возвращалось судом прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению) продолжалось более 10 месяцев, в результате которого в отношении Р. был постановлен вступивший в законную силу оправдательный приговор.

Иными словами, под угрозой привлечения к уголовной ответственности, а затем под реальным уголовным преследованием Р. находился в общей сложности более 4 лет.

2. В отношении Д. было возбуждено уголовное дело по признакам наличия в ее действиях мошенничества. Затем ей было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК, и избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде; кроме того, следователь выходил в суд с ходатайством об отстранении Д. от занимаемой должности (в удовлетворении этого ходатайства суд отказал).

По результатам длившегося около года предварительного расследования дело в ее отношении было прекращено.

Первый вопрос, который после ознакомления с постановлением о прекращении дела задала Д. своему защитнику, был: А может ли это постановление быть отмененным, и в какой срок? – Может, – «утешил» ее адвокат, – практически в любое время до истечения сроков давности уголовной ответственности за инкриминировавшееся ей преступление...

И действительно, на протяжении двух следующих лет трижды расследование по данному делу возобновлялось, а затем прекращалось по тем же основаниям, что и при первоначальном его прекращении.

Проблема, обозначенная в приведенных, достаточно «штатных» для правоприменительной практики, примеров, состоит в том, что закон не ограничивает сроки для отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении конкретных лиц.

Законом также не установлены какие-либо сроки для отмены постановлений о прекращении в отношении конкретных лиц уголовного их преследования. Заинтересованным лицам лишь разъясняется их право на обжалование таких постановлений, но даже сроки этого законом, как сказано, не оговариваются (ч. 5 ст. 148, ч. 4 ст. 213 УПК)⁵.

Думается, столь широкое поле для следственного усмотрения как о прекращении уголовного преследования (об отказе в его производстве), так и о его возобновлении чревато повышенной опасностью перехода усмотрения в произвол, в принятие таких решений по различным субъективным (в том числе, увы, и коррупционным) причинам.

Говоря об этой проблеме, также нельзя не сказать, что она в силу своей значимости, распространенности рассматриваемых ситуаций и неопределенности правоприменительной практики при их разрешении неоднократно была предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации⁶. Его правовая позиция по ней следующая:

«...сама по себе возможность отмены незаконного и необоснованного постановления о прекращении уголовного дела и возобновления производства по делу вытекает из предписаний Конституции Российской Федерации, обязывающих органы государственной власти, должностных лиц и граждан соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (статья 15, часть 2), гарантирующих государственную защиту прав и сво-

бод человека и гражданина (статья 45, часть 1) и возлагающих на государство обязанность обеспечивать потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 52).

[...] ...при решении вопросов, связанных с возобновлением прекращенных уголовных дел, надлежит исходить из необходимости обеспечения и защиты как интересов правосудия, прав и свобод потерпевших от преступлений, так и прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и считающихся невиновными до тех пор, пока их виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1, Конституции Российской Федерации); недопустимо произвольное возобновление прекращенного уголовного дела, в том числе многократное его возобновление по одному и тому же основанию (в частности, по причине неполноты проведенного расследования), создающее для лица, в отношении которого дело было прекращено, постоянную угрозу уголовного преследования. При этом гарантией защиты прав и свобод является право на судебное обжалование постановления прокурора (руководителя следственного органа) об отмене постановления о прекращении уголовного дела и о возобновлении производства по делу»⁷.

Мы не ставим под малейшее сомнение правовую корректность приведенной позиции Конституционного Суда РФ. Тем не менее данная проблема получит более определенное разрешение лишь в случае законодательного установления временных сроков на обжалование названных постановлений, а также сроков, по истечению которых принятые решения об отказе в уголовном пре-

следовании конкретного лица или о его прекращении в отношении конкретного лица не могут быть отменены.

Относительно первых сроков: вполне обоснованным представляется срок для обжалования постановлений о прекращении уголовного дела, предусмотренный ст. 209 УПК 1960 г., – пять суток с момента уведомления заинтересованных лиц и прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела либо о его прекращении.

Относительно сроков возможной отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица и прекращении уголовного преследования можно предложить несколько вариантов решения этой проблемы.

Во-первых, видится разумным с соответствующими коррективами использовать порядок, установленный законом для пересмотра оправдательного приговора ч. 2 ст. 405 УПК: «...пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены фундаментальные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на законность приговора, определения или постановления суда».

Во-вторых (подчеркнем, также в существенно постановочном плане), возможна экстраполяция (опять же в соответствующей интерпретации) на решение этой проблемы понятия и сроков исковой давности, установленные в гражданском праве (как известно, общий срок исковой давности ограничен тремя годами – ст. 196 Гражданского кодекса Российской Федерации; при этом для отдель-

ных видов требований законом могут устанавливаться специальные сроки исковой давности, сокращенные или более длительные по сравнению с общим сроком – ст. 197 ГК РФ).

Внося это предложение, автор ясно осознает таящийся в нем «подводный камень». А он следующий: риск предоставления правоприменителям – органам и лицам, осуществляющим уголовное преследование, возможности освобождения лица от ответственности за совершенное им деяние в связи с истечением предлагаемого срока для отмены указанных выше постановлений. Мотивы для того могут быть различны, в том числе – и это самое опасное! – коррупционные. Однако такая опасность, увы, есть при осуществлении любой правоприменительной деятельности при принятии процессуальных решений его субъектами по усмотрению, в том числе – особо обратим на это внимание – и при принятии судом решений по жалобам заинтересованных лиц об отмене постановления о прекращении уголовного дела и возобновления по нему производства.

Тем не менее:

Оставление лица под угрозой возбуждения в отношении него уголовного преследования в ситуациях, когда ранее в том в установленном законом порядке было отказано, либо возобновления прекращенного в отношении его уголовного преследования на практически неограниченный срок, по нашему убеждению, противоречит декларируемому законом положению об осуществлении уголовного судопроизводства (уголовного преследования) в разумные сроки.

Мы убеждены, что необходимость законодательного ограничения сроков досудебного уголовного преследования в рассматриваемых ситуациях и аспектах особо значима.

Как на то неоднократно обращал внимание Европейский суд по правам человека в своих Постановлениях, *«только с момента уведомления лица о прекращении уголовных процедур оно прекращает чувствовать себя находящимся под влиянием уголовного дела, а также испытывать чувства правовой неопределенности, которую ст. 6 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] предназначена ограничить»* (курсив наш. – О. Б.)⁸.

Столь либерально-радикальное предложение в «пользу» лица, подвергающегося/подвергавшегося уголовному преследованию, с позиции усмотрения о разумности сроков последнего, с логической неизбежностью обуславливает необходимость остановиться и на проблеме обеспечения прав и законных интересов потерпевшего от преступного посягательства, без всяких на то сомнений, нарушаемых некачественным досудебным уголовным преследованием.

Мы видим два аспекта в этой проблеме.

Первый. Как известно, уголовно-процессуальный закон оставил на полное усмотрение лица, осуществляющего уголовное преследование, выбор действий для формирования, исследования и использования доказательств по конкретному уголовному делу из числа предусмотренных УПК. Однако, признав необходимым производство того или иного из них, следователь под угрозой признания в дальнейшем сформированного доказательства недопустимым *обязан* скрупулезно и неукоснительно соблюдать уголовно-процессуальный порядок его производства.

Вопрос: как потерпевший может удовлетворить свои законные интересы, в частности на возмещение ему материального ущерба и причиненного мораль-

ного вреда, если уголовное преследование подозреваемого/обвиняемого оказалось несостоятельным именно в связи с тем, что основные обвинительные доказательства были сформированы следователем с грубейшими и существенными нарушениями процессуального порядка производства следственных действий? Иными словами, в чем в такой ситуации «виноват» потерпевший?

Именно этот вопрос задал адвокату – представителю потерпевшего его доверитель, когда суд, согласившись с доводами стороны защиты, признал недопустимыми все основные доказательства обвинения М. в разбойном нападении (протокол обыска, протоколы предъявления М. на опознание потерпевшему, предъявления для опознания предмета, использованного при совершении преступления); по ходатайству государственного обвинителя после того дело было возвращено прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению, а затем уголовное преследование в отношении М. было прекращено.

«Меня чуть не убили, сожгли мою машину (разбой был связан с нападением на частного таксиста), откуда я знал, и почему я должен был знать, как надо проводить расследование?» – спросил он».

Второй аспект этой проблемы – опять же с позиций как принципа разумности сроков уголовного преследования, так и удовлетворения законных интересов потерпевшего от преступного посягательства, обуславливается недостатками досудебного уголовного преследования, состоящими в непроведении следственных действий, результаты которых могут объективно и убедительно подтверждать обоснованность следственного и государственного обвинения лица, в совершении инкриминируемого ему преступления (в ряде случаев усугубляемых

пассивностью поддержания государственного обвинения в суде).

Сущность его видна из следующего уголовного дела, ставшего предметом изучения Президиума Верховного Суда РФ.

Салпагаров был оправдан судом с участием присяжных заседателей по обвинению в совершении убийства, сопряженного с разбоем; уголовное дело было направлено прокурору для производства предварительного расследования и установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

После вступления этого приговора в законную силу органами предварительного расследования были получены новые веские доказательства, изобличающие Салпагарова в совершении ранее инкриминированного ему преступления. В частности, в результате проведенной в ходе повторного расследования судебной генетической экспертизы на ранее изъятой его одежде были обнаружены следы крови, произошедшей от потерпевшей.

Эти обстоятельства, говорится в заключении заместителя Генерального прокурора РФ, являются новыми, фундаментальными по своему значению, оценка им должна быть безоговорочно дана в уголовно-правовом контексте в целях исправления объективно необоснованного и незаконного судебного решения, обеспечения правосудности судебного акта и восстановления судом прав и законных интересов потерпевших; характер нового обстоятельства не должен являться препятствием для реализации судом функции по осуществлению правосудия.

Отклоняя это заключение, Президиум Верховного Суда РФ пришел к следующим двум выводам:

1. «Конституционным Судом РФ в постановлении однозначно выражена позиция о том, что, возобновляя произ-

водство по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, суд обеспечивает не восполнение недостатков обвинительной и судебной деятельности, а возможность исследования тех фактических обстоятельств, которые уголовный закон признает имеющими значение для определения основания и пределов уголовно-правовой охраны, но которые в силу объективных причин ранее не могли входить в предмет исследования по уголовному делу.

По смыслу закона такие новые обстоятельства не могут быть обусловлены какими-либо упущениями со стороны суда либо органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование и поддержание обвинения в суде». Иными словами: что мешало провести данную генетическую экспертизу при первоначальном расследовании дела или в суде при рассмотрении этого дела по инициативе государственного обвинителя, а может быть, и самого суда?

2. «Законодательство Российской Федерации не содержит правовых механизмов, допускающих пересмотр вступившего в силу оправдательного приговора по основаниям возникновения обстоятельств, ставящих под сомнение его обоснованность, если такие новые обстоятельства не были известны суду в связи с допущенной по делу неполнотой предварительного или судебного следствия»⁹.

Попытаемся обосновать и сформулировать собственное мнение по этой далеко не однозначной проблеме, для чего, в первую очередь, обратимся к вопросу о соотношении общественных и личных интересов в уголовном судопроизводстве, необходимости баланса между ними.

По нашему разумению, оставление лица, в отношении которого постановлен вступивший в законную силу оправда-

тельный приговор, под угрозой возобновления уголовного преследования по тому же обвинению неограниченное время, в принципе не соответствует общественным интересам, защищаемым в уголовном судопроизводстве. Наиболее четко в рассматриваемом отношении они отражены в ч. 3 ст. 414 УПК, в императивной форме установившей совершенно определенный и достаточно краткий срок для пересмотра оправдательного приговора в порядке надзора – не позднее одного года со дня открытия вновь открывшихся обстоятельств (и, естественно, лишь в течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, предусмотренных ст. 78 УК).

При этом напомним и особо подчеркнем, что, как это сформулировано в приведенном выше постановлении Президиума Верховного Суда РФ, «по смыслу закона такие новые обстоятельства не могут быть обусловлены какими-либо упущениями со стороны суда либо органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование и поддержание обвинения в суде».

Следовательно, эту проблему есть смысл продолжать рассматривать с несколько иных позиций. Как общественные интересы, воплощенные в данном случае в ограничении оснований для пересмотра в порядке надзора оправдательного приговора и сроков для того, коррелируются и коррелируются ли вообще с законными интересами и правами лица, пострадавшего от преступления (его представителя), признанного потерпевшим по уголовному делу?

Нет сомнений, что в подобных ситуациях законные интересы и права потерпевшего ущемляются, и ущемляются достаточно серьезно. В первую очередь, разумеется, за счет того, что ранее оправданное лицо не понесет за совершение пре-

ступления уголовной ответственности. И это даже в том случае, когда в результате повторного расследования уголовного дела (после возвращения его судом для установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого) добыты достаточные доказательства для продолжения его не только досудебного, но и судебного уголовного преследования.

Осознавая этот прямой и глубокий конфликт между общественными и личными интересами, мы все же склонны к разрешению его в пользу интересов общественных. Повторное уголовное преследование лица по тому же обвинению после вступившего в законную силу оправдательного приговора в отношении него, недопустимо (за исключением случаев и в пределах сроков, предусмотренных ст. 414 УПК; также, заметим, как это невозможно для начала и/или продолжения уголовного преследования и наступления уголовной ответственности избличенного в совершении преступления лица за пределами истечения сроков давности, предусмотренных ст. 78 УК)¹⁰.

Не менее (а для ряда потерпевших в зависимости от их социально-психологических личных качеств и вида посягательства, по результатам которого они наделены этим процессуальным статусом, – более) значимыми являются их интересы в возмещении материального ущерба и морального вреда, причиненного преступлением. В случае постановления в отношении подсудимого вступившего в законную силу оправдательного приговора потерпевший на это права не имеет.

И в этом отношении разрешение рассматриваемой ситуации должно быть, на наш взгляд, противоположным выше предложенному варианту, разрешаться она должна, думается, в пользу удовлетворения названных выше законных интересов потерпевшего.

А потому при установлении в результате повторного предварительного расследования достаточных доказательств, изобличающих лицо в совершении преступления, по обвинению в котором оно ранее было оправдано, уголовное преследование в отношении него должно быть прекращено по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК.

Констатация факта совершения расследуемого преступления конкретным лицом в постановлении следователя о прекращении его уголовного преследования по этому основанию позволит потерпевшему обратиться в суд о возмещении материального ущерба и морального вреда в порядке гражданского судопроизводства.

Оптимальным в этом отношении была бы возможность для потерпевшего обратиться с таким иском непосредственно к лицу, факт совершения преступления которым мотивированно констатируется в постановлении следователя о прекращении его уголовного преследования по названной выше причине.

Однако автор отдает себе отчет в том, что реализация данного предложения невозможна до внесения изменений в редакцию ч. 4 ст. 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. В настоящее время, напомним, в соответствии с ней «вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом».

Скажем больше: даже в редакции ст. 1070 ГК РФ речь, по существу, идет лишь о возмещении вреда, причиненного гражданину незаконным уголовным преследованием, что ставит под сомне-

ние (если прямо не исключает) возможность использования ее в качестве правового основания для возмещения вреда, причиненного преступлением потерпевшему.

Заметим, что рассматриваемая проблема – последствия для потерпевшего прекращения уголовного преследования, обусловленного допущенными недостатками и прямыми нарушениями уголовно-процессуального закона при его осуществлении, – характерна не только для судопроизводства нашей страны.

Так, в 1994 г. в США знаменитый американский футболист и актер О. Джей Симпсон был обвинен в убийстве своей бывшей жены и ее любовника Голдмана, но присяжные вынесли оправдательный вердикт из-за множества процессуальных нарушений при расследовании этого преступления и своей скептической оценки результатов ДНК-тестов.

Однако в 1997 г. Симпсон проиграл гражданский суд по тем же обвинениям и выплатил семье погибшего Рона Голдмана 0,5 миллиона долларов¹¹.

Очевидно, что в свете действующего отечественного законодательства это решение является необычным и весьма спорным. А потому в реалиях действующего законодательства в такой ситуации потерпевший, думается, имеет право обратиться в суд с иском о возмещении причиненного ему ущерба с государства. Правовым основанием для такого иска является общеправовой принцип прямого действия Конституции РФ, в ст. 53 которой декларируется: «Каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц».

Нам представляется, что законодательное разрешение обозначенных в дан-

ной статье проблем явиться достаточно действенным средством повышения качества досудебного уголовного преследо-

вания, в том числе за счет сокращения рамок допустимого усмотрения следователя о разумных сроках его осуществления.

¹ По истечении длительного (и разумного) срока обвинителя не должно слушать, если он не представит убедительного объяснения своего промедления. (См.: Латинская юридическая фразеология / сост. Б. С. Никифоров. М., 1979. 264 с.)

² См.: Шляпин А. А. Убийца 17 женщин наказана // Предварительное следствие. Вып. 1 (19). 2013. С. 27.

³ Так произошло, в частности, и по описанному выше уголовному делу. По нему в 2008 г. на основании «признательных» показаний, полученных в результате принуждения к их даче со стороны оперативных сотрудников, за ряд убийств из этой серии привлекалась к ответственности некая Малеева. В дальнейшем уголовное преследование в отношении нее затем было прекращено, а расследование по делу – продолжено (См.: Шляпин А. А. Указ. соч. С. 24–25).

⁴ Следственные ошибки. Издание Академии Следственного комитета РФ. М., 2016. С. 38.

⁵ Заметим, что по УПК РСФСР 1960 г. постановление о прекращении уголовного дела могло быть обжаловано лицом, привлекавшимся в качестве обвиняемого, потерпевшим, лицом или учреждением, по заявлениям которых дело было возбуждено, в течение пяти суток с момента уведомления о прекращении дела (ст. 209); в то же время сроки обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела ст. 113 УПК РСФСР, как и ст. 148 действующего УПК, также не ограничивала.

⁶ См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 116, 211, 218, 219 и 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом президиума Верховного Суда Российской Федерации и жалобами ряда граждан : определение от 27 декабря 2002 г. № 300-О ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кириченко Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 214 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение от 25 марта 2004 г. № 157-О ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пилипенко Николая Владимировича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 125 и частью первой статьи 214 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение от 24 июня 2008 г. № 358-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 358-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Цит. по: Зимненко Б. Л. Право на разумные сроки судебного разбирательства по гражданским и уголовным делам. Практика Европейского суда по правам человека в отношении Российской Федерации // Государство и право. 2011. № 1. С. 38.

⁹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 24 ноября 2010 г. № 228П10ПР. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Из средств массовой информации широко известен факт освобождения от уголовной ответственности Курским областным судом лиц, признанных виновными в изнасиловании и убийстве четырех школьниц, совершенных ими в несовершеннолетнем возрасте, так как со дня преступления до их изобличения прошло более десяти лет. И этот пример далеко не единичен. «Очень многие преступники бегают от на-

казания, исключительно надеясь на срок давности», – на основе изучения судебной практики констатирует один из журналистов. См.: Козлова Н. Срок давности без срока // Российская газета. 2011. 17 мая.

¹¹ Дело Симпсона, в оригинале в документах «Народ против Симпсона» (англ. People vs. Simpson): суд над О. Дж. Симпсоном (англ. O. J. Simpson). URL: <https://wikipedia.org>

Воронежский государственный университет

Баев О. Я., заслуженный деятель науки
РФ, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминалистики

E-mail: baev@law.vsu.ru

Voronezh State University

Baev O. Ya., Honoured Science Worker of the
Russian Federation, Doctor of Legal Sciences,
Professor, Professor of the Criminalistics Department

E-mail: baev@law.vsu.ru

К. М. Баева

Воронежский государственный университет

ОТДЕЛЬНЫЕ ТИПИЧНЫЕ СИТУАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ СТОРОНОЙ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМ

А н н о т а ц и я: в статье рассматриваются типичные ситуации злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве России; анализируются основные цели, способы и приемы злоупотребления стороной защиты своими правами; предлагается детальное закрепление прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства со стороны защиты.

К л ю ч е в ы е с л о в а: злоупотребление правом, уголовное судопроизводство, злоупотребление правом стороной защиты.

SOME TYPICAL SITUATIONS OF ABUSE OF THE RIGHT BY THE PARTY OF PROTECTION IN CRIMINAL TRIALS OF RUSSIA: ISSUES STATEMENT

A b s t r a c t: the article deals with a typical situation of abuse of the right by the party of protection in criminal trials of Russia. Besides, the author analyzes the main purposes, methods and techniques of abuse by the party of protection of their rights and offers a detailed fixing of the rights and duties of participants of criminal legal proceedings from the party of protection.

Key words: abuse of rights, criminal justice, abuse of rights by the defense.

Поступила в редакцию 29 сентября 2016 г.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ в ст. 46–49, 53–55 в самом общем виде закрепляет права представителей стороны защиты в уголовном процессе. Эти права обеспечивают возможность осуществления активной защиты и допустимого противодействия уголовному преследованию. Однако именно адвокат-защитник как профессиональный участник уголовного судопроизводства может (и должен) максимально эффективно использовать предоставленный инструментарий, исходя из интересов своих доверителей

и общего правила о допустимости всех прямо не запрещенных средств защиты. На формирование системы защитных средств во многом оказывают влияние следующие структурообразующие факторы. Адвокат, в соответствии со своим статусом, не может занимать позицию, противоречащую процессуальной позиции своего доверителя, в уголовном процессе – признавать причастность подзащитного к совершению преступления в случае ее отрицания последним; не соглашаться с признанием подзащитным своей вины, за исключением случаев его очевидного самооговора, и т.д. Безусловно, именно адвокат-защитник с учетом

© Баева К. М., 2017

профессиональных познаний высказывает свое мнение доверителю о том, какую именно позицию по делу наиболее целесообразно занять, какие показания излагать в ходе следственных действий, а также дает рекомендации о поведении при участии в них. Как правило, доверители следуют советам своих адвокатов, в том числе в части оказания законного противодействия осуществляемому в отношении них уголовного преследования. Однако нередко встречаются случаи злоупотребления предоставленными им правами.

Вопрос об эффективности тактического противостояния защиты и обвинения связан с объемом прав, предоставленных участникам уголовного процесса, поскольку «тактика сторон в различных видах судопроизводства предполагается для всех участников как правомерное поведение, использование разрешенных средств деятельности»². В связи с этим возникает вопрос: может и должен ли адвокат корректировать защитную версию своего доверителя при осуществлении в отношении него уголовного преследования и не является ли дача адвокатом таких советов и рекомендаций вариантом злоупотребления им своим правом? Все авторы изученных нами публикаций о злоупотреблении правом стороной защиты признают правомерность подобных действий адвокатов. Конфликты возникают по вине адвокатов, «не из нарушений последними требований закона, а из злоупотребления своими правами», когда, например, адвокат пользуется правами, предусмотренными ч. 2 ст. 53 УПК РФ, т.е. защитник в рамках оказания юридической помощи в присутствии следователя консультирует своего доверителя. По мнению следователей, злоупотребление состоит в дословной передаче позиции, обозначенной профессиональным защитником. Между

тем «наделение защитника этими правами превращает его из фактически безгласного понятого в активного участника следственного действия, имеющего возможность предотвратить непропорциональное давление на допрашиваемого»³.

На практике отсутствие в УПК РФ нормы, которая бы «регламентировала понятие краткой консультации и конкретизировала ее применение на стадии досудебного уголовного процесса»⁴, восполняют предложения и рекомендации, содержащиеся в некоторых научно-практических комментариях, граничащие с прямым нарушением закона, а в некоторых случаях приводящие к прямому нарушению норм ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»: «В целях обеспечения объективного подхода к процедуре получения доказательств в протоколе допроса и иных следственных действий наряду с вопросами защитника следует фиксировать и содержание даваемых им консультаций; у следователя должна быть возможность фиксировать содержание консультаций в протоколе соответствующего следственного действия»⁵.

На наш взгляд, дача советов и консультаций адвокатом своему доверителю является частью профессиональной деятельности адвоката-защитника по уголовным делам и является допустимой деятельностью с позиции критериев ее законности и этичности. В связи с этим вряд ли можно согласиться с Ю. П. Гармаевым, который высказывает противоположную позицию по данному вопросу и в своей статье говорит о том, что адвокат не должен подстрекать своего подзащитного ко лжи «даже если эти средства используются для достижения законной цели – защиты от обвинения»⁶.

В контексте исследования проблем злоупотребления правами защитника в уголовном деле представляется необхо-

димым остановиться на положении, заставляющем адвоката отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого (ч. 7 ст. 49 УПК РФ). Наиболее часто вопрос о принятии на себя защиты конкретного лица возникает перед ним после того, как это лицо либо задержано в качестве подозреваемого в порядке ст. 92 УПК РФ, либо когда в отношении него избрана мера пресечения в виде содержания под стражей в порядке ст. 108 УПК РФ.

В такой криминалистической ситуации с просьбой оказания арестованному юридической помощи, как правило, к адвокату обращается кто-либо из его родственников, либо другое лицо, заинтересованное в судьбе этого человека, в исходе дела в отношении подозреваемого, обвиняемого. При этом некоторые из этих лиц, обращаясь к адвокату с просьбой о защите подозреваемого, обвиняемого, имеют сугубо личные интересы в поведении и в показаниях подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу. Особенно, заметим, сказанное относится к лицам, имеющим основания для опасений, что даваемые последним показания могут повлечь проверку и их причастности к расследуемому преступлению⁷.

В подобных типовых случаях, решение о возможности и целесообразности принятия на себя защиты подозреваемого/обвиняемого адвокат вынужден принимать лишь на основе информации сообщаемой ему этими лицами, информации крайне неполной и чаще всего недостоверной. Адвокат не знает обстоятельств инкриминируемого этому лицу преступления, ему не известна занятая своим будущим подзащитным позиция по делу, каковы его психологические свойства и особенности, которые позволят установить с ним необходимый контакт, без чего успешное осуществление защиты практически невозможно.

До принятия на себя поручения адвокат лишен права на ознакомление с теми процессуальными документами, которые следователь в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ обязан ознакомить вступившего в дело защитника по его ходатайству, при том что адвокат, как сказано, в соответствии с действующим УПК не может отказаться от принятой на себя защиты по уголовному делу. Но отказаться от принятия на себя поручения на защиту некоего подозреваемого или обвиняемого адвокат право имеет.

Субъективно обоснованное решение по этому вопросу адвокат может принять как минимум только по результатам беседы со своим потенциальным подзащитным. Лишь по ее результатам с лицом, содержащимся под стражей по обвинению в совершении одного из таких преступлений, адвокат может решить для себя вопрос о принятии на себя его защиты. В то же время «адвокат допускается к участию в уголовном деле в качестве защитника по предъявлению удостоверения адвоката и ордера» (ч. 4 ст. 49 УПК РФ). То есть без предоставления ордера, свидетельствующего о принятии на себя защиты подозреваемого/обвиняемого, адвокат не только не может ознакомиться с материалами дела в указанном выше их объеме, но и не имеет полномочий на посещение данного лица в месте его содержания.

Таким образом, возникает серьезное противоречие в возможностях реализации конституционного права подозреваемого/обвиняемого на получение юридической консультации и помощи адвоката. Возможность реализации данного права поставлена в зависимость не от процессуального статуса лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, а от того, содержится ли он к этому моменту под стражей или нет. В связи с этим у отдельных адвокатов может возникнуть вполне понятное «ис-

кушение» обеспечить себе возможность беседы с потенциальным подзащитным в условиях его содержания под стражей. С этой целью адвокат предоставляет в соответствующую организацию ордер на якобы уже осуществляемую им защиту данного лица, а затем по результатам беседы с ним принимает решение о возможности принятия на себя осуществления его защиты.

На наш взгляд, нельзя не согласиться с М. О. Баевым, который придерживается позиции, согласно которой, если посещение адвокатом «потенциального» подзащитного в месте его содержания под стражей преследует именно и только эту цель, но не направлено на достижение других целей (например, на обсуждение с подозреваемым/обвиняемым линии и тактики его защиты), вряд ли это можно признать реальным злоупотреблением правом с его стороны. Такие действия адвоката не только не нарушают баланса общественных и личных интересов в досудебном производстве по уголовному делу, а, напротив, направлены на его обеспечение⁸.

Также при участии защитника в досудебном производстве по уголовному делу могут возникать ситуации, в которых средства противодействия защитника уголовному преследованию подзащитного могут переходить границы допустимого поведения и приобретать характер злоупотребления адвокатом правами защитника.

Одним из наиболее распространенных способов злоупотребления правом стороной защиты является затягивание сроков предварительного расследования.

Основными целями, на достижение которых направлены различные виды и формы злоупотребления правом, по нашему мнению, являются: истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности за инкриминируемое обвиняемому преступление; исте-

чение установленных сроков производства предварительного расследования по делу; истечение установленных сроков применения наиболее строгих мер пресечения, избранных в отношении лица, подвергающегося уголовному преследованию, таких как содержание под стражей и домашний арест; опровержение объективности и достоверности обвинительных доказательств, сформированных следователем в отношении подзащитного, в том числе путем обоснования недопустимости использования их в уголовном процессе.

К способам и приемам злоупотребления представителями стороны защиты своими правами можно отнести следующие:

1. Инсценирование заболевания, не позволяющего подозреваемому, обвиняемому явиться для производства следственных действий к следователю, а защитнику в случае явки подзащитного к следователю – по той же причине – принять в них участие.

2. Уклонение адвоката от явки к следователю в даты и время, назначенные им для производства действия с участием подзащитного, объясняемое его занятостью по другим досудебным производствам или в судебных процессах.

3. Заявление многочисленных однотипных, мотивируемых одними и теми же основаниями, ходатайств (о производстве неких следственных действий, проверки некой версии защиты и т.д.) в удовлетворении первых из которых было ранее отказано в установленном законом порядке.

Ряд многочисленных однотипных ходатайств требуют их рассмотрения в суде (об изменении меры пресечения в виде содержания под стражей, домашнего ареста на более мягкую, отмены других мер процессуального принуждения, и т.п.). Заявление подобных ходатайств подозреваемым/обвиняемым и/или его за-

щитником в этих случаях, без всяких на то сомнений, преследует цель не их удовлетворения, а лишь затягивания сроков досудебного производства по делу.

По мнению адвоката Л. Д. Калинкиной, «практически возможности заявления повторных ходатайств об исключении доказательств ничем не ограничены, что может привести на практике к так называемому злоупотреблению правом – в данном случае правом на повторение указанного ходатайства»⁹. Как верно замечает автор, отсутствие в уголовно-процессуальном законе условий, оснований и порядка заявления, рассмотрения и разрешения повторных ходатайств об исключении доказательств создает ситуации, когда многократное повторение одних и тех же ходатайств такого рода может привести не только к затяжному характеру судебного производства в суде первой инстанции, но и к его нескончаемости.

4. Немотивированный отказ от участия в производстве следственного действия, проведение которого насущно необходимо для объективного установления некоего подлежащего доказыванию по делу обстоятельства.

5. Использование пробелов и противоречий в уголовно-процессуальном порядке проведения следственного действия, позволяющих «растягивать» процесс его производства на неопределенный, но весьма длительный срок. В частности, УПК РФ предоставил стороне защиты право на заявление ходатайств, подлежащих удовлетворению следователем/судом, о назначении повторной или дополнительной судебной экспертизы, если первоначальная экспертиза была произведена на стадии возбуждения уголовного дела.

6. Неоднократная замена обвиняемым своих защитников, естественным образом влекущее затягивание сроков досудебного производства по уголовно-

му делу, особенно когда с этой целью замена адвокатов производится на этапе ознакомления с материалами завершеного расследования.

Отказ от защитника в порядке ст. 52 УПК РФ является одной из «проблем, возникающих для следователя на практике по обеспечению адвокатом подозреваемого, обвиняемого». Признавая законность заявленных ходатайств, следователи отмечают, что «такие действия со стороны обвиняемого по замене защитника нередко вызваны желанием затянуть расследование по делу, злоупотребляя своими правами»¹⁰. Однако, безусловно, самым распространенным способом достижения стороной защиты своих обозначенных выше целей является затягивание ее сроков изучения материалов уголовного дела, расследование по которому завершено, в порядке ст. 217 УПК РФ.

Другой стратегической целью злоупотребления правами со стороны представителей защиты, по нашему мнению, является их деятельность, направленная на лишение формируемых следователем доказательств значимости, ставящая под сомнение допустимость их использования для обоснования виновности подозреваемого (обвиняемого) в совершении инкриминируемого ему преступления. Чаще всего эта цель достигается нарушениями представителями стороны защиты установленного порядка производства определенного следственного действия. Часто защитник для достижения этой цели не акцентирует внимание следователя на допущенные им процессуальные нарушения при производстве следственного действия, а затем по этому основанию ставит вопрос о недопустимости сформированного в результате этого действия доказательства.

Ю. П. Гармаев описывает случай из своей следственной практики, когда он

отразил дату допроса вместо «1 мая» – «1 марта», в то время как дело было возбуждено 30 апреля; в другом протоколе по тому же делу вместо времени допроса «с 20.00 до 21.15» напечатал «с 23.00 до 21.15».

«По заявлению адвоката, – пишет Гармаев, – оба протокола, как и содержащиеся в них показания, были признаны мною недопустимыми. Пришлось передпрашивать свидетелей. И хотя мы с защитником оба понимали, что фактически никаких грубых нарушений закона не было – формальное нарушение налицо, и действия адвоката, безусловно, правильны, а его внимательность заслуживает похвалы»¹¹. На наш взгляд, данное поведение адвоката злоупотреблением правом не является. Адвокат не должен указывать следователю на его ошибки в ущерб интересов его подзащитного.

Также существуют еще две взаимосвязанные проблемы, сопряженные с возможным злоупотреблением правами представителей защиты, которые действующий УПК не упоминает. Мы имеем в виду, во-первых, проблему количества адвокатов, одновременно осуществляющих защиту одного лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование (в соответствии со ст. 50 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый вправе пригласить нескольких защитников); во-вторых, проблему необходимости участия всех защитников в производстве следственного действия, производимого с участием данного подозреваемого, обвиняемого.

Очевидно, что и неопределенное число адвокатов, которые одновременно могут осуществлять защиту одного лица, и необходимость обеспечения участия их всех в производстве одного действия существенно удлиняют сроки производства по уголовному делу. В ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый

настаивает на подобных требованиях не для того, чтобы оптимальным образом обеспечить защиту своих законных интересов, а лишь для затягивания сроков производства по уголовному делу, речь должна идти о злоупотреблении им своими правами, что является недопустимым и должно пресекаться в соответствии с правовыми предписаниями.

О злоупотреблении правом адвокатами-защитниками также можно говорить в рамках их права собирать и представлять доказательства. Не отрицая значения права формировать доказательства способами, предусмотренными нормой ч. 3 ст. 86 УПК РФ, авторы публикаций обращают внимание на его «оборотную сторону». По широко распространенному мнению, благодаря этому праву у защитника появилась возможность беспрепятственно встречаться с потерпевшим и свидетелями, «целенаправленно воздействовать», чтобы те давали «удобные» для обвиняемого показания; отсутствие гарантий того, что «недобросовестный адвокат воспользуется этим правом не на пользу, а во вред... представляет серьезную опасность, так как извращает саму сущность уголовного процесса»¹².

Предложенное исследование по понятным причинам не претендует на полноту. Имеющие место проблемы лишь обозначены и характеризуют наиболее распространенные случаи злоупотребления правом стороной защиты в уголовном судопроизводстве. Полагаем, регулирование данного вопроса возможно только при детальном закреплении прав и обязанностей адвоката-защитника, а также других субъектов уголовного процесса со стороны защиты в УПК РФ с целью наступления невозможности выйти за правовые границы допустимого поведения и тем самым злоупотребить предоставленными им правами.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон. от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 06.07.2016). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.07.2016).

² *Защлятин Л. А.* Основы теории эффективной адвокатской деятельности : прелиминарный аспект. Екатеринбург, 2006. С. 329.

³ *Шейфер С. А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам : проблемы теории и правового регулирования. М., 2009. С. 158.

⁴ *Белоковильский М. С.* За гранью процессуального конфликта : к вопросу о незаконном противодействии сторон в уголовном процессе // Адвокат. 2009. № 8. С. 11.

⁵ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. Я. Сухарева. М., 2004. С. 86.

⁶ *Гармаев Ю. П.* Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве, средства предупреждения и нейтрализации. М., 2010. С. 79.

⁷ *Камынин И. М.* Ответственность за нарушения в сфере уголовного процесса // Законность. 2006. № 1. С. 18.

⁸ См.: *Баев О. Я., Баев М. О.* Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М., 2014. С. 157.

⁹ *Калинкина Л. Д.* К вопросу о злоупотреблении правами и их недобросовестном использовании в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2010. № 4. С. 5.

¹⁰ *Зайцева И. А.* Организационные вопросы, разрешаемые следователем при обеспечении защитником подозреваемого, обвиняемого в свете нового УПК РФ // Адвокатская практика. 2002. № 2. С. 25.

¹¹ *Гармаев Ю. П.* Указ. соч. С. 76.

¹² *Твердова Е. В.* Незаконное противодействие расследованию со стороны отдельных адвокатов // Российский следователь. 2007. № 9. С. 32.

Воронежский государственный университет

Баева К. М., аспирант кафедры уголовного процесса

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru

Тел.: 8-919-246-97-21

Voronezh State University

Baeva K. M., Post-graduate Student of the Criminal Process Department

E-mail: baeva.ksenia@mail.ru

Tel.: 8-919-246-97-21

А. Р. Белкин

Московский технологический университет

ПОДВОДНЫЕ КАМНИ УПРОЩЁННОГО ДОЗНАНИЯ

А н н о т а ц и я: статья рассматривает спорные моменты нового института в уголовном процессе России – института упрощённого (сокращённого) дознания. Анализ нормы главы 32¹ УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что вновь введённый институт страдает серьёзными системными несогласованностями и внутренне противоречив, так что введение его видится преждевременным.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовный процесс, дознание в сокращённой форме.

SIMPLIFIED INQUIRY PITFALLS

A b s t r a c t: the article treats some disputable points of the new institution in Russian criminal procedure – simplified (abbreviated) inquiry. The analysis of Chapter 32¹ rules of Criminal Procedure Code allows to come to the conclusion that the newly entered institution includes serious system inconsistencies and internal contradictions so that its introduction was premature.

Key words: criminal procedure, abbreviated inquiry.

Поступила в редакцию 6 октября 2016 г.

Будь проще, и ты поймёшь, что проще некуда.

Геннадий Малкин

Производство дознания в сокращённой форме, легализованное в отечественном уголовном процессе¹ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, оценивается отечественными учёными по-разному, однако превалируют всё же негативные отзывы². Здесь мы ограничимся лишь некоторыми рекомендациями по улучшению главы 32¹ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, так как практика её применения пока недостаточна.

По мнению профессора С. И. Гирько, упрощённая процессуальная форма подготовки материалов по преступлениям, совершённым в условиях очевидности,

обоснована требованиями процессуальной экономии³. С этим можно согласиться, однако Е. А. Доля указывает, что мотивы введения дознания в сокращённой форме в таком виде остаются до сих пор неясными⁴. С. М. Бадоян отмечает, что институт дознания в сокращённой форме получился сложным, ему присущ ряд проблем, обусловленных как «неполной правовой регламентацией некоторых процессуальных отношений, так и наличием уголовно-процессуальных норм, не соответствующих современным правовым реалиям»⁵.

Как полагает профессор А. А. Сумин, несмотря на все доводы «реформаторов от уголовного процесса», никаких правовых предпосылок для введения со-

кращённого дознания не было⁶. Говоря о сокращённом дознании, профессор Н. Н. Ковтун пишет, что, несмотря на длительное и достаточно широкое обсуждение проекта закона, окончательный его вариант включает целую систему лакун и коллизий, которые неизбежно проявят себя в ходе практической составляющей его применения⁷. Наконец, профессор А. П. Кругликов отмечает, что не видит оснований для включения в УПК РФ главы 32¹, поскольку её содержание во многом не отвечает требованиям, предъявляемым к правовым нормам⁸; а В. В. Хатуева и Л. В. Калинина полагают, что наличие упрощённых производств в уголовном процессе России вызывает массу вопросов с позиций как детерминации форм и способов редуцирования унифицированной процедуры, так и степени гарантированности прав и свобод участников процесса⁹.

Пункт 1 части 2 ст. 226¹ разрешает производить дознание в сокращённой форме только в случае возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица (*in personam*), что представляется странным. Б. Т. Безлепкин также полагает, что подобная формальная трактовка ст. 226¹ ограничивает права и возможности подозреваемого¹⁰. Как мы уже отмечали ранее¹¹, выбор того, как возбудить дело (*in rem* или *in personam*) зачастую находится в рамках усмотрения правоприменителя¹². Строго говоря, ничто не мешает дознавателю, возбудив дело по факту и обнаружив подозреваемого позже, разрешить ему ходатайствовать об упрощённом дознании. Соответствующие поправки могут иметь вид:

Статья 226¹. Основание и порядок производства дознания в сокращённой форме
<...>

2. Дознание в сокращённой форме производится на основании ходатайства подозрева-

емого при наличии одновременно следующих условий:

1) уголовное дело возбуждено по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в пункте 1 части третьей статьи 150 настоящего Кодекса;

<...>

Глава 32¹ ничего не говорит о том, возможно ли дознание в сокращённой форме по уголовному делу, по которому привлечено несколько подозреваемых. Вероятно, законодатель не предполагает это возможным, однако нам представляется важным явно упомянуть это в части 1 ст. 226². Кроме того, возражения подозреваемого, обвиняемого тоже исключают сокращённое производство, что имеет смысл добавить в п. 6 части 1 ст. 226² УПК, не забыв и о законном представителе потерпевшего. Часть 2 той же статьи может быть изложена менее громоздко и более понятно:

Статья 226². Обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращённой форме
1. Дознание не может производиться в сокращённой форме в следующих случаях:

<...>

б) потерпевший (или его законный представитель), подозреваемый или обвиняемый возражает против производства дознания в сокращённой форме.

7) по данному уголовному делу к уголовной ответственности привлечено более одного подозреваемого.

<...>

2. Если обстоятельства, предусмотренные частью первой настоящей статьи, становятся известны или возникают после принятия решения о производстве дознания в сокращённой форме:

1) дознаватель выносит постановление о производстве дознания в общем порядке;

2) прокурор, рассматривающий уголовное дело с обвинительным постановлением, воз-

вращает его дознавателю для производства дознания в общем порядке;

3) суд, выявивший указанные обстоятельства до удаления в совещательную комнату для постановления приговора, возвращает уголовное дело прокурору для производства дознания в общем порядке.

В часть 3 ст. 226³ имеет смысл добавить законного представителя потерпевшего и дать явную отсылку к откорректированной части 2 ст. 226²:

Статья 226³. Права и обязанности участников уголовного судопроизводства по уголовному делу, дознание по которому производится в сокращённой форме <...>

3. Подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или его представитель, законный представитель вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращённой форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Такое ходатайство подлежит удовлетворению в порядке части второй статьи 226² настоящего Кодекса.

Содержательной критике требование части 1 ст. 226⁴ УПК, в соответствии с которым дознаватель до начала первого допроса разъясняет подозреваемому право ходатайствовать о производстве дознания в сокращённой форме, подверг профессор Ю. В. Францифоров, указавший, что ситуация, когда подозреваемый *признаёт свою вину, характер и размер причинённого преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведённую в постановлении о возбуждении уголовного дела* (п. 2 части 2 ст. 226¹ УПК), невозможна до допроса подозреваемого. По мысли указанного учёного, процедура разъяснения дозна-

вателем преимуществ дознания в сокращённой форме до первого допроса подозреваемого – это «предложение должностного лица, осуществляющего производство по уголовному делу, сделать выбор в предпочтительном для дознавателя направлении, связанном с признанием подозреваемым своей вины и предоставлением доказательств своей виновности, что противоречит части 2 ст. 14 УПК, определяющей, что бремя доказывания обвинения лежит на стороне обвинения... Поэтому не до начала допроса подозреваемого, а только по его окончании... дознаватель может разъяснить подозреваемому его право ходатайствовать о производстве дознания в сокращённой форме»¹³.

Соглашаясь отчасти с аргументами Ю. В. Францифорова, отметим, что разъяснение подозреваемому его права заявить ходатайство вовсе не подразумевает его немедленной реакции – напротив, закон как раз даёт ему двое суток на то, чтобы решить, хочет он заявлять ходатайство или нет, причём в течение этих двух суток допрос наверняка состоится (хотя можно специально оговорить в части 1 ст. 226⁴, что разъяснение даётся не до допроса, а в его начале).

В соответствии с частью 1 ст. 226⁴ УПК дознаватель разъясняет подозреваемому право ходатайствовать о производстве дознания в сокращённой форме. С. М. Бадоян полагает, что «это ходатайство одновременно должно содержать и просьбу о применении особого порядка судебного разбирательства»¹⁴, такого же мнения придерживается и группа омских процессуалистов¹⁵; однако, на наш взгляд, это излишне – достаточно напомнить подозреваемому, что особый порядок «автоматически» вытекает из его ходатайства в силу части 1 ст. 226⁹ УПК. Такое напоминание уже предусмотрено частью 1 ст. 226⁴ (*дознаватель*

разъясняет <...> порядок и правовые последствия производства дознания в сокращённой форме).

Часть 2 ст. 226⁴ корреспондирует с одновременно введённым п. 8 части 1 ст. 51 («Обязательное участие защитника»), и в добавлении явного указания на то, что подозреваемому следует предоставить возможность посоветоваться с защитником¹⁶, мы не видим особой нужды.

Закон не устанавливает чётких критериев удовлетворения ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращённой форме, разрешая дознавателю отказать в удовлетворении (например, когда по делу уже выполнены необходимые следственные действия и собраны достаточные доказательства для окончания дознания с обвинительным актом). При этом за подозреваемым, обвиняемым (а возможно, и потерпевшим?) сохраняется право обжаловать решение об отказе. Отметим, что часть 4 ст. 226⁴ предусматривает и возможность обжалования постановления об удовлетворении ходатайства и о производстве дознания в сокращённой форме. Задумавшись над тем, кому это может быть нужно, приходим к выводу, что субъектом такого обжалования может быть только потерпевший или его законный представитель; однако они не нуждаются в механизме обжалования, ибо вправе просто заявить возражения против сокращённой формы дознания:

Статья 226⁴. Ходатайство о производстве дознания в сокращённой форме

1. При наличии предусмотренных настоящей главой условий для производства дознания в сокращённой форме в начале первого допроса дознаватель разъясняет подозреваемому право ходатайствовать о производстве дознания в сокращённой форме, порядок и правовые последствия производства дозна-

ния в сокращённой форме, о чём в протоколе допроса подозреваемого делается соответствующая отметка.

<...>

4. Постановление об отказе в удовлетворении соответствующего ходатайства может быть обжаловано в порядке, установленном главой 16 настоящего Кодекса.

<...>

Очень спорными выглядят урезанные применительно к упрощённому дознанию нормы доказательственного права. Как справедливо указывает В. Е. Дейко, «форма дознания в сокращённом виде ориентирует на иные стандарты доказывания, чем предусмотрено в других формах расследования... Налицо не просто несогласованность разных норм закона, регламентирующих порядок сбора доказательств при производстве расследования в разных процессуальных формах, а установление разных процессуальных режимов доказывания обстоятельств, перечисленных в статье 73 УПК РФ»¹⁷. Сужение предмета доказывания при осуществлении сокращённого дознания по сравнению с общим перечнем обстоятельств, входящих в предмет доказывания в соответствии со ст. 73 УПК, не выглядит достаточно обоснованным.

Согласно части 1 ст. 226⁵ УПК, к предмету доказывания при производстве сокращённого дознания относится установление лишь таких обстоятельств как событие преступления, характер и размер причинённого вреда, а также виновность лица в совершении преступления. Установление иных обстоятельств (характеризующих личность обвиняемого, исключающих преступность и наказуемость деяния, смягчающих и отягчающих наказание), таким образом, не является обязательным, что выглядит весьма сомнительно, поскольку их наличие или

отсутствие определяет возможность начала самой процедуры уголовного преследования в принципе и прямо влияет на объективность и справедливость решения, принимаемого в дальнейшем судом.

В своём комментарии к данной статье УПК Б. Т. Безлепкин уверенно заявляет: «Теории доказательств подобная правовая идея не противоречит»¹⁸. Однако такое утверждение выглядит излишне безапелляционным.

Заметно усечены и пределы доказывания. Согласно части 1 ст. 226⁵, доказательства собираются лишь в объёме, достаточном для установления обстоятельств, входящих в усечённый предмет доказывания, а в соответствии с частью 2 той же статьи дознаватель обязан произвести лишь те процессуальные действия, *непроизводство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств*. Кстати, кто призван решать, может повлечь или не может? И что делать, если его решение ошибочно?

Законодатель изрядно ограничил и урезал и проверку доказательств. Согласно п. 1 части 3 ст. 226⁵ дознаватель вправе *не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем*. Таким образом, обязанность дознавателя проверять доказательства поставлена в зависимость от мнения сторон.

Само условие отказа от проверки доказательств – отсутствие оспаривания – спорно, критерии его неясны. В. В. Кальницкий и другие обращают при этом внимание и на то, что орган уголовного преследования постоянно находится под угрозой возвращения ему дела для обычного производства, в том числе по мотивам спорности доказательственной базы, поэтому не исключено, что оспаривание

подозреваемым доказательств будет расцениваться как основание для отказа в производстве дознания в сокращённой форме, вопреки целям института и интересам самого подозреваемого¹⁹.

Как справедливо отмечает Е. Л. Комбарова, п. 2–4 части 3 данной статьи, по сути, придают материалам проверки сообщения о преступлении преюдициальное значение²⁰, поскольку дознаватель вправе не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, а также не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведённого в ходе проверки сообщения о преступлении²¹, и не производить процессуальных действий для установления фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки. Последнее ограничение вновь сужает пределы доказывания, ограничивая их объёмом доказательств, содержащихся в материалах проверки сообщения о преступлении.

Рассматривая правовую составляющую особенностей доказывания при производстве дознания в сокращённой форме, Ю. В. Францифоров обращает внимание на права дознавателя не проверять доказательства, если они не были оспорены такими участниками процесса, как подозреваемый, его защитник, потерпевший и его представитель (п. 1 части 3 ст. 226⁵ УПК) и подчёркивает, что «это требование закона противоречит основополагающим правилам не только теории доказательств, но и принципам самого уголовного судопроизводства, в соответствии с которыми никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, а компетентные должностные лица должны оценивать доказательства не только по своему внутреннему

убеждению, руководствуясь законом и совестью, но и по совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств (части 1–2 ст. 17 УПК РФ)»²².

Таким образом, как обоснованно отмечает В. Г. Глебов, установление истины по делу и пределы доказывания ограничиваются на основании субъективного мнения некоторых участников процесса²³. Вызывает опасение и возможность самоговора лица по различным мотивам, придания излишнего доказательственного значения признательным показаниям обвиняемого, потенциальная опасность маскировки сокращённым дознанием отсутствия доказательственной базы по уголовным делам²⁴.

На наш взгляд, принципиальные недостатки ст. 226⁵ УПК настолько существенны, что правильнее всего было бы не исправлять их, но исключить данную статью вовсе, вернувшись к общим правилам доказывания. Однако это выхолостит саму идею упрощённого дознания, поэтому мы ограничимся лишь приведёнными выше соображениями в надежде привлечь внимание законодателя к необходимости её кардинального пересмотра.

Срок дознания в сокращённой форме уменьшен вдвое, с 30 до 15 суток. Однако на практике ситуация не совсем такова. Взяв на себя труд произвести несложные арифметические подсчёты, профессор Ю. В. Францифоров получил следующие результаты:

- 2 суток на заявление ходатайства о производстве сокращённого дознания;
- 24 часа на вынесение постановления об удовлетворении ходатайства;
- 24 часа для уведомления прокурора и потерпевшего (таким образом, для подготовки процедуры сокращённого дознания необходимо четверо суток);
- 10 суток до вынесения обвинительного постановления;

- 3 суток для ознакомления с постановлением и материалами уголовного дела;

- 2 суток для удовлетворения ходатайств, производства процессуальных действий и пересоставления постановления;

- возможное продление срока дознания до 20 суток (часть 9 ст. 226⁷ УПК);

- 3 суток прокурору для принятия решения по обвинительному постановлению;

- до 2 суток для пересоставления возвращённого постановления.

В итоге срок сокращённого дознания может приближаться к 30 суткам, что соответствует производству по уголовному делу в общем порядке. При этом при продлении срока дознания до 20 суток фактически не остаётся времени на производство дополнительных действий, удовлетворение ходатайств и составление обвинительного постановления, а следовательно, необходимо выносить постановление о производстве дознания в общем порядке²⁵.

Таким образом, и ст. 226⁶ УПК требует кардинального пересмотра. Мы склонны согласиться с мнением В. В. Хатуаевой, что исчисление всех названных сроков должно соответствовать общему порядку исчисления сроков в досудебном производстве²⁶.

Много вопросов возникает и при изучении следующей ст. 226⁷ УПК.

Во-первых, совершенно непонятно, зачем понадобилось *плодить новые сущности* и называть итоговый документ, столь мало отличающийся от обвинительного *акта*, обвинительным *постановлением*.

Далее, часть 3 данной статьи предусматривает возврат к общему порядку дознания при невозможности уложиться в 10-суточный срок. А вот возврат к об-

чему порядку при невозможности ознакомления в 3-суточный срок вызывает законный вопрос: что при этом делать с обвинительным постановлением? Очевидно, возобновить следственные действия, а постановление порвать пополам и выкинуть в корзину? Представляется, что логичнее было бы поступать подобно ситуации, описанной в части 9 той же статьи, – разрешить некоторое продление срока дознания.

С учётом поправок, предложенных ранее к ст. 225, рискнём предложить некоторые поправки и к ст. 226⁷ УПК РФ:

Статья 226⁷. Окончание дознания в сокращённой форме

1. Признав, что необходимые следственные действия произведены и объём собранных доказательств достаточен для обоснованного вывода о совершении преступления подозреваемым, дознаватель составляет обвинительное постановление, указывая в нём обстоятельства, перечисленные в части первой статьи 225 настоящего Кодекса, а также ссылки на листы уголовного дела.

<...>

5. Исключена.

<...>

8¹. В случае удовлетворения одного из ходатайств, предусмотренных пунктами 1–3 части шестой настоящей статьи, дознаватель в течение 2 суток со дня окончания ознакомления обвиняемого, его защитника, потерпевшего и (или) его представителя с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела производит необходимые следственные и иные процессуальные действия, пересоставляет обвинительное постановление с учётом новых доказательств, предоставляет указанным лицам возможность ознакомления с пересоставленным обвинительным постановлением и дополнительными материалами уголовного дела и направляет уголовное дело с обвинитель-

ным постановлением, утверждённым начальником органа дознания, прокурору.

9. В случае невозможности завершить ознакомление обвиняемого, его защитника, потерпевшего и (или) его представителя с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела в срок, установленный частью четвёртой настоящей статьи, либо в случае если пересоставить обвинительное постановление и направить уголовное дело прокурору в срок, указанный в части 8¹ настоящей статьи, не представляется возможным вследствие большого объёма следственных и иных процессуальных действий, срок дознания может быть продлён до 20 суток в порядке, установленном частью второй статьи 226⁶ настоящего Кодекса. В случае недостаточности и этого срока дознаватель отменяет обвинительное постановление и продолжает производство по уголовному делу в общем порядке, о чём выносит соответствующее постановление.

10. К обвинительному постановлению прилагаются документы и материалы, предусмотренные частями 3¹–3² статьи 225 настоящего Кодекса.

Статья 226⁸ УПК, описывающая решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением, не должна, в принципе, сильно отличаться от аналогичной ст. 226, однако на некоторые отличия следует обратить внимание.

Возможность возвращения уголовного дела прокурором для производства дознания в общем порядке в случаях, если совокупности собранных доказательств недостаточно для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причинённого вреда, а также о виновности лица в совершении преступления (п. 3 части 1 ст. 226⁸ УПК РФ), может привести к тому, что практические работ-

ники в рамках сокращённого дознания будут стремиться максимально полно осуществлять доказывание, чтобы исключить возможность возврата уголовного дела. Таким образом, реальное сокращение досудебного производства может и не произойти.

Следует ли предоставлять прокурору полномочие прекратить уголовное дело, сокращать обвинение, исключая из него отдельные пункты либо переквалифицируя его на менее тяжкое? Нам представляется, что в рамках сокращённого дознания ответ может быть только отрицательным. Действительно, если речь идёт о прекращении дела по реабилитирующим основаниям, то в рамках сокращённого дознания их наличие или отсутствие не всегда может быть достоверно установлено, поскольку предмет и пределы доказывания в значительной степени усечены. Правильнее в такой ситуации вернуть дело для производства дознания в общем порядке с тем, чтобы восполнить при необходимости доказательственную базу. То же касается и изменения обвинения – его возможно изменить лишь в условиях достаточно полного доказывания. Заметим, что изменение обвинения путём его переквалификации или исключения его части неявно заложено в подп. «в» п. 3 части 1 ст. 226⁸ УПК, который тем самым косвенно противоречит части 2 той же статьи.

Если же речь идёт о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим обстоятельствам, то подобное возможно, как известно, лишь с согласия обвиняемого, так что следовало бы вернуть дело дознавателю для выяснения этого вопроса. При согласии обвиняемого дознаватель прекращает уголовное дело, при отказе – продолжает дознание в общем порядке и составляет обвинительный акт, указывая в нём факт отказа.

Предлагаемые поправки к ст. 226⁸ могут иметь следующий вид:

Статья 226⁸. Решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением

1. Прокурор рассматривает уголовное дело, поступившее с обвинительным постановлением, разрешает вопросы, указанные в статье 220¹ настоящего Кодекса, и в течение 3 суток принимает по нему одно из следующих решений:

<...>

3) о направлении уголовного дела дознавателю для производства дознания в общем порядке в следующих случаях:

<...>

д) наличие оснований для прекращения поступившего от дознавателя уголовного дела по основаниям, предусмотренным статьёй 24 настоящего Кодекса;

4) исключён.

2. Исключена.

3. Копия обвинительного постановления с приложениями вручается обвиняемому, его защитнику, потерпевшему и (или) его представителю, законному представителю в порядке, установленном статьёй 222 настоящего Кодекса. После вручения копий обвинительного постановления прокурор направляет уголовное дело в суд, о чём уведомляет обвиняемого, его защитника, потерпевшего и (или) его представителя, законного представителя.
<...>

Итогом сокращённого дознания является применение (также не совсем обычное) особого порядка судебного разбирательства, в обвинительном приговоре которого наказание не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенные преступления (часть 6 ст. 226⁹ УПК). По мнению профессора И. Л. Петрухи-

на²⁷, согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением, полученное в обмен на льготы по наказанию, увеличивает риск осуждения невиновного, обусловленный самооговором лица, вызванным угрозами и другими незаконными действиями следователя. Опасность возможного самоговора обвиняемого понимает и законодатель, что нашло своё отражение в п. 3 части 1 ст. 226⁸ и части 4 ст. 226⁹ УПК РФ. Однако эти нормы во многом декларативны.

С другой стороны, подозреваемый, обвиняемый и потерпевший наделены правом в любое время до удаления суда в совещательную комнату заявить ходатайство о прекращении дознания в сокращённой форме, после чего уголовное дело будет возвращено производства дознания в общем порядке (часть 4 ст. 226⁹ УПК). По мнению некоторых процессуалистов, данная норма открывает возможности злоупотребления обвиняемым своими правами и выгодна прежде всего стороне защиты – изучив материалы уголовного дела, ознакомившись со всеми доказательствами, обвиняемый и его защитник могут заявить такое ходатайство и более выгодно выстроить линию защиты перед удалением суда для вынесения приговора, при этом отказаться от своих признательных показаний и потребовать проведения дознания в обычной форме, когда возможности по собиранию и проверке доказательств по делу в полном объёме объективно уже утрачены²⁸. Такие опасения не выглядят необоснованными.

Часть 1 ст. 226¹ УПК отсылает к ст. 316, регламентирующей особый порядок судебного разбирательства. Но в отличие от п. 2 части 2 ст. 226¹, в которой *подозреваемый признаёт свою вину*, часть 1 ст. 316 говорит о *согласии с предъ-*

явленным обвинением, что совсем не то же самое. Такое различие может вызвать серьёзные препятствия при рассмотрении дела в суде. С другой стороны, исправить ст. 226¹, согласовав её формулировку со ст. 316, принципиально невозможно, ибо в момент заявления ходатайства никакого обвинения ещё просто нет²⁹.

Весьма сомнительно выглядит часть 2 ст. 226⁹ УПК, указывающая, что *приговор постановляется на основании исследования и оценки только тех доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении*. В. В. Кальницкий и его соавторы задаются вопросом: что означает «на основании исследования»? Действительно, «в особом порядке суд не исследует в судебном заседании доказательства, подтверждающие обстоятельства содеянного. Почему же должен делать это здесь? Поскольку исследование доказательств в суде может быть только непосредственным, с участием сторон, или его не может быть полностью, как в особом порядке, то возникло предположение о концептуальной противоречивости избранного подхода: особый порядок судебного разбирательства провозглашён, но не реализован»³⁰.

Встречающееся в ряде работ толкование, позволяющее считать *исследованием* доказательств ознакомление с ними суда путём *прочтения*³¹ приводит к ограничению таких общих условий судебного разбирательства, как устность и непосредственность, и не может быть признано удовлетворительным.

Таким образом, и ст. 226⁹ содержит противоречивые и сомнительные нормы, которые не могут быть исправлены путём внесения поправок. Привлекая к этому внимание, мы могли бы заключить, что решительно улучшить положение дел способен разве что кардинальный пересмотр всей главы 32¹.

Но возможен ли такой кардинальный пересмотр? И оправдан ли он?

Подводя итог нашему краткому анализу, мы вынуждены признать, что весь институт сокращённого дознания слишком противоречив и вряд ли может быть доработан и/или подправлен до необходимого уровня, хотя попытки улучшения его уже предпринимались и, вероятно, будут продолжаться. Так, В. Н. Перекрестов предлагает законодательно дополнить в данном случае особый порядок судебного разбирательства обязательным допросом подсудимого³², а А. В. Нохрин – создать отдельный орган, занимающийся расследованием преступлений именно в форме сокращённого дознания

и располагающий дознавателями высокой квалификации³³.

Эти предложения сами по себе представляют определённый интерес, но серьёзных проблем упрощённого дознания, увы, не решат. Как справедливо указывает Е. Л. Комбарова, «пороки и изъяны законодательной регламентации сокращённого дознания слишком значительны и вряд ли могут быть устранены подобными правовыми новеллами»³⁴. Соглашаясь с этим выводом, мы также полагаем, что глава 32¹ должна быть не исправлена, но исключена из норм УПК РФ как противоречащая и правилам уголовно-процессуального доказывания, и назначению всего уголовного судопроизводства в целом.

¹ Любопытно, что термин «сокращённое дознание» в 1970–80-х гг. уже использовался (И. Д. Перловым) для характеристики протокольной формы досудебной подготовки материалов (см.: *Даев В. Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л., 1985. С. 75*).

² См., например: *Васильев О. Л. Новый этап реформы досудебных стадий уголовного процесса : критический анализ новелл 2013 г. // Закон. 2013. № 8. С. 100–108 ; Сумин А. А. Сокращённое дознание : мертворождённое дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10. С. 5–8.*

³ См.: *Гирько С. И. Производство по уголовному делу дознания в сокращённой форме : прогнозы и суждения // Российский следователь. 2013. № 21. С. 2–5.*

⁴ См.: *Доля Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращённой форме // Российский судья. 2013. № 6. С. 43–46.*

⁵ *Бадоян С. М. Проблемные вопросы правового регулирования порядка осуществления дознания в сокращённой форме // Криминалистическая тактика : современное состояние и перспективы развития : сб. материалов 56-х криминалистических чтений. Ч. I. М., 2015. С. 55–58.*

⁶ См.: *Сумин А. А. Указ. соч.*

⁷ См.: *Ковтун Н. Н. Дознание в сокращённой форме : коллизии и лакуны нормативного регулирования // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 8.*

⁸ См.: *Кругликов А. П. Дополнение УПК РФ новой главой о дознании в сокращённой форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2013. № 7. С. 45–50.*

⁹ См.: *Хатуаева В. В., Калинина Л. В. Институт сокращённого дознания как дифференциация формы предварительного расследования // Современное право. 2014. № 8. С. 18.*

¹⁰ См. *Безлепкин Б. Т. Комментарий к УПК РФ. 13-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 313–314.*

¹¹ См.: *Белкин А. Р. УПК РФ : конструктивная критика и возможные улучшения. Часть VII. Возбуждение уголовного дела. Изд. 2-е, доп. М., 2016. С. 15.*

¹² См.: *Марфицин П. Г., Муравьёв К. В.* Возбуждение уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления. Омск, 2009. С. 95–112.

¹³ *Францифоров Ю. В.* Обеспечение прав и законных интересов участников процесса при производстве дознания в сокращённой форме // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 146–150.

¹⁴ *Бадоян С. М.* Указ соч.

¹⁵ См.: *Кальницкий В., Муравьёв К., Воронов Д.* Концепция дознания в сокращённой форме: достижения и вопросы совершенствования // Уголовное право. 2013. № 3. С. 81–85.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Дейко В. Е.* Сокращённое дознание. Анализ уголовно-процессуальной формы и практики её применения // Публичное и частное право. 2016. Вып. II (XXX). С. 136–145.

¹⁸ *Безлепкин Б. Т.* Комментарий к УПК РФ: (постатейный). 13-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 316.

¹⁹ См.: *Кальницкий В., Муравьёв К., Воронов Д.* Указ. соч.

²⁰ См.: *Комбарова Е. Л.* Особенности уголовно-процессуального доказывания в некоторых упрощённых формах судебных производств в мировых судах РФ // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 1 (17). 2015. С. 136–148.

²¹ По мнению профессора Е. А. Зайцевой, п. 3 ч. 3 данной статьи противоречит известному постановлению Пленума ВС РФ № 28, согласно которому специалист не проводит исследование доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами, т.е. процессуальные полномочия эксперта и специалиста разграничены и проведение исследований к компетенции специалиста не относится (см.: *Зайцева Е. А.* Новый закон о сокращённом дознании и регламентация использования специальных знаний в досудебном производстве по уголовным делам // Российский судья. 2013. № 4. С. 36–39). Однако эту позицию мы разделить не можем, поскольку ранее неоднократно высказывали аргументы в пользу права специалиста проводить исследования и давать заключение.

²² *Францифоров Ю. В.* Указ. соч.

²³ См.: *Глебов В. Г.* К вопросу об эффективности сокращённых форм досудебного производства в уголовном процессе // Дознание в сокращённой форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения / сб. статей под ред. И. С. Дикарева. Волгоград, 2013. С. 20.

²⁴ См.: *Круликов А. П.* Дознание в сокращённой форме: почему органам дознания и суду можно не исследовать должным образом доказательства при расследовании и рассмотрении уголовного дела? // Российская юстиция. 2013. № 7. С. 66–67; *Полуяктова Н.* Сокращённому дознанию быть? // Юрист. 2012. № 31. С. 49–54.

²⁵ См.: *Францифоров Ю. В.* Указ. соч.

²⁶ См.: *Хатуаева В. В., Калинина Л. В.* Указ. соч. С. 19.

²⁷ См.: *Петрухин И. Л.* Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М., 2005. Ч. 2. С. 105.

²⁸ См., например: *Нохрин А. В.* Проблемы дознания в сокращённой форме // Молодой учёный. 2014. № 5. С. 371.

²⁹ См. также: *Дейко В. Е.* Указ. соч.

³⁰ *Кальницкий В., Муравьёв К., Воронов Д.* Указ. соч.

³¹ См., напр.: *Булыгин А. В.* Основания рассмотрения уголовного дела и особенности доказывания при судебном разбирательстве в порядке главы 40 УПК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 11.

³² См.: *Перекрестов В. Н.* Признание вины как условие сокращённого порядка дознания // *Дознание в сокращённой форме : вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения : сб. статей / под ред. И. С. Дикарева.* Волгоград, 2013. С. 86.

³³ См.: *Нохрин А. В.* Указ. соч. С. 372.

³⁴ См.: *Комбарова Е. Л.* Указ. соч.

Московский технологический университет

Белкин А. Р., доктор юридических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, академик РАН, профессор кафедры уголовно-правового обеспечения национальной безопасности Института комплексной безопасности

E-mail: anatbel@yandex.ru

Тел.: 8 (926) 427-80-56

Moscow Technological University

Belkin A. R., Doctor of Legal Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, RANS Academician, Professor of the Criminal Legal Support of National Security Department of the Complex Security Institute

E-mail: anatbel@yandex.ru

Tel.: 8 (926) 427-80-56

В. В. Горский, М. В. Горский

Воронежский государственный университет

УЧАСТИЕ АДВОКАТА В НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ*

А н н о т а ц и я: в статье анализируются проблемы, возникающие у адвокатов (выступающих в статусе защитников, представителей потерпевших, гражданских истцов и ответчиков) в ходе реализации их полномочий при назначении и производстве судебных экспертиз. Рассматриваются возможности обращения адвокатов к специалисту для дачи заключения. Анализируется опыт зарубежных стран.

К л ю ч е в ы е с л о в а: защитник, адвокат – представитель потерпевшего, специальные знания, судебная экспертиза, заключение специалиста, право на информацию, уголовно-процессуальная ответственность.

PARTICIPATION OF ADVOCATE IN THE ASSIGNMENT AND PROCEEDING OF FORENSIC ENQUIRIES ON CRIMINAL CASES

Abstract: the article analyses problems arising with advocates (defenders, representatives of complainants, civil plaintiffs and defendants) in the course of realization of their powers with regard to assignment and proceeding of forensic enquiries; considers opportunities of addressing to the specialist for an opinion; analyses foreign practice.

Key words: defender, advocate – representative of a complainant, special knowledge, forensic enquiry, opinion of a specialist, right to information, criminal procedure responsibility.

Поступила в редакцию 3 ноября 2016 г.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, наделяя стороны уголовного судопроизводства соответствующими полномочиями, ставит частные субъекты уголовного судопроизводства в неравное положение с публичными участниками, особенно в процессе доказывания. Часть 3 ст. 86 УПК РФ, которая закрепляет полномочия защитника по собиранию доказательств, в то же время не устанавливает механиз-

ма реализации данного полномочия и форму закрепления доказательственной информации, собранной защитником¹. С аналогичными проблемами сталкиваются адвокаты и в процессе применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве. При этом в данной норме ни слова не говорится об адвокате – представителе потерпевшего.

До декабря 2013 г. уголовно-процессуальный закон существенным образом ограничивал права потерпевшего и его представителя по сравнению с процессуальным статусом подозреваемого (обвиняемого) и его защитником при назначении и производстве судебных экспертиз.

На протяжении тринадцати лет с момента принятия УПК РФ законодатель

* При подготовке статьи использованы результаты научного исследования, проводимого на средства гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-6560.2015.6.

приравнивал статус потерпевшего при назначении и производстве судебной экспертизы к статусу свидетеля, тем самым ставя его в положение, в котором он находился до 1960 г. Законодатель почему-то забыл, что потерпевший не просто «очевидец» совершенного в отношении себя преступления, а полноценный участник, сторона в уголовном процессе.

Так, согласно ч. 2 ст. 198 УПК РФ в прежней редакции, потерпевший наравне со свидетелем был вправе знакомиться с заключением эксперта лишь в случае, если судебная экспертиза проводилась в его отношении. Потерпевший и его представитель, помимо этого, вправе был знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении. Статья 205 УПК РФ не предоставляла потерпевшему и его представителю права ходатайствовать о допросе эксперта для разъяснения данного им заключения. Часть 2 ст. 206 УПК РФ предусматривала, в отличие от ст. 198, еще один случай ознакомления потерпевшего с заключением эксперта – если судебная экспертиза производилась по его ходатайству.

Такое положение дел, безусловно, приводило к большому количеству жалоб со стороны потерпевших. В 2004 г. Конституционный Суд РФ в своем определении высказывался о том, что правоприменительные органы должны предоставить возможность потерпевшему знакомиться с постановлениями о назначении судебных экспертиз **независимо от их вида и с полученными на их основании экспертными заключениями**². Затем и Пленум Верховного Суда РФ в п. 8 постановления от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» указал, что, «исходя из положений, указанных в пунктах 5, 9, 11

части 2 статьи 42, статьи 198 УПК РФ, суду надлежит обеспечить потерпевшему возможность ознакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы независимо от ее вида и с полученным на ее основании экспертным заключением либо с сообщением о невозможности дать заключение; право заявить отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении, о привлечении в качестве эксперта указанного им лица либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении, о внесении в определение (постановление) о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту.

Свидетель пользуется такими же правами, как и потерпевший, лишь при условии назначения и производства судебной экспертизы в отношении его самого.

Участники судебного разбирательства по их ходатайствам с согласия суда вправе присутствовать при производстве экспертного исследования, производимого вне зала судебного заседания, за исключением случаев, когда суд по ходатайству эксперта сочтет, что данное присутствие будет препятствовать производству экспертизы. Факт присутствия участника судебного разбирательства при производстве судебной экспертизы вне зала судебного заседания следует отразить в заключении эксперта»³.

И вот, наконец, ситуация сдвинулась с места, Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»⁴ существенным образом расширил процессуальный статус потерпевшего и его представителя, в том числе и при назначении и производстве судебных экспертиз (п. 11 ч. 2 ст. 42, ст. 198, ст. 206 УПК РФ),

тем самым сделав существенные шаги в сторону реализации конституционного принципа равноправия сторон, к чему так долго призывали отечественные ученые⁵.

Теперь закон предоставляет потерпевшему и его адвокату-представителю наравне со стороной защиты право ходатайствовать перед следователем и судом о назначении судебной экспертизы, о назначении повторной и дополнительной судебной экспертизы, а также наделяет его достаточно широкими правами при назначении экспертизы по инициативе следователя (знакомится с постановлением о назначении судебной экспертизы; заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении; ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении; ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту; присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту). Однако, несмотря на то, что ч. 2 ст. 159 УПК РФ прямо закрепляет правило, согласно которому подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в допросе свидетелей, *производстве судебной экспертизы* и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела, правоприменительная практика складывается кардинально противоположно. В научной литературе отмечается, что во многих случаях следователи отказывают в удовлетворении подобных ходатайств, также следователи несвоевременно знакомят

заинтересованных лиц с постановлениями о назначении судебных экспертиз. В частности, по данным А. В. Рагулина, изучившего 1500 уголовных дел и опросившего 500 адвокатов, 72 % адвокатов указывают, что неоднократно знакомились с постановлением о назначении судебной экспертизы одновременно с заключением эксперта, в связи с чем права, предоставленные им ст. 198 УПК РФ, были нарушены⁶. Совершенно очевидным является то обстоятельство, что реализовать указанные права возможно только на стадии назначения экспертизы.

Такую позицию занимают и высшие судебные органы. Так, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что «подозреваемый, обвиняемый и их защитники, а также потерпевший должны быть ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы *до ее производства*. В том случае, если лицо признано подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим после назначения судебной экспертизы, оно должно быть ознакомлено с этим постановлением одновременно с признанием его таковым, о чем составляется соответствующий протокол»⁷.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, ознакомление подозреваемого, обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы после ее производства должно расцениваться как недопустимое нарушение права на защиту, принципа состязательности и равноправия сторон. Несоблюдение при назначении и производстве экспертизы предусмотренных «статьей 198» УПК РФ прав подозреваемого, обвиняемого, защитника, если таковое имело место, может быть предметом как прокурорской, так и судебной проверки по их жалобам⁸.

Однако следует отметить, что судебная практика по конкретным уголовным делам складывается иначе. Например, Верховный Суд РФ в Апелляционном

определении указал, что несвоевременное ознакомление обвиняемого с постановлениями о назначении экспертиз не лишило его возможности в дальнейшем воспользоваться гарантированными уголовно-процессуальным законом правами и ходатайствовать о проведении дополнительных или повторных экспертиз, а также оспаривать обоснованность выводов проведенных по делу экспертиз⁹. Естественно, что если суды не признают подобные нарушения существенными для признания заключения эксперта недопустимым доказательством, то и следователи не будут стремиться соблюдать положения закона.

В своих научных работах мы не раз обосновывали, что права, перечисленные в ст. 198 УПК РФ, могут быть реализованы только в процессе назначения судебной экспертизы, что бессмысленно заявлять отвод эксперту, если он уже закончил ее производство и составил заключение¹⁰. Кроме того, отмечалась сложность установления такого основания для отвода эксперта (специалиста), как его некомпетентность¹¹. Безусловно, своевременное выяснение обстоятельств, исключающих участие эксперта в уголовном судопроизводстве, предотвращает составление недопустимых экспертных заключений и сокращает процессуальные сроки расследования. К тому же необходимо учитывать и то обстоятельство, что не во всех случаях можно переназначить производство экспертизы. На практике в ходе производства судебных экспертиз могут применяться так называемые методики разрушающего типа, и если некомпетентный или обладающий личной заинтересованностью эксперт «поработал» с вещественными доказательствами, представленными для производства экспертизы, то назначить повторную экспертизу либо уже невозможно, либо бессмысленно.

Именно поэтому в научной литературе предлагаются различные пути решения этой проблемы: в случае несвоевременного ознакомления подозреваемого, обвиняемого, защитника, потерпевшего и его представителя с постановлением о назначении судебной экспертизы, лишившего возможности реализовать права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, безусловно признавать заключение эксперта недопустимым доказательством¹² (по аналогии с признанием недопустимым доказательством показаний подозреваемого, которые даны в отсутствие защитника (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ)); данная норма, несмотря на всю свою радикальность, явилась действенной мерой уголовно-процессуальной ответственности следователя); либо предлагается внести в УПК РФ положения об обязательном удовлетворении ходатайств, связанных с назначением судебных экспертиз¹³. Следует отметить, что по такому пути уже пошел законодатель. Так, новая ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ (введена Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ¹⁴), согласно которой полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 настоящего Кодекса. Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое *ходатайство подлежит удовлетворению*.

Отметим в скобках, что применение данной нормы вызывает много вопросов именно на стадии возбуждения уголовного дела. Так, если внесенные 4 марта 2013 г. в УПК РФ изменения направлены на расширение возможностей так называемой доследственной проверки, на предание доказательственного значения собранным в ходе ее данным, то не по-

нятно, зачем законодатель тут же говорит, что подлежит удовлетворению ходатайство о дополнительной либо повторной судебной экспертизе. Получается, что мы все равно не доверяем действиям, проводимым на стадии возбуждения уголовного дела? Кроме того, приведенная норма является еще одной возможностью затягивать процессуальные сроки¹⁵.

Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» не прояснил также ситуацию со сроками ознакомления с заключением эксперта. В данном вопросе нам импонирует предложение О. Я. и М. О. Баевых о дополнении действующего УПК РФ положениями о наделении следователя обязанностью знакомить подозреваемого, обвиняемого, его защитника с заключением эксперта или его сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта не позднее 10 дней до объявления обвиняемому об окончании предварительного расследования по уголовному делу¹⁶. Однако указанные положения, по нашему мнению, необходимо распространить также и на потерпевшего и его представителя.

По-прежнему в рассматриваемых нормах ни слова не говорится о гражданском истце и гражданском ответчике, о чем мы не раз отмечали в своих работах¹⁷. Поэтому их также необходимо наделить соответствующими правами при назначении и производстве судебной экспертизы, которые касаются заявленных исковых требований.

УПК РФ предоставляет еще одну возможность применения адвокатами специальных знаний в уголовном судопроизводстве: обращение к специалисту, в том числе и для дачи заключения, которое в соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ являет-

ся доказательством¹⁸. Но проблема остается та же: решение о приобщении заключения специалиста к материалам уголовного дела принимают только следователь и суд, а значит, сторона защиты остается неравноправной и в этой возможности.

Положительным в этом вопросе может оказаться опыт некоторых зарубежных стран. Например, в УПК Литовской Республики и Законе ЛР «О судебной экспертизе» (ч. 2 ст. 18) наряду с «актом экспертизы» и «выводом специалиста» (по аналогии – заключение эксперта и заключение специалиста) предусматривается возможность составления «консультативного вывода», который является документом, «данном участнику процесса частным экспертом или другим лицом, владеющим специальными знаниями. Консультативный вывод, приложенный к делу, исследуется и оценивается, как и другие документы, по ст. 290 УПК ЛР. Если у суда возникают сомнения по поводу лица, составившего консультативный вывод, специальных познаний, полноты исследуемого материала, примененных методов исследования или другим вопросам, лицо, составившее такой вывод, вызывается на судебное заседание и опрашивается как специалист по ст. 284 УПК ЛР»¹⁹. Если консультативный вывод противоречит имеющемуся в деле акту экспертизы или выводу специалиста, то данный эксперт вызывается в суд для опроса. Если выяснится необоснованность выводов эксперта, то назначается новая экспертиза, производство которой не может быть поручено лицам, уже выполнявшим в деле исследования, в том числе и лицу, давшему консультативный вывод²⁰.

Похожая ситуация существует и в Польше. Так, Э. Груза и Е. Каспшак отмечают, что «в современном процессе стороны используют заключения частных экспертов как противовес имеющимся экспертным заключениям. Чаще

всего такие экспертизы, называемые иногда консультативными, служат основанием для заявления стороной обособленного ходатайства о назначении новой экспертизы. В этих экспертных заключениях указывается на ошибки экспертов, которые ранее проводили исследования, ставится под сомнения обоснованность их выводов. Данные действия составляют часть тактики защиты,

и их нельзя расценивать исключительно критически»²¹.

Полагаем, следует активнее использовать альтернативные возможности в оценке заключений экспертов, привлекая для этого специалистов. Для чего необходимо обязать суд приобщать к материалам уголовного дела заключения специалистов, предоставляемые адвокатами-защитниками.

¹ Подробнее об этом см.: *Горский М. В.* Объективные причины существования составительности в уголовном судопроизводстве // *Трибуна молодых ученых*. Вып. 10 : Контроль, правовые процедуры и юридический процесс : теория соотношения и практика взаимообеспечения. Воронеж, 2007. С. 74–94.

² По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 4 ноября 2004 г. № 430-О // *Вестник Конституционного Суда РФ*. 2005. № 2. С. 45.

³ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2011. № 2.

⁴ *Российская газета*. 2013. № 295. 30 дек.

⁵ См.: *Белкин А. Р.* Процессуальный статус потерпевшего нуждается в пересмотре // *Публичное и частное право*. 2010. № 3 (7). С. 64–77 ; *Быков В. М.* Потерпевший в стадии возбуждения уголовного дела // *Воронежские криминалистические чтения*. Вып. 10. 2008. С. 96–106 ; *Горский В. В.* Тактические основы деятельности адвоката – представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009 ; *Ищенко Е. П.* Кто защитит потерпевшего? // *Уголовное судопроизводство*. 2007. № 3. С. 2–10 ; и др.

⁶ См.: *Рагулин А. В.* Некоторые проблемные вопросы правовой регламентации и практической реализации профессиональных прав адвоката-защитника на участие в назначении и производстве экспертиз // *Эксперт-криминалист*. 2012. № 2. С. 27–30.

⁷ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 // *Российская газета*. 2010. № 296. 30 дек.

⁸ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Донгака Шолбана Ивановича на нарушение его конституционных прав статьями 53, 86, 195 и 207 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 762-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (Документ официально опубликован не был).

⁹ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 8 октября 2014 г. № 59-АПУ14-17СП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (Документ официально опубликован не был).

¹⁰ См.: *Горский М. В.* Механизм правового регулирования отводов участников уголовного судопроизводства (процессуальное и криминалистическое исследование). М., 2011. С. 99.

¹¹ См.: *Горский М. В.* Правовой механизм установления некомпетентности эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве // *Вестник Воронежского государственного университета*. Сер.: Право. 2008. № 2. С. 296–305.

¹² См., например: *Шигуров А. В.* Проблемы участия адвоката-защитника в назначении судебной экспертизы на досудебном производстве по уголовному делу // Адвокатская практика. 2013. № 4. С. 17.

¹³ См.: *Рагулин А. В.* Некоторые проблемные вопросы правовой регламентации и практической реализации профессиональных прав адвоката-защитника на участие в назначении и производстве экспертиз // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 28.

¹⁴ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Российская газета. 2013. № 48. 6 марта.

¹⁵ Подробнее об изменениях УПК РФ от 4 марта 2013 г. см.: *Горский В. В., Горский М. В.* Досудебное производство по уголовному делу : анализ законодательных новелл // Воронежские криминалистические чтения. 2014. № 16. С. 68–81 ; *Грачев С. А.* Реально ли в настоящее время производство экспертизы до возбуждения уголовного дела? // Эксперт-криминалист. 2014. № 10. С. 10–13.

¹⁶ См.: *Баев О. Я., Баев М. О.* УПК РФ 2001 г. : достижения, лакуны, коллизии ; возможные пути заполнения и разрешения последних. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: *Горский В. В.* Ознакомление потерпевшего и его представителя с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта : материалы 2-й Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 24–25 июня 2009 г.). М., 2009. С. 93–96 ; *Горский В. В.* Тактические основы деятельности адвоката – представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве России. М., 2011. С. 61–66.

¹⁸ А. М. Зинин предлагает адвокатам активнее прибегать к помощи специалистов в таких вопросах, как собирание недостающих материалов, определение вида, рода экспертиз, которые должны быть назначены, помощь в определении компетентности эксперта для оценки полноты, достоверности заключения эксперта и др. См.: *Зинин А. М.* Некоторые особенности взаимодействия адвоката-защитника, представителя по делу со специалистом в связи с назначением экспертизы и ее оценкой // Юрист. 2012. № 23. С. 28–31.

¹⁹ *Латаускене Э.* Оценка результатов специальных познаний в судебном производстве // Криминалистика первопечатный. Харьков. 2013. № 7. С. 132–133.

²⁰ См.: Там же. С. 133.

²¹ *Груза Э., Каспшак Е.* Проблема коммерциализации экспертных заключений в Польше // Криминалистика и судебная экспертиза : наука, обучение, практика. СПб., 2012. С. 234.

Воронежский государственный университет

Горский В. В., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

Тел.: 8 (473) 220-85-14

E-mail: vsu-vadim-law@mail.ru

Voronezh State University

Gorsky V. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics Department

Tel.: 8 (473) 220-85-14

E-mail: vsu-vadim-law@mail.ru

Горский М. В., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

Тел.: 8 (473) 220-85-14

E-mail: law-max-vsu@mail.ru

Gorsky M. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics Department

Tel.: 8 (473) 220-85-14

E-mail: law-max-vsu@mail.ru

Д. В. Завьялова

Воронежский государственный университет

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СИТУАЦИИ НЕОБХОДИМОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А н н о т а ц и я: рассматриваются проблемные аспекты участия в производстве по уголовному делу педагога/психолога. Делается предложение о дополнении главы 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации ст. 61, закрепляющей права и обязанности педагога/психолога.

К л ю ч е в ы е с л о в а: несовершеннолетние, следственные действия, педагог, психолог.

LEGAL RATIONALIZATION MECHANISM OF CRIME INVESTIGATION IN SITUATION OF NECESSITY OF INVESTIGATIVE ACTIONS INVOLVING MINORS

A b s t r a c t: the article considers the problematic aspects of pedagogue/psychologist participation in criminal proceedings. It is proposed to complement Criminal-Procedural Code Chapter 8 Art. 61, which allocates the procedural rights and duties of the pedagogue/psychologist.

Key words: minors, investigating actions, a pedagogue, a psychologist.

Поступила в редакцию 7 октября 2016 г.

Закрепляя общие, типичные правила, законодатель стремится к обеспечению стабильных и единообразных отношений в соответствующей области судопроизводства. Однако по понятным причинам (например, в связи с многообразием и неоднородностью общественных отношений) им также предусматривается возможность применения специальных правил при возникновении неординарных, исключительных ситуаций. Подобная исключительность может быть обусловлена различными причинами, в частности возрастом лица, являющегося участником уголовного судопроизводства.

По справедливому мнению законодателя, несовершеннолетние лица, попадающие в уголовно-правовую среду, должны быть обеспечены дополнительными, по сравнению с совершеннолетними участниками, процессуальными гарантиями. В качестве одной из таких гарантий выступает закрепленная в законе необходимость обязательного присутствия педагога/психолога при производстве ряда следственных действий с участием несовершеннолетнего.

Так, ч. 1 ст. 191 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закрепляет, что «при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолет-

него потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя».

Практически аналогичное положение установлено и ч. 3 ст. 425 УПК РФ: «в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно».

Необходимость закрепления данных положений очевидна. Несовершеннолетний, участвующий в производстве по уголовному делу, независимо от того, является ли он подозреваемым, свидетелем или потерпевшим, испытывает страх, стресс, а иногда неловкость и замкнутость. Проводимые с ним следственные действия являются для него новыми, выходящими за рамки его обычной жизни. Очевидно, что в такой ситуации рядом с несовершеннолетним должно находиться лицо, способное оказать ему необходимую поддержку. Следовательно, по определенным причинам таким лицом быть не может, поскольку по отношению к несовершеннолетнему он выступает «провоцирующим или раздражающим элементом», заставляющим подростка вновь переживать нелицеприятные минуты, участником которых он являлся. В связи с этим представляется логичным присутствие при производстве следственных действий педагога/психолога, который поможет несовершеннолетнему адаптироваться к новой обстановке,

а также поспособствует установлению психологического контакта между следователем и несовершеннолетним.

Анализ приведенных законодательных формулировок, закономерно рождает следующие вопросы: кто подразумевается в качестве психолога/педагога в рамках указанных статей, а также чье участие является более обоснованным и целесообразным?

Отвечая на первый вопрос, следует отметить, что на протяжении длительного периода времени действующий уголовно-процессуальный закон не содержал определений педагога и психолога, на что неоднократно обращали внимание ученые. Так, С. Н. Боков справедливо заметил, что «как такового универсального, отдельно взятого педагога не существует. Есть учитель начальных классов, учитель географии, русского языка и литературы, физкультуры, музыки и много других представителей педагогической профессии. Кто из них подразумевается в ст. 191 УПК РФ?». Более того, автор ставит аналогичный вопрос и применительно к психологам: «если психолог должен участвовать в допросе несовершеннолетнего, то какой? Ведь психология – наука достаточно разветвленная»¹.

Отсутствие в законе каких-либо разъясняющих положений относительно участия рассматриваемых лиц в производстве по уголовному делу привело к тому, что следователи в качестве таковых стали приглашать тех, кто к педагогике и психологии не имеет никакого отношения.

К примеру, в качестве недопустимого доказательства был признан допрос малолетнего свидетеля Б., который проходил с участием ведущего специалиста сектора по исполнению переданных государственных полномочий по опеке и попечительству администрации Заводского района муниципального образования «город Саратов», которая педагогом не являлась².

Известны также случаи, когда в качестве педагога/психолога приглашаются лица, которые работают с другой возрастной категорией, нежели участвующий в деле несовершеннолетний, либо тех, кто формально имеет соответствующее образование, но по специальности не работает.

Совершенно очевидно, что в такой ситуации обоснованное требование законодателя об обязательном участии специальных субъектов в следственных действиях превращается в профанацию, стремление лишь формально соблюсти требование закона. Между тем осознанное привлечение данных лиц к участию в следственных действиях во многом обеспечивает их успешное проведение и оказывает несомненную помощь следствию. Участие же некомпетентных лиц может не только навредить несовершеннолетнему, но и повлечь другие неблагоприятные последствия в виде признания результатов следственных действий в качестве недопустимых доказательств, а иногда и вовсе отмену приговора.

Важность данного вопроса обусловила внесение изменений в уголовно-процессуальный закон, которые дополнили ст. 5 п. 62, определив, что педагог – это педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся. Следует отметить некоторую непоследовательность действий законодателя, поскольку логично было бы предположить, что соответствующие разъяснения должны были коснуться и психологов, однако этого сделано не было.

Заметим также, что закон лишь указывает на возможность участия педагога/психолога в следственном действии, при этом вопрос о том, кого целесообразнее привлекать к такому участию в каждом конкретном случае, оставляется

им на усмотрение следователя. Это обусловило возникновение научной дискуссии об обоснованности привлечения того или иного специалиста. «Участие педагога в допросе, – полагает С. Г. Любичев, – является архаизмом, отголоском того времени, когда в образовательных учреждениях и других организациях отсутствовали кадры профессиональных психологов, функции которых и возлагались на педагогов тех или иных учебных заведений как лиц, работающих с детьми и в ходе получения профессии изучавших учебный курс психологии»³.

Э. Б. Мельникова, в свою очередь, считает, что «более полезными при допросе будут специальные познания не педагога, а психолога или врача-психотерапевта, присутствие при допросе несовершеннолетнего такого специалиста позволит обеспечить полноту допроса с помощью правильно сформулированных вопросов»⁴.

С. А. Роганов и Т. Л. Константинова считают, что законодатель должен исключить педагога из числа субъектов, имеющих право участвовать в допросе несовершеннолетних⁵.

По нашему мнению, приведенные точки зрения не отвечают в полной мере современным реалиям. В частности, в настоящее время в небольших сельских поселениях не предусматривается должности психолога и психотерапевта. В такой ситуации исключение педагога из числа субъектов, имеющих право присутствовать при производстве следственного действия, ставит под вопрос возможность проведения этих действий в принципе.

По нашему мнению, решение проблемы участия в деле педагога/психолога должно базироваться на приказе Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 26 августа 2010 г. Так, в разделе «Квалификационные характеристики должностей ра-

ботников образования» устанавливается должность педагога-психолога, который проходит обязательную подготовку по направлению «педагог-психолог»⁶. Соответственно, данное лицо (педагог-психолог) обладает всеми требованиями, необходимыми для общения с несовершеннолетними, с точки зрения как педагогики, так и психологии.

Кроме того, учитывая тот факт, что педагог-психолог выступает как самостоятельный участник уголовного судопроизводства, имеющий конкретные цели участия, права и обязанности, предлагаем дополнить главу 8 УПК РФ ст. 61 примерно следующего содержания:

Статья 61. Педагог-психолог

1. Педагог-психолог – это лицо, имеющее высшее профессиональное образование по направлению подготовки «педагогика» и «психология», привлекаемый к производству следственных действий с участием несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей в случае необходимости оказания психологической помощи, а также для разъяснения сущности задаваемых вопросов и ответов на них.

2. При производстве допроса, очной ставки, опознании, проверке показаний с участием несовершеннолетнего, не достигшего возраста шестнадцати лет, либо достигшего, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога-психолога обязательно. В остальных случаях педагог-психолог приглашается по усмотрению следователя, если личность несовершеннолетнего, обстоятельства совершенного преступления свидетельствует о необходимости оказания ему в ходе производства следственных действий психологической помощи.

3. Педагог-психолог вправе:

1) отказаться от участия в производстве следственных действий, если не обладает соответствующими специальными знаниями;

2) задавать уточняющие и дополняющие вопросы следователю и несовершеннолетнему с целью разъяснения их смысла;

3) знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, и делать заявления и замечания, которые подлежат занесению в протокол;

4) приносить жалобы на действия (бездействия) и решения дознавателя, следователя, ограничивающие его права.

4. Педагог-психолог не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса. За разглашение данных предварительного расследования педагог-психолог несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Как уже было сказано, участие педагога/психолога превращается в профанацию по различным причинам, в том числе, как нам думается, в связи с незнанием следователем личных, профессиональных качеств приглашенного специалиста, либо знанием о них с чьих-то слов. В связи с этим целесообразно, на наш взгляд, включение педагогов/психологов из числа тех, кто положительно зарекомендовал себя при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетнего в штат следственных органов.

С практической точки зрения немаловажным также является вопрос о том, должен ли несовершеннолетний быть знаком с психологом или педагогом либо, наоборот, это должны быть лица, не знакомые несовершеннолетнему и не связанные с ним.

Некоторые ученые считают логичным приглашать в качестве педагогов лиц, работающих в том же учебном заве-

дении, в котором обучается несовершеннолетний. При этом М. И. Еникеев отмечает, что педагог должен быть авторитетным для подростка лицом, способствующим установлению коммуникативного контакта, взаимопониманию следователя и несовершеннолетнего⁷.

В свою очередь, В. К. Комаров предлагает учитывать авторитет руководителей внешкольных кружков, секций, которых можно пригласить вместо педагога⁸.

В то же время некоторые ученые отмечают, что педагог и психолог зачастую являются заинтересованными участниками в исходе дела. Например, Л. Л. Каневский считает, что заинтересованность педагога обусловлена тем, что он несет ответственность как за обучение, так и за воспитание несовершеннолетнего⁹.

Представляется, что заинтересованность педагогов и психологов может иметь место только в одном случае: если ими было совершено преступление в отношении несовершеннолетних. В остальных же случаях ни результаты конкретного следственного действия, ни предварительного следствия в целом, какими бы они ни были, не отразятся на данных лицах. А поскольку отсутствуют какие-либо последствия для этих лиц, то отсутствует и их личная заинтересованность.

В то же время весьма спорным представляется мнение относительно того, что участие знакомого несовершеннолетнему педагога или психолога положительным образом отразится на результатах следственного действия. Безусловно, нельзя отрицать тот факт, что возможно возникновение ситуации, при которой знакомый несовершеннолетнему педагог поможет адаптироваться и наладить психологический контакт со следователем. Однако не исключена вероятность возникновения совершенно противоположной ситуации, когда подросток не захочет беседовать об обстоятельствах пре-

ступления (например, из-за чувства стыда) в присутствии знакомых ему лиц, что с большой вероятностью приведет к его замкнутости.

Еще одним обстоятельством, свидетельствующим о нежелательности присутствия знакомых педагогов и психологов, является то, что зачастую факт участия несовершеннолетнего в производстве по уголовному делу становится общеизвестным в школе, что не может не отразиться (негативным образом) на подростке.

В связи с этим нельзя согласиться с мнением Ф. Багаутдинова, который считает, что если педагог впервые видит несовершеннолетнего на следственном действии, не знает его психологического состояния, он не может активно участвовать в следственном действии и выбирает пассивную позицию¹⁰.

Следственная практика свидетельствует о крайней пассивности не только незнакомых, приглашенных со стороны педагогов, но и тех, кто знаком с несовершеннолетним и находится в доброжелательных с ним отношениях. Из этого можно прийти к однозначному выводу, что проблема безучастного отношения педагога/психолога лежит в несколько иной плоскости, нежели отсутствие предварительного знакомства указанных лиц с несовершеннолетним.

Думается, подобная инертность сведущих лиц обусловлена отсутствием четкой системы норм, регламентирующих их участие в производстве по уголовному делу. В результате ни педагог/психолог, ни следователь не всегда понимают, какова цель и польза участия данных лиц в следственном действии.

Кроме того, действующий уголовно-процессуальный закон практически не уделяет внимания такому важному аспекту, как закрепление прав и обязанностей педагогов и психологов. Лишь в ч. 5 ст. 425 УПК применительно к уча-

стию педагога/психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого сказано, что педагог или психолог вправе с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Однако закон не говорит о правах и обязанно-

стях педагогов/психологов, участвующих в допросе, очной ставке, опознании и проверке показаний на месте с несовершеннолетним свидетелем или потерпевшим.

Следует отметить, что проблема участия несовершеннолетних в производстве по уголовным делам не исчерпывается рассмотренными выше вопросами. А потому данная тема нуждается в дальнейшем изучении со стороны теоретиков и практиков уголовного процесса.

¹ Боков С. Н. Юридино-психологический анализ проблем допроса несовершеннолетних // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 15. 2013. С. 59.

² URL: http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=9886 (дата обращения: 08.09.2016).

³ Любичев С. Г. Особенности расследования преступлений несовершеннолетних на современном этапе // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика : сб. науч. статей : в 2 ч. / отв. ред. Т. К. Рябинина, А. А. Козявин. Курск, 2007. Ч. 1. С. 166.

⁴ Мельникова Э. Б. Ювенальная юстиция : проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии : учеб. пособие. М., 2001. С. 96.

⁵ См.: Роганов С. А., Константинова Т. Л. К вопросу об участии педагога при производстве допроса // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2. С. 204.

⁶ Об утверждении Единого квалифицированного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих : приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 26 августа 2010 г. № 761н. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁷ См.: Еникеев М. И. Основы общей и юридической психологии. М., 1996. С. 458.

⁸ См.: Комаров В. К. Психологические и тактические особенности расследования преступлений несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 13.

⁹ См.: Каневский Л. Л. Дискуссионные проблемы участия педагога и психолога в судопроизводстве по делам несовершеннолетних // Судебно-правовая реформа и пути повышения эффективности правоохранительной деятельности : межвуз. науч. сб. Уфа, 1993. С. 60.

¹⁰ Цит. по: Машинская Н. В. Проблемы обеспечения эффективного участия педагога и психолога в досудебном производстве по уголовным делам несовершеннолетних // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2015. № 2. С. 126.

Воронежский государственный университет

Завьялова Д. В., аспирант кафедры
криминалистики

E-mail: dasha-zavyalova@bk.ru

Tel.: 8-908-140-42-57

Voronezh State University

Zavyalova D. V., Post-graduate Student
of the Criminalistics Department

E-mail: dasha-zavyalova@bk.ru

Tel.: 8-908-140-42-57

В. О. Захарова

Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОШИБКИ, ДОПУСКАЕМЫЕ СЛЕДОВАТЕЛЯМИ ПРИ ЭКСГУМАЦИИ ТРУПА

А н н о т а ц и я: в статье рассмотрена сущность и основные положения законодательного регулирования такого процессуального действия, как эксгумация трупа, а также рассмотрены типичные уголовно-процессуальные ошибки при его производстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: следователь, расследование уголовного дела, следственные и иные процессуальные действия, эксгумация трупа.

CRIMINAL PROCEDURE MISTAKES MADE BY INVESTIGATORS AT THE EXHUMATION OF A CORPSE

Abstract: the article considers the essence and the main provisions of legal regulation such action as the exhumation of the corpse, and considered a typical criminal procedural error in its production.

Key words: investigator, investigation of the criminal case, investigative and other procedural actions, corpse exhumation.

Поступила в редакцию 16 октября 2016 г.

Эксгумация трупа – достаточно редкое процессуальное действие, которое доводится производить далеко не каждому следователю. Это зависит не только от ведомственной принадлежности¹, но и в целом от ряда объективных и субъективных факторов.

Вот какое определение дал этому действию Р. С. Белкин: эксгумация (от лат. *ex* – из, *humus* – земля) – извлечение трупа из земли (могилы) в целях осмотра или судебно-медицинского исследования (первичного либо повторного) в ходе расследования уголовного дела².

Д. Н. Натура, мнение которого мы разделяем, выделяет следующие цели эксгумации:

- получение новых доказательств;
- проверка и уточнение имеющихся доказательств;
- обеспечение познания иных обстоятельств дела другими средствами, методами и приемами в ходе последующего осмотра трупа, предъявления трупа (или его частей) для опознания, получения образцов для сравнительного исследования, назначения и производства экспертиз³.

То ли от отсутствия опыта производства данного действия, то ли от его специфики, а может, просто от незнания Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, но в ходе производства эксгумации следователями часто допускаются ряд ошибок, в том числе уголовно-процессуальных.

В последние годы достаточно много ученых, научных работников и практиков исследуют вопросы, касающиеся следственных ошибок. На наш взгляд, если бы их допущение не влекло возможности наступления многочисленных негативных последствий, то интерес к ним не был столь высок. При этом большинство авторов сходится во мнении, что полностью избежать просчетов следователям вряд ли удастся, но надо прилагать все усилия, чтобы ошибок было в разы меньше⁴.

Мы придерживаемся точки зрения О. Я. Баева, понимающего под следственной ошибкой любое неправильное, но не носящее преступный характер, решение (суждение⁵) и действие (бездействие) осуществляющего его лица, направленное, по его субъективному мнению, на качественное обоснование и формулирование обвинительного тезиса, но влекущее за собой как минимум одно из таких последствий: привлечение к уголовной ответственности невиновного; недоказанность вины обвиняемого (при условии совершения преступления именно им, что установлено обвинительным приговором суда после дополнительного расследования, произведенного по указанию прокурора, в том числе ранее прекращенного или приостановленного уголовного дела); неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого; неверное применение норм уголовного или уголовно-процессуального закона; другое существенное нарушение прав и законных интересов лиц, вовлеченных в любом качестве в процесс уголовного преследования⁶.

Что влияет на частоту ошибок следователей, до конца не установлено: усталость, невнимательность, а может, и незнание закона (либо незнание тех изменений, которые вносятся в УПК РФ с завид-

ной периодичностью). В каждом конкретном случае, возможно, разные причины.

В целом ст. 178 УПК РФ (в части, имеющей отношение к эксгумации) более чем за 15 лет существования настоящего уголовно-процессуального закона претерпела некоторые изменения, а именно: Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ (в ред. от 28.12.2013) внесено в ч. 1 ст. 178 УПК РФ изменение – исключено участие понятых как обязательных участников производства эксгумации.

Нами были изучены и проанализированы следственные ошибки, допускаемые следователями при производстве эксгумации трупа. Рассмотрим наиболее типичные из них, которые можно отнести к нарушениям норм уголовно-процессуального закона.

1. Постановление об эксгумации трупа выносится следователем до возбуждения уголовного дела.

Несмотря на требования ст. 144 УПК РФ, где законодатель разрешает до возбуждения уголовного дела производить только определенный перечень следственных и иных процессуальных действий, следователи проявляют правовой нигилизм, а некоторые просто путают два действия: осмотр трупа и эксгумацию по причине бессознательной регламентации их в одной и той же 178-й статье УПК РФ⁷.

2. Неуведомление о вынесении постановления об эксгумации близких родственников или родственников покойного либо ненадлежащим образом произведенное уведомление.

Уголовно-процессуальный закон не конкретизирует, всех ли близких родственников необходимо уведомлять и достаточно ли уведомить одного из них (это же относится и к родственникам покойного).

3. Ходатайство перед судом о разрешении на производство эксгумации, если против нее возражает администрация соответствующего места захоронения.

На практике администрация кладбища, как правило, не возражает по поводу эксгумации в целом, но бывает против эксгумации в холодное время года (и настойчиво рекомендует следователю дожидаться потепления) либо, что гораздо чаще, силами работников кладбища без оплаты их труда.

4. Производство эксгумации в случае, если близкие родственники или родственники покойного начали возражать против эксгумации в момент его производства.

Так как уголовно-процессуальный закон не регламентировал вопрос, сколько близких родственников необходимо уведомить о планируемой эксгумации и можно ли уведомить родственников (какое количество), но не уведомлять близких родственников, то обоснованно это может влечь различные нарушения и путаницу. Также непонятно, сколько надо ждать времени после их уведомления.

5. Производство эксгумации без участия судебно-медицинского эксперта либо врача.

Кроме этого нарушения, на практике встречаются случаи, когда следователи приглашают для участия в этом действии медсестру, медбрата, фельдшера либо ветеринарного врача.

6. Невключение расходов, связанных с эксгумацией и последующим захоронением трупа в счет процессуальных издержек для их последующего возмещения.

Как правило, эксгумация производится либо за счет следственных органов, либо за счет близких родственников или родственников покойного. В обоих случаях следователю необходимо принимать меры к тому, чтобы понесенные

расходы были возвращены органу или лицу (лицам).

7. Нарушения, связанные с привлечением понятых для участия в эксгумации трупа (если следователем принимается решение о необходимости их участия). Неприменение технических средств фиксации хода и результатов эксгумации (при отсутствии понятых).

Многие следователи по-старинке предпочитают приглашать понятых для участия в эксгумации, даже несмотря на то, что этого уголовно-процессуальный закон уже не требует. Это может быть вызвано как неумением пользоваться техническими средствами фиксации, так и их отсутствием; стереотипом, что живой человек надежнее и привычнее фото-, видеокамеры. Думается, что, если следователь все-таки принял решение пригласить понятых для участия в эксгумации, не надо исключать и применение технических средств фиксации. При этом надо быть готовыми, что в момент открытия гроба понятым может стать плохо (и даже понадобится медицинская помощь), и они удалятся на некоторое время с места захоронения.

8. Неразъяснение либо не надлежащим образом произведенное разъяснение прав, обязанностей, ответственности участникам данного процессуального действия.

Важно сделать это следователю достаточно громко и четко, особенно если производится видеозапись эксгумации трупа.

9. Ненадлежащим образом (с нарушениями требований, предъявляемых УПК РФ) вынесенное постановление или изготовленный протокол эксгумации трупа.

Кроме того, крайне ошибочной, на наш взгляд, является точка зрения В. Ю. Стельмаха, который считает, что

«несмотря на отсутствие прямого указания в УПК РФ, при производстве эксгумации присутствующие при проведении данного следственного действия родственники захороненного должны произвести его опознание. На первый взгляд, это противоречит требованиям закона, предусматривающего для узнавания и отождествления объектов специальное следственное действие – предъявление для опознания, а в качестве его отдельного вида – опознание трупа. Вместе с тем более детальный анализ приводит к выводу, что из двух приведенных норм в изложенной ситуации предъявление для опознания выступает общей, а эксгумация – специальной, которая по общим правилам юридической техники и подлежит применению»⁸.

Эту рекомендацию мог написать только тот, кто знает про эксгумацию исключительно в теории, кто никогда на ней не присутствовал. В зависимости от разных факторов (климат, почва, сам труп, множество иных индивидуальных особенностей трупа, способ и место захоронения) труп даже через непродолжительное время может быть, если так возможно

выразиться, не пригоден для опознания. И поэтому следователь, задавая вопрос «Узнаете ли вы своего брата, мужа, сына и т.д.», всегда рискует, что опознающий скажет: «Это не он (она). Значит он (она) жив(а)». Это может закончиться многочисленными жалобами родственников, повторными эксгумациями и др.

Да, действительно, необходимость предъявления для опознания как следственное действие может являться целью эксгумации, но при отсутствии иной возможности отождествить лицо (например, назначить и провести молекулярно-генетическую судебную экспертизу). Без цели производить предъявление для опознания как следственное действие (предъявлять родственникам эксгумированный труп и ждать от них фразы «да, это он (она)») – это непрофессионально и самонадеянно со стороны следователя.

В целях избежания перечисленных выше и иных ошибок следователю необходимо тщательно готовиться к его производству, досконально изучать требования уголовно-процессуального закона и криминалистические рекомендации по этому вопросу.

¹ Чаще всего решение об эксгумации трупа принимают следователи Следственного комитета Российской Федерации, гораздо реже – следственных подразделений МВД и ФСБ России.

² См.: *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 258.

³ См.: *Натура Д. А.* Эксгумация : уголовно-процессуальные, криминалистические и экспертные проблемы теории и практики проведения и использования ее результатов. Краснодар, 2003. С. 31.

⁴ См., например: *Аубакирова А. А.* Следственные ошибки при формировании внутреннего убеждения. Алматы, 2009. 212 с.; *Боруленков Ю. П.* Правовые ошибки : постановка проблемы // Российский следователь. 2014. № 7. С. 46–51 ; *Захарова В. О.* О классификациях следственных ошибок // Бизнес в законе. 2014. № 5. С. 142–144 ; *Захарова В. О.* Технические ошибки следователей (на примере из следственной практики) // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4 (33). С. 87–90 ; *Багмет А. М., Гранкина А. Б., Захарова В. О., Цветков Ю. А.* Следственные ошибки : учеб.-практ. пособие / под ред. А. И. Бастрыкина. М., 2016. 159 с.

⁵ Речь идет, например, об ошибках в версификационном процессе.

⁶ См. об этом подробнее: *Баев О. Я.* Уголовно-процессуальное исследование преступлений. М., 2009. С. 107–117.

⁷ А осмотр трупа как раз возможно производить до возбуждения уголовного дела.

⁸ *Стельмах В. Ю.* Процессуальный порядок и проблемы производства эксгумации трупа в уголовном судопроизводстве // Адвокат. 2016. № 1. С. 21–27.

*Московская Академия Следственного
комитета Российской Федерации*

Захарова В. О., кандидат юридических наук,
доцент кафедры управления следственными
органами и организации правоохранительной
деятельности

E-mail: vaza907@mail.ru

Tel.: 8-926-608-04-02

*Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation*

Zakharova V. O., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Investigative Agencies
Management and Law Enforcement Initiatives
Department

E-mail: vaza907@mail.ru

Tel.: 8-926-608-04-02

Е. П. Ищенко

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА)

О КАЧЕСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: в статье подвергнуты анализу объективные и субъективные факторы, обуславливающие надлежащее качество предварительного расследования преступлений, уголовно-процессуальные условия, в которых оно осуществляется, обосновывается необходимость его технико-криминалистического обеспечения в современных условиях.

Ключевые слова: предварительное расследование, качество, законодательная практика, следственный аппарат, криминалистическое обеспечение.

ABOUT THE QUESTION OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Abstract: in the article analyzed the objective and subjective factors that contribute to an adequate quality of the preliminary investigation of crimes, criminal procedural context in which it is carried out, the necessity of its technical and forensic support in modern conditions.

Key words: preliminary investigation, quality, legislative practice, investigative unit, forensic software.

Поступила в редакцию 14 ноября 2016 г.

Вопросы качества предварительного расследования преступлений давно не обсуждались в научной литературе, в первую очередь потому, что в последние три десятилетия говорить и писать о нем (качестве) было бы совсем неприлично. Как можно всерьез рассуждать о том, чего нет, и в ближайшем будущем не предвидится? Однако и замалчивать эту животрепещущую проблему дальше нельзя, поскольку без ее решения ни о правовом государстве, ни о гражданском обществе не может быть и речи.

Качество предварительного расследования совершаемых в стране миллионов преступлений зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов. Наиболее важными из них представляются следующие: количество и

уровень профессионализма (криминалистическая сложность) совершаемых преступлений; количественный и профессиональный состав следственного и дознавательского аппарата; уровень оперативно-розыскной деятельности; уголовно-процессуальные условия, в которых работают следователи, дознаватели и оперативные сотрудники, обуславливающие их субъективное отношение к выполнению профессионального долга по поддержанию в России законности и правопорядка; технико-криминалистическое обеспечение предварительного расследования и др.

Качественно расследовать любое преступление может лишь следователь, способный грамотно, профессионально организовать этот процесс, который по сложным уголовным делам вполне можно отнести к творческим. Качественный

состав следственного корпуса страны уже обсуждался¹. За прошедшие годы ничего к лучшему не изменилось. Общая же ситуация такова: уровень профессионализма преступников постепенно повышается, в то время как профессиональный уровень следователей, дознавателей, оперативных сотрудников в лучшем случае перестал падать.

Членам следственного корпуса, не имеющим высшего юридического образования и приличного (5–7 лет) стажа работы по специальности, организовать расследование далеко не всегда по силам. И здесь нельзя не сказать об условиях, в которых осуществляется предварительное расследование преступлений.

Главную роль здесь играют нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Заокеанские «доброжелатели», активно участвовавшие в разработке УПК РФ, постарались сделать его супердемократичным, для чего насытили его текст всеми мыслимыми и немыслимыми запретами, которые в буквальном смысле слова сковали правоохранительные органы страны по рукам и ногам.

Для забывчивых напомню, что первоначальный текст УПК РФ фактически лишил следователя процессуальной самостоятельности: он не мог даже возбудить уголовное дело без «высочайшего» на то позволения. Во главу угла были поставлены и, к величайшему сожалению, сохраняются до сих пор «права человека». Даже Збигнев Бжезинский не скрывает, что «требования соблюдения прав человека в конечном счете стали мощным инструментом подрыва коммунистического соперника изнутри»². Ведь под человеком почему-то подразумевается субъект с преступными наклонностями, а не законопослушный гражданин российского государства, на чьих плечах оно, собственно говоря, и держится.

Эта сверхзабота о правах подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного берет свое начало в Конституции РФ, пять статей которой посвящены их правам и интересам и только одна – законным правам гражданина, потерпевшего от преступного посягательства. По сравнению с обвиняемым последний, можно сказать, бесправен. Потерпевший не интересуется ни западных, ни отечественных правозащитников, как и права его близких родственников (жены, детей, родителей) в случае, если он убит или стал инвалидом, нуждающимся в постоянном лечении и уходе.

Принцип равенства всех перед законом погран и забыт. Социалистическая демократия закончилась, ныне разгулялась подлинно демократическая демократия. Вот ее-то горькие плоды мы и вкушаем. Начнем с тех, которые влекут за собой наиболее негативные для гражданского общества и правового государства последствия, создают и множат актуальные проблемы для правоприменительной практики.

Из уголовно-процессуального законодательства была изгнана и до сих пор не восстановлена в правах объективная истина, установить которую следователь был обязан посредством полного, объективного и всестороннего (т.е. качественного) расследования, чтобы выявить обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие подозреваемого.

Безусловно, современного следователя, зачастую не имеющего высшего юридического образования, признать «установителем объективной истины» довольно затруднительно. Однако даже непримиримые противники последней полагают, что «реализация назначения уголовного судопроизводства обеспечивается полным, всесторонним и объективным установлением всех подлежащих доказыванию по уголовному делу фактов

и обстоятельств в условиях состязательного уголовного процесса»³. Если не заикливаться на терминах, то суть представляется очень похожей. Вместе с тем если «установителем истины» признать не следователя, а адвоката, то результат может получиться еще более оригинальным...

Действующий УПК допустил в уголовный процесс юридическую, формальную истину, а к тому же исключил объективное ведение досудебного и судебного следствия, полноту выяснения всех обстоятельств произошедшего. О какой объективности и беспристрастности можно вести речь, если следователь отнесен к стороне обвинения?

О какой полноте выяснения обстоятельств содеянного можно говорить, помня о главах 32.1, 40 и 40.1 УПК РФ? Если подозреваемый признает свою вину или соглашается на сотрудничество со следствием, то расследование в отношении него фактически сворачивается, он получает поблажки, от которых могут пострадать (и страдают) права потерпевшего, всего общества и государства.

В конечном счете очень многие преступления остаются нераскрытыми, виновные в их совершении не несут никакого наказания, права потерпевших игнорируются, что создает и нагнетает в стране социальную напряженность. Даже официальная статистика признает, что из надлежаще зарегистрированных преступлений раскрывается около половины. А если верить Председателю Следственного комитета РФ, то в стране ежегодно совершается не 2–3, а более 40 млн преступлений. Если же учесть невозвращение капиталов из-за границы и другие экономические, таможенные преступления, то каждый гражданин страны ежегодно становится потерпевшим, даже не догадываясь, что его в очередной раз обокрали или обманули.

Вопрос о количестве совершаемых, регистрируемых и расследуемых преступлений имеет очень неоднозначный ответ. Ежегодно в России регистрируется порядка 3 млн преступлений, из которых около половины остаются нераскрытыми, преступники – безнаказанными, а потерпевшие, в законном порядке признанные таковыми, – неудовлетворенными качеством работы правоохранительных органов. Однако на самом деле картина здесь куда более безрадостная. По данным А. И. Бастрыкина (см. его интервью в «Российской газете» от 26 августа 2010 г.), ежегодно каждый третий взрослый россиянин становится потерпевшим от преступного посягательства.

Нельзя не напомнить, что жертвами таких посягательств бывают также несовершеннолетние и малолетние граждане страны. Но не будем мелочиться, включим их в эти 40 млн. Тогда незарегистрированными ежегодно оказываются 37 млн преступлений, а нераскрытыми – 38,5 млн. Как минимум столько россиян, реально потерпевших от преступных посягательств, каждый год остаются «при своих интересах». Анализ официальных статистических данных о работе следователей МВД России за 2009–2015 гг. свидетельствует, что ими ежегодно приостанавливается около половины всех расследуемых уголовных дел, причем более 95 % – вследствие неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

О каком качестве предварительного расследования может идти речь на фоне этих цифр? Не мудрствуя лукаво, его можно признать только очень плохим, даже если согласиться с мнением, что рост преступности – это плата за все большую демократизацию общественных отношений в стране. Не слишком ли велика плата? И в чем она выразилась, та демократизация?

Качественное расследование конкретного уголовного дела предполагает планирование, отработку всех выдвинутых версий, взаимодействие следователя с органом дознания, экспертами и специалистами, имеющими, как и он, надлежащую профессиональную подготовку и опыт работы по специальности; разумное количество уголовных дел в производстве, с учетом их сложности и давности совершенного преступления, которое еще предстоит раскрыть, а уже затем расследовать, наличия технико-криминалистического обеспечения, криминалистической методики расследования данного состава преступления, интенсивности криминального противодействия и др.

О неблагополучии в сфере расследования начали говорить официальные лица. Начальник Следственного департамента МВД России, замминистра внутренних дел А. А. Савенков, выступая на юридической конференции в СПбГУ, подверг жесткой критике ситуацию, сложившуюся в сфере уголовной юстиции. Он заявил, что «профессия юриста деградирует, все хотят обслуживать интересы, которые неплохо оплачиваются, по принципу «чего изволите?»... Никто не хочет становиться криминалистом».

А. А. Савенков посетовал, что больше половины следователей – женщины, что многие из них не в состоянии без ошибок написать рапорт, что ни один вуз страны не готовит следователей – финансовых аналитиков, что полиция не владеет современными методами расследования киберпреступлений, и заключил, что «с такими подходами нельзя побороть организованную преступность и коррупцию». Прав он и в том, что «первое право человека – на возмещение вреда».

Даже представитель Совета Федерации в Конституционном и Верховном Судах А. Александров заявил, что разра-

ботанный с участием «американских советников» УПК требует изменения⁴.

Нельзя не констатировать, что уголовно-процессуальный закон чрезвычайно нестабилен и подвергается изменениям далеко не всегда в сторону улучшения. В связи с этим М. О и О. Я. Баевы пишут: «Вряд ли за всю историю российских правовых систем можно найти примеры столь неуважительного отношения к установлению стабильных правил «судопроизводственной игры», как те, что являют лихорадочные, перманентно-постоянные изменения, вносимые в УПК РФ 2001 г.». Это показывает изменчивость данного законодательного акта, далеко не лучшим образом сказывающуюся на правоприменительной практике⁵.

Обобщающим критерием качества уголовного преследования, включающего в себя обнаружение и выявление преступлений, их предварительное расследование, возбуждение и поддержание государственного обвинения, О. Я. Баев считает выявление преступлений, законное и обоснованное обвинение лиц, их совершивших. По его данным, эксперты оценивают качество предварительного расследования преступлений как находящееся на «недостаточно хорошем, но все же приемлемом уровне»⁶. С такой оценкой нынешней следственной практики очень трудно согласиться.

В. К. Зникин правильно полагает, что дознание и предварительное следствие служат основой для дальнейшего движения уголовного дела, очерчивают объем и пределы судебного рассмотрения, во многом обуславливают его правильный исход, потому понятие качества расследования преступлений имеет особое практическое значение. Анализ уголовно-процессуального законодательства и практики его применения привел ученого к выводу, что правовыми требованиями, составляющими в своей сово-

купности качество расследования, являются законность, всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела, обоснованность предъявленного обвинения⁷.

Имеет право на существование подход к оценке качества расследования, предполагающий три уровня: высокий, средний и низкий. Высококачественным признается расследование, материалы которого содержат полные, всесторонние и объективные ответы на все вопросы о преступлении, необходимые для правильного разрешения дела по существу, при отсутствии каких-либо нарушений закона. Среднекачественным считается расследование, содержащее те же ответы, но не в должной мере, имеющее нарушения процессуальных или материальных норм, не препятствующие вынесению законного и обоснованного решения по делу. Низкокачественным признается расследование, при котором не соблюдены или существенно нарушены основополагающие требования закона, не установлена объективная истина, нет базы для разрешения дела по существу⁸.

Прав В. Д. Зеленский, обоснованно полагающий, что на качество расследования крайне отрицательно влияет отсутствие в законе указания на обязанность следователя всесторонне, полно и объективно расследовать преступление. Он пишет: «Качественное расследование – расследование законное, эффективное, с использованием научно-практических рекомендаций, достигающее конечной цели – установления истины в оптимальные сроки. Для качественного расследования важно и необходимо достаточное научно- и материально-техническое обеспечение, производство расследования профессионально подготовленными субъектами».

К основным факторам, детерминирующим качество расследования, В. Д. Зе-

ленский относит: уголовно-процессуальное законодательство, правовой статус следователя как основного субъекта расследования, организацию расследования преступлений, криминалистическую методику, следственную тактику, использование специальных знаний, а также профессионально-психологический уровень следователя⁹.

М. М. Чепик вполне обоснованно сомневается в возможности обеспечить качество и полноту расследования в условиях компромисса, полагает, что именно всесторонность, полнота и объективность должны фигурировать в качестве основных критериев оценки качества исследования обстоятельств уголовного дела, ратует за включение в УПК РФ нормы, их содержащей, что будет способствовать обеспечению и защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, повышению качества предварительного расследования, достижению истины по делу¹⁰.

Технико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений, как необходимое условие его качества, может быть реализовано путем профессионального, умелого использования средств криминалистической техники, а также современных научно-технических средств и методов во всех необходимых случаях не столько самим следователем, дознавателем, сколько специалистом-криминалистом, экспертом-криминалистом, следователем-криминалистом. Особенно актуален и результативен такой подход при производстве следственного осмотра, обыска, проверки показаний на месте, следственного эксперимента, очной ставки и других в ходе расследования тяжких и особо тяжких посягательств со стороны организованной преступности на общественные и личные интересы граждан и организаций.

К факторам объективной реальности, обуславливающим необходимость криминалистического обеспечения расследования совершаемых в стране тяжких и особо тяжких преступлений, в порядке их значимости, правильно будет отнести: дальнейшую профессионализацию преступности, рост ее организованной составляющей; нынешний профессиональный состав следственных аппаратов и органов дознания; усиление массивного противодействия расследованию со стороны организованной преступности и ее коррупционных связей в государственных и судебных органах; крайне неблагоприятные тенденции в изменениях действующего в Российской Федерации законодательства и некоторые другие.

Приходится с горечью констатировать, что российская преступность с каждым годом становится все более профессиональной, организованной и оснащенной по последнему слову науки и техники. Она активно осваивает новые сферы влияния, налаживает международные связи с криминалитетом, заимствует новейшие зарубежные криминальные технологии, в особенности реализуемые в киберпространстве.

Организованный российский криминалитет ставит себе на службу специалистов в сфере компьютерного программирования, в области «оптимизации» налоговых платежей, нанимает беспринципных адвокатов, способствующих уходу от уголовной ответственности за очередное тяжкое преступление. Для этих целей у него имеются практически неограниченные финансовые средства, поступающие из «серой» экономики, реализующей все новые преступные схемы выпуска контрафактной продукции, ухода от налогообложения, контрабандных поставок из стран – членов ЕС и т.д.

Особые проблемы здесь возникают в связи с тем, что организованная пре-

ступность все активнее осваивает колоссальные возможности киберпространства, вследствие чего особую актуальность приобретает разработка тактико-технических приемов производства следственных действий в этом эфемерном пространстве, где все присутствует в виртуальном, цифровом виде. Специалисты-криминалисты, эксперты-криминалисты, следователи-криминалисты должны безотлагательно освоить новейшие информационные интернет-технологии, чтобы быть во всеоружии в борьбе с современной преступностью, передавать свой опыт рядовым следователям. Даже экспертам-криминалистам в этом направлении предстоит сделать еще очень непростые шаги¹¹.

А пока во всем криминальном хитросплетении современных преступных посягательств приходится разбираться нынешним следователям и дознавателям, профессионализм и опытность которых оставляют желать много лучшего. Без грамотного криминалистического обеспечения гарантировать качественное расследование практически невозможно, что и наблюдается в реальности.

В СК РФ все следователи имеют высшее юридическое образование, должности укомплектованы мужчинами, однако опыт практической работы и здесь невелик. По состоянию на май 2016 г. число следователей равнялось 8500 человек, в том числе 2500 военных следователей и 1500 следователей-криминалистов. За 5 лет ими было возбуждено 663 тысячи уголовных дел, в суды направлено 500 тысяч дел, что свидетельствует о серьезной нагрузке на каждого следователя. Думается, что качество их профессиональной деятельности было бы выше, а нагрузка меньше, если бы не служебная активность 3500 процессуальных контролеров, полезность которых более чем сомнительна. Об этом, в частности, сви-

детельствует количество и разнообразие следственных ошибок процессуального характера, допускаемых следователями СК РФ¹².

Дело состоит в том, что в структуре СК РФ образованы самостоятельные подразделения, чья единственная задача – осуществление процессуального контроля. Процессуальная власть инспекторов и руководителей этих подразделений весьма велика, однако научно обоснованных технологий производства контроля нет. Под процессуальным контролем предлагается понимать реализуемую в установленной законом процессуальной форме функцию руководителя следственного органа по предотвращению или пресечению нарушений закона при расследовании уголовных дел и проверке сообщений о преступлениях, выполняемую либо им непосредственно, либо через специально уполномоченные отделы процессуального контроля, их руководителей и инспекторов.

За идеал процессуального контроля в СК РФ приняты его тотальность и дублирование. Первая предполагает, что в поле зрения субъектов контроля находится вся процессуальная деятельность следователя, которая подвергается сплошной ревизии. Дублирование контроля состоит в том, что его субъекты перепроверяют друг за другом один и тот же объект с одних и тех же сторон. Потому вполне обоснован вывод, что система процессуального контроля, основанная на «методе сплошной дублированной проверки следственной деятельности является громоздкой, неэкономичной и в конечном счете неэффективной»¹³.

Поэтому не стоит удивляться, что текучесть среди следственных кадров МВД и СК РФ ежегодно доходит до 10 % от общего состава. Если преступность постоянно совершенствуется, то следственный и дознавательский корпус страны от

ежегодного пополнения тысячами новичков едва ли набирается профессионализма, который и так невысок.

Из наук уголовно-правового цикла только криминалистика всецело сориентирована на решение практических проблем борьбы с преступностью: на полное раскрытие и качественное расследование преступлений. Представители криминологии, уголовного права и уголовного процесса предпочитают вести себя так, будто с преступностью в России почти покончено, а то, что творит в стране организованный криминал, их вообще не касается. К борьбе с преступностью и даже к ее «преодолению, сдерживанию» они якобы не имеют даже косвенного отношения. Поэтому предпочитают теоретизировать, рассуждать о принципах, презумпциях, критериях, концепциях, преюдициях и прочих возвышенных материях. И очень немногие из них подают свои голоса против законодательного калейдоскопа, происходящего с нормами практически всех действующих кодексов.

УПК РФ действует 14 лет. За эти годы в него было внесено более трех тысяч изменений, дополнений, уточнений. Для этого с 29 мая 2002 г. по 20 июня 2016 г. Государственная Дума приняла 192 Федеральных закона, да еще Конституционный Суд вынес пять постановлений и 15 определений, пытаясь устранить неконституционность целого ряда его положений. Некоторые статьи УПК изменялись многократно.

По подсчетам заведующей кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) Л. А. Воскобитовой, из общего числа статей УПК РФ не изменялись лишь 168 (30 %). Она обоснованно считает, что УПК никак не борется с преступностью, а вносимые в него изменения бессистемны и хаотичны. В результате за

качество и эффективность расследования преступлений в Российской Федерации никто не отвечает. И вполне обоснованно констатирует свертывание борьбы с преступностью, низкое качество предварительного расследования преступлений.

Необходимость криминалистического обеспечения расследования обусловлена еще и тем, что в распоряжении большинства следователей и дознавателей современных средств кримтехники либо нет, либо имеются устаревшие экземпляры, либо применять их эти практические работники не умеют. В то же время сейчас снова начинают приобретать первостепенное значение «немые свидетели» преступлений – различные следы и вещественные доказательства, особенно остающиеся в киберпространстве.

Без применения технико-криминалистических средств и методов выявить их, зафиксировать, изъять и подвергнуть судебно-экспертному исследованию практически невозможно. Не могут их уничтожить и преступники, в том числе профессиональные (запаховые, тепловые, цифровые, микроследы), тогда как на свидетелей-очевидцев и потерпевших оказывается интенсивное давление со стороны членов ОПС.

Неопытный, да к тому же не имеющий юридического образования следо-

ватель, дознаватель, вынужденный работать в условиях законодательной свистопляски, будет чувствовать себя гораздо увереннее, если его усилия по сбору судебных доказательств будут подкреплены научно-технической базой российской криминалистики, средства и методы которой под воздействием научно-технического прогресса постоянно развиваются и совершенствуются. Поступают такие средства и в результате заимствований из-за рубежа.

В связи с этим следует констатировать острую необходимость скорейшего налаживания грамотного технико-криминалистического сопровождения расследования совершаемых в стране тяжких и особо тяжких преступлений. Это повысит качество следственной деятельности, будет способствовать очищению российского гражданского общества от организованного и обычного криминала, проникшего во все сферы жизнедеятельности¹⁴.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать вывод, что до тех пор, пока законодательная и кадровая практика не станут вменяемыми, о высоком качестве, т.е. объективности, полноте и всесторонности расследования преступлений, нужно забыть. Согласны ли на это россияне?

¹ См.: *Ищенко Е. П.* О состоянии следственного корпуса России // Вестник криминалистики. 2008. № 3 (27). С. 6–11.

² *Бжезинский З.* Великая шахматная доска : господство Америки и его геостратегические императивы [пер. с англ.]. М., 2014. С. 416.

³ *Баев М. О., Баев О. Я.* Еще раз об объективной истине и следователе как ее «установителе» по уголовному делу // Воронежские криминалистические чтения. 2016. № 1 (18). С. 20.

⁴ См.: *Пушкарская А.* Никто не хочет становиться криминалистом // Коммерсантъ. 2015. 11 июня.

⁵ *Баев М. О., Баев О. Я.* Заметки об очередных изменениях Уголовно-процессуального кодекса РФ (о новеллах федерального закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 41.

⁶ Баев О. Я. Избранные работы : в 2 т. Воронеж, 2011. Т. 1. С. 360–483.

⁷ См.: Зникин В. К. Понятие эффективности и качества предварительного расследования // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Право. 2014. № 1 (11). С. 25–32.

⁸ См.: Власов В. И. Расследование преступлений. Проблемы качества. Саратов, 1988. С. 37–38.

⁹ См.: Зеленский В. Д. Качество расследования преступлений : понятие и определяющие факторы // Качество расследования : криминалистические и уголовно-процессуальные проблемы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2016. С. 6–9.

¹⁰ См.: Чепик М. М. Влияние компромисса на качество и полноту предварительного расследования // Вестник ДВЮИ МВД России. 2016. № 1 (34). С. 46–50.

¹¹ См.: Ищенко Е. П. Актуальные проблемы развития российской криминалистики // Криминалистика XXI века : стратегия и тактика развития : коллективная монография / Е. П. Ищенко [и др.] ; отв. ред. Е. П. Ищенко. М., 2016. С. 3–29.

¹² См.: Следственные ошибки : учеб.-практ. пособие / под ред. А. И. Бастрыкина. М., 2016. С. 50–158.

¹³ Цветков Ю. А. Управление в следственных органах : курс лекций / под ред. А. И. Бастрыкина. М., 2016. С. 310–316.

¹⁴ См.: Ищенко Е. П. Реформой правит криминал? М., 2013. 320 с.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Ищенко Е. П., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

E-mail: kriminalistmsal@list.ru

Tel.: 499-244-86-44; 244-84-22

Moscow State Legal University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Ishchenko E. P., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminalistics Department, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Science Worker of Russian Federation

E-mail: kriminalistmsal@list.ru

Tel.: 499-244-86-44; 244-84-22

В. И. Саньков

Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации

**НЕДОСТАТКИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В РОССИИ –
120 ЛЕТ СПУСТЯ**

А н н о т а ц и я: в статье рассматриваются проблемные вопросы качества предварительного следствия в России в историческом аспекте. Делается вывод о том, что основным недостатком предварительного следствия является его неполнота, предлагаются возможные пути ее устранения и предупреждения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: предварительное следствие, недостатки, неполнота расследования.

DISADVANTAGES OF PRE-TRIAL IN RUSSIA – 120 YEARS LATER

Abstract: the article considers the problem questions of the quality of the preliminary investigation in Russia in the historical aspect. The conclusion is that the main disadvantage of the preliminary investigation is its incompleteness, suggests possible ways of its elimination and prevention.

Key words: preliminary investigation, deficiencies, incomplete investigation.

Поступила в редакцию 17 октября 2016 г.

Современный период развития юридической науки ознаменован активным обращением ученых и практиков к судебной реформе 1860–1864 гг., в результате которой был учрежден институт судебных следователей (1860 г.) и создан, по сути, первый российский уголовно-процессуальный кодекс – Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС). Вопросам деятельности судебных следователей, развития уголовно-процессуального законодательства того периода посвящены многие работы современных ученых, специальные научно-практические форумы¹.

После упразднения института судебных следователей в 1917 г. предварительное следствие существовало в нашем государстве в составе различных ведомств, пока спустя полтора столетия со времени

учреждения этого института не был создан принципиально новый следственный орган – Следственный комитет Российской Федерации (далее – СК России), выделившийся из прокуратуры 15 января 2011 г., пятилетний период деятельности которого, на наш взгляд, показал обоснованность такого решения и эффективность деятельности нового ведомства.

В этот же период развернулась дискуссия о дальнейшей судьбе отечественного следственного аппарата, высказаны самые разные, в том числе противоположные, мнения на этот счет, включая возврат к институту судебных следователей, учреждение следственных судей, упразднение предварительного следствия вообще и его замена полицейским дознанием².

В то же время высказано обоснованное с точки зрения исторического опыта развития отечественного предваритель-

ного следствия мнение о несвоевременности предложения о введении института следственных судей в настоящее время, о целесообразности создания и необходимости дальнейшего укрепления СК России³.

Основными критериями оценки деятельности следственных органов являются качество предварительного следствия, законность, соблюдение прав и интересов граждан в уголовном судопроизводстве. Попробуем еще раз взглянуть на проблему недостатков отечественного предварительного следствия посредством анализа его полуторавекового опыта. Уже первые десятилетия функционирования судебных следователей в России показали наличие ряда проблем, требовавших своего разрешения и корректировки этого института. Об этом свидетельствуют результаты проводившихся в то время исследований, а также многочисленные статьи ученых-юристов и практиков конца XIX в. Так, при открытии совещания прокуроров судебных палат, посвященного реформе следственной части, состоявшегося в декабре 1894 г., руководивший этим совещанием сенатор А. Ф. Кони отметил, «что предварительное следствие является у нас по своей постановке и по практическим результатам своим, по-видимому, одною из слабых сторон судебной организации. Практические недостатки предварительного следствия стали обнаруживаться уже вскоре после введения в действие судебных уставов и вызвали целый ряд мероприятий со стороны Министерства Юстиции, направленных на изучение условий производства предварительного следствия в России и за границею»⁴.

Достаточно подробно осветил проблемы недостатков предварительного следствия пореформенного периода в своей работе российский ученый-юрист того времени А. А. Левенстим, обладав-

ший значительным опытом прокурорско-следственной и судебной работы, в свою очередь, опиравшийся на целый ряд исследований других авторов⁵. В качестве эпиграфа к своей статье он использовал фразу из стихотворения Генриха Гейне: «*Es ist eine alte Geschichte, Doch bleibt sie ewig neu*» (*это старая история, но она всегда остается новой*). «Нет такой темы в юридической литературе, к которой приведенные нами слова поэта можно было бы применить с большим правом, чем к вопросу о предварительном следствии. Правильно ли оно поставлено в России, в чем его недостатки и как их устранить, – об этом писали во всевозможных книгах и журналах, об этом спорили и говорили в различных канцеляриях и ученых обществах, и тем не менее вопрос этот до настоящего времени не потерял интереса, ибо нельзя не согласиться с мнением австрийского писателя доктора Гросса, который утверждает, что «каковы следователи известной страны, таковы и весь суд по уголовным делам»⁶.

В качестве основных недостатков предварительного следствия указывались: 1) погрешности канцелярские, 2) пропажа дел, 3) медленность, 4) значительная неполнота следственных актов, и малый процент дел, направляемых к судебному разбирательству, что значительно ослабляло уголовную репрессию. Для нас представляет особый интерес последний пункт в силу актуальности изложенных в нем проблем, сохраняющейся на протяжении более 120 лет, прошедших со времени опубликования результатов исследования опыта первых трех десятилетий работы судебных следователей в России. Неполнота многих следствий выражалась в отсутствии плана, системы, небрежности в анализе улик. Слабая «уголовная репрессия» влекла высокий удельный вес

прекращенных уголовных дел. В 1889 г. 50 % всех начатых следствий было прекращено по ст. 277 УУС⁷, из всех дел не более 15–20 % кончались обвинительными вердиктами.

В советский период предварительное следствие характеризовалось наращиванием технической оснащенности, научно-методического обеспечения благодаря использованию достижений научно-технического прогресса, развитию науки криминалистики. В то же время вопросы полноты и качества расследования оставались по-прежнему актуальными. В 1960-е гг. Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности были изучены причины возвращения судами на дополнительное расследование уголовных дел об умышленных убийствах. В результате был сделан вывод о том, что наиболее распространенным основанием направления на доследование таких дел является неполнота следствия, т.е. неполное выявление обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Неполнота расследования, послужившая основным мотивом возвращения дел судами, выражалась в недостаточном выяснении: а) факта убийства (11,59 % случаев); б) личности убитого (0,7 %); в) причастности обвиняемого к убийству (43,9 %); г) психического состояния обвиняемого (2,9 %); д) обстоятельств, от которых зависят квалификация преступления, размер и вид наказания за него (18,7 %); е) причастности к убийству других, помимо обвиняемого, лиц (15,1 %); ж) роли каждого обвиняемого (3,6 %); з) преступлений, не связанных с убийством, но инкриминируемых обвиняемому⁸.

Анализ показателей работы Следственного комитета, как в период его

функционирования при прокуратуре РФ, так и в качестве полностью самостоятельного ведомства подтверждает целесообразность отделения следствия от прокурорского надзора, в том числе и с точки зрения вопросов качества и соблюдения законности. Примечательно, что, в соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», одной из основных задач данного государственного органа является оперативное и качественное расследование преступлений. То есть вопрос обеспечения качества предварительного следствия, а значит его полноты, является одним из приоритетных направлений деятельности СК России.

По мнению профессора Б. Я. Гаврилова, внесение Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» принципиальных изменений в дифференциацию процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа способствовало повышению уровня законности при производстве предварительного следствия за счет улучшения его качества и сокращения числа лиц, незаконно, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, в том числе содержащихся под стражей, что подтверждается статистическими данными. Так, число оправданных по делам, расследованным следователями Следственного комитета, начиная с 2007 г., имеет устойчивую тенденцию к снижению: до 654 в 2013 г. (в 2006 г. – 1885). Более чем вдвое сократилось число указанных лиц, содержащихся под стражей (с 954 в 2006 г. до 411 в 2013 г.)⁹. Эта тенденция продолжает сохраняться и в последующие годы. В

интервью «Российской газете» Председатель СК России А. И. Бастрыкин, подводя итоги работы ведомства, отметил повышение качества предварительного следствия после реформы 2007 г.: если в 2006 г. судом следователям прокуратуры было возвращено на доработку более 5000 уголовных дел, то в 2015 г. этот показатель составил 1355 дел, т.е. уменьшился более чем в 3 раза, несмотря на увеличение подследственности Следственного комитета за счет тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, а также налоговых преступлений¹⁰.

Сравнительно небольшое число оправданных судами и реабилитированных на стадии следствия лиц, невысокий удельный вес прекращенных уголовных дел от числа возбужденных (по делам следователей СК России в 2015 г. – немногим более 10 %) позволяют констатировать, что «уголовная репрессия» предварительного следствия, о слабости которой говорили исследователи этой проблемы в конце XIX в., значительно возросла. Между тем вопросы качества следствия, ввиду наличия типичных следственных ошибок и иных упущений, влекущих возвращение уголовных дел прокурорами и судами для устранения недостатков предварительного следствия, признание доказательств недопустимыми, представляются актуальными и в настоящее время.

Основными причинами следственных ошибок в современный период называются неполнота и односторонность предварительного расследования, которые могут выражаться в недостаточной исследованности виновности обвиняемого, ошибках в производстве отдельных следственных действий, в оценке доказательств и т.п. В свою очередь, «причиной причин» таких ошибок, но-

сящей скрытый характер, не находящей, как правило, отражения в процессуальных документах, профессор О. Я. Баев обоснованно называет ошибки в логике доказывания виновности обвиняемого в совершении преступления, углубленное изучение которых «имеет повышенную теоретическую и практическую значимость, является перспективным направлением исследований в области уголовного процесса и криминалистики»¹¹.

Таким образом, неполнота расследования на протяжении всего периода существования отечественного предварительного следствия является одним из его основных недостатков, преодоление и предупреждение которого, на наш взгляд, возможно путем реализации следующих основных мероприятий.

1. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ не стал преемником предшествовавших ему законодательных актов в части закрепления принципа полноты, всесторонности и объективности предварительного следствия. Согласно ч. 2 ст. 21 УПК РФ, в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления. Однако нет никаких положений о том, насколько полны и достаточны должны быть эти меры. Между тем уже УУС в ст. 264 содержал некоторый хотя бы общий критерий полноты действий судебного следователя, который «предпринимает собственной властью все меры, необходимые для производства следствия, за исключением тех, в коих власть его положительно ограничена законом». Согласно ст. 112 УПК РСФСР 1923 г., следователь направляет предва-

рительное следствие, руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела. Наиболее завершённой представляется формулировка данного принципа, содержащаяся в ст. 20 УПК РСФСР 1960 г.: суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Неполнота произведенного дознания или предварительного следствия служила одним из оснований возвращения дела для дополнительного расследования судом (ст. 232). На наш взгляд, законодательное закрепление требований о полном, всестороннем и объективном расследовании уголовного дела будет дисциплинировать следственных работников, способствовать предупреждению и устранению неполноты предварительного следствия.

2. Дальнейшая «работа над ошибками» предварительного следствия с позиции криминалистики, т.е. постоянный мониторинг следственной практики с целью выявления недостатков предварительного следствия, влекущих его неполноту, изучение причин этих недостатков, разработка соответствующих организационно-распорядительных документов, научно-методических рекомендаций. Поскольку уголовно-процессуальный закон не содержит критериев полноты и качества расследования, важное значение имеет «криминалистическая оценка» деятельности следователя: произведены ли им все необходимые в данной следственной ситуации следственные и иные процессуальные действия с надлежащим качеством с точки зрения использования допустимых тактических приемов, соблюдена ли соответствующая методика и т.д.

Таким образом, неполнота следствия в большей степени вызвана именно кри-

миналистическими недостатками. В соответствии с основными разделами криминалистики это могут быть: тактические упущения, например неполнота выяснения у свидетеля обстоятельств происшедшего из-за неиспользования тактических приемов допроса; технико-криминалистические, например неиспользование всех возможных технических средств для обнаружения следов преступления на месте происшествия, непроведение всех необходимых экспертиз и т.д.; методические, выражающиеся в неиспользовании методики расследования определенной категории преступлений. Именно в таком – широком – понимании следует рассматривать и оценивать недостатки в работе следователя, поскольку традиционное понятие следственной ошибки, вызванной добросовестным заблуждением следователя, значительно сужает сферу исследования и разрешения данной проблемы¹².

Предупреждение и устранение последствий недостатков предварительного следствия является одним из важных направлений деятельности СК России, Председателем которого А. И. Бастрыкиным обращено внимание на необходимость реализации комплекса системных мер, направленных на сокращение количества следственных ошибок и улучшение в целом качества досудебного производства¹³.

Для выявления и предупреждения недостатков предварительного следствия могут быть использованы и современные достижения научно-технического прогресса¹⁴.

3. Повышение уровня профессиональной подготовки действующих сотрудников следственных органов, а также повышение качества высшего специального образования студентов юридических вузов, которые должны иметь объективное представление о будущей профессии

следователя и получать знания, позволяющие им приступить к практической работе непосредственно после завершения обучения. Вполне современно звучат размышления по этому поводу исследователей данной проблемы конца XIX столетия: «Останавливаясь прежде всего на *качествах* следователей, приведем мнение австрийского юриста, доктора Ганса Гросса. Этот ученый, обратив внимание на малую репрессию уголовного суда, видит одну из причин этого явления в том, что большинство юристов недостаточно подготовлены для работы в качестве следователей. Из университета их выпускают с прекрасным общим образованием,

с массой теоретических знаний, но им не дают никаких сведений, которые нужны при расследовании уголовных дел. Большинство из них не знает, как писать протоколы осмотра, о чем нужно допрашивать свидетелей и как делать обыски, чтобы не уйти с пустыми руками»¹⁵.

Важную роль в получении обучающимися необходимых навыков следственной работы могут сыграть ведомственные высшие учебные заведения правоохранительных органов, в частности Академия Следственного комитета Российской Федерации, равно как и в повышении уровня профессиональной подготовки следственных работников.

¹ См., например: 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России : современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. М., 2014 ; Хмелева А. В. Предварительное следствие в России : ретроспективный взгляд // LEXRUSSICA. 2016. № 4 (113). С. 151–161.

² См., например: Смирнов А. В. Институт следственных судей – конституционное требование? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 2. С. 9–14 ; Головки Л. В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе. URL: <http://www.iaaj.net/node/484> (дата обращения: 04.07.2016).

³ См.: Багмет А. М., Хмелева А. В. К вопросу о реформировании следственных органов // Библиотека криминалиста. 2015. № 4 (21). С. 9–20.

⁴ Совещание старших председателей и прокуроров судебных палат относительно: 1) реформы предварительного следствия и 2) реформы обвинительной процедуры (28 и 29 декабря 1894 года) // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 11. С. 37.

⁵ Левенстим А. А. Предварительное следствие по судебным уставам, его недостатки и меры к улучшению // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 11. С. 101–108.

⁶ Там же. С. 103–104.

⁷ В соответствии со ст. 277 УУС производство следствия могло быть прекращено только судом. Когда судебный следователь не находил оснований продолжать следствие, то, приостановив производство, испрашивал на прекращение дела разрешение суда через прокурора.

⁸ См.: Бердичевский Ф. Ю., Комаров Г. И., Степичев С. С. Почему некоторые дела об убийствах возвращаются на дополнительное расследование. М., 1968. С. 24–25.

⁹ См.: Гаврилов Б. Я. Современное состояние российского уголовно-процессуального законодательства и его совершенствование : опыт исторического наследия (к 150-летию Устава уголовного судопроизводства) // 150 лет Уставу уголовного судопроизводства России : современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. М., 2014. Ч. 1. С. 187.

¹⁰ См.: Российская газета. 2016. № 7030 (162). 25 июля. URL: <http://sledcom.ru/press/interview/item/1055797/>

¹¹ Баев О. Я. Ошибки следователя в логике доказывания виновности обвиняемого // Уголовная ответственность : основания и порядок реализации. Самара, 1992.

¹² Подробнее об этом см.: Саньков В. И. Криминалистические недостатки предварительного следствия // Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : материалы X Всерос. науч.-практ. стола (26 февраля 2016 г.). Ставрополь, 2016. Ч. 2. С. 88–93.

¹³ Бастрыкин А. И. Организация работы по профилактике следственных ошибок // Организация предварительного расследования. Проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 20 ноября 2015 г.) / под ред. А. И. Бастрыкина. М., 2015. С. 9.

¹⁴ См., например: Степанов С. Д. Применение современных информационных технологий для анализа полноты следственных действий в расследовании преступлений // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее : достижения и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 60-летию образования службы криминалистики (Москва, 16 октября 2014 г.). М., 2014. С. 266–270.

¹⁵ Левенстим А. А. Указ. соч. С. 154.

*Московская Академия Следственного
комитета Российской Федерации*

Саньков В. И., кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, заместитель директора НИИ криминалистики, полковник юстиции
E-mail: sankov_icr@mail.ru

*Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation*

Sankov V. I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Criminalistics Department, Deputy Director of the Scientific Research Institute of Criminalistics, Colonel of Justice
E-mail: sankov_icr@mail.ru

А. В. Хмелева

Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА И ЕГО ОЦЕНКА СЛЕДОВАТЕЛЕМ

Аннотация: рассмотрены особенности оценки следователем такого доказательства, как заключение судебного эксперта. Уделено внимание его атрибутивным признакам – относимости, допустимости и достоверности; предлагаются пути оптимизации деятельности по оценке заключения эксперта.

Ключевые слова: заключение эксперта, оценка заключения, относимость, допустимость, достоверность, следователь, судебный эксперт, специалист.

FEATURES A FORENSIC EXPERT AS AN EVIDENCE AND ITS ASSESSMENT BY THE INVESTIGATOR

Abstract: the features of the investigator assessment of such evidence as the conclusion of a forensic expert. Attention is paid to its attributive attributes – relevance, admissibility and reliability, we suggest ways to optimize the evaluation of expert opinion activity.

Key words: expert, conclusion evaluation, relevance, admissibility, reliability, investigator, forensic specialist.

Поступила в редакцию 7 ноября 2016 г.

Известно, что доказывание – это деятельность субъекта доказывания по вовлечению в судопроизводство сформированных доказательств, их оценка и интерпретация. Результатом этой деятельности является подтверждение или опровержение исследуемых фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию и необходимых для принятия решения следователем по уголовному делу. Чтобы фактические данные стали доказательствами, они должны быть получены в установленном законом порядке, из установленных источников, специально уполномоченными лицами и существовать в определенной законом форме.

Каждое доказательство подлежит оценке следователем (а в дальнейшем – судом) с точки зрения относимости, до-

пустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – по критерию достаточности для разрешения уголовного дела (ст. 88 УПК РФ).

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ одним из видов доказательств являются заключение и показания эксперта, этим доказательствам посвящена ст. 80 УПК РФ. Закон не устанавливает преимущества одних доказательств перед другими, хотя, как нам представляется, выводы эксперта, основанные на результатах проведенных исследований, носят более объективный характер, чем доказательства личностного и вербального характера, например показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля.

Заключение эксперта как доказательство имеет свои особенности в фор-

мировании и оценке. Основное процессуальное лицо, которое формирует доказательство в уголовном судопроизводстве, – следователь, в данном случае не проводит исследование, а только назначает его. Причем назначение судебной экспертизы происходит за исключением случаев, предусмотренных ст. 196 УПК РФ («Обязательное назначение судебной экспертизы»), по усмотрению следователя. УПК РСФСР 1960 г. уточнял, что следователь (суд) назначает судебную экспертизу, когда возникает потребность ответить на вопросы, требующие специальных знаний в науке, технике, ремесле и искусстве. Отметим, что впервые данная формулировка основания привлечения экспертов для дачи заключения использовалась в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., который предусматривал возможность использования специальных знаний сведущих лиц «в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии» (ст. 112, 325)¹.

Статья 195 УПК РФ устанавливает, что следователь, «признав необходимым», назначает судебную экспертизу и выносит об этом постановление. Что понимает законодатель под «специальными знаниями», в Кодексе не обозначено, хотя в ряде статей такое понятие используется (например, ст. 57, 58 УПК РФ). Отметим, что среди ученых-криминалистов, экспертов вопрос о том, какие знания в указанном аспекте считать специальными, до настоящего времени ведется дискуссия, имеются различные точки зрения. Известный ученый А. Р. Белкин предлагает следующее определение специальных знаний: «Специальные знания – сведения в области науки, техники, искусства или ремесла (в том числе вопросы правового характера), не являющиеся общеизвестными и не входящие в сферу профессиональной компетенции следователя, дознавателя, суда»².

Можно согласиться с мнением указанного автора, что определение специальных знаний следует включить в глоссарий УПК РФ (ст. 5).

Собственно роль следователя в формировании такого доказательства, как заключение эксперта, и состоит в вынесении соответствующего постановления, подготовке и представлении эксперту необходимых материалов – объектов исследования. Особенностью заключения эксперта как доказательства является то, что с его помощью наиболее часто устанавливается относимость других доказательств, а также соответствие их другому оценочному критерию – достоверности. Задачей судебной экспертизы является установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем проведения специальных исследований судебными экспертами – участниками уголовного судопроизводства, не относящимися ни к одной из сторон.

В соответствии с законом следователь, а также подозреваемый, обвиняемый, его защитник, потерпевший вправе присутствовать (с разрешения следователя) при производстве экспертизы, т.е. при формировании доказательства. При этом следователь может получать разъяснения эксперта, а другие указанные лица – давать объяснения эксперту (ст. 197 и 198 УПК РФ).

Статья 144 УПК РФ предусматривает, что назначение экспертизы возможно до возбуждения уголовного дела, т.е. на стадии доследственной проверки уже возможно получение доказательства – заключения эксперта. При этом следует иметь в виду положения п. 1.2 ст. 144 УПК РФ: «Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению».

Яркую специфику имеет оценка заключения эксперта как доказательства. Обычно под оценкой заключения судебного эксперта понимают установление относимости, допустимости и достоверности заключения. Руководствуясь законом и совестью, следователь оценивает любое доказательство по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности других доказательств, их объективном анализе. Процедура получения рассматриваемого доказательства осуществляется не следователем, а иным лицом – экспертом, поэтому следователь должен оценить не только сделанные выводы, но проверить и соблюдение требований закона по процедуре получения и оформления результатов проведенного исследования. Особенностью при оценке заключения эксперта является также и то обстоятельство, что положенными в основу проведенного исследования и формулирования выводов специальными знаниями следователь (как и судья, прокурор, дознаватель) не обладает. По сведениям, содержащимся в заключении об эксперте, трудно оценить его уровень компетенции. Обычно под оценкой заключения эксперта понимают мыслительную деятельность следователя, в ходе которой он проверяет на соответствие закону все обстоятельства, связанные с назначением экспертизы (требования к лицу, которое стало экспертом в процессуальном плане, к постановлению о назначении судебной экспертизы, к заключению (структура, реквизиты, подписи и др.)); с проверкой материалов, представленных на экспертизу (порядок получения, удостоверения вещественных доказательств, образцов для сравнительного исследования (их достаточность)); проверкой полноты исследования (все ли объекты исследовались, на все ли вопросы получены ответы); оценкой логической обоснованности хода и результа-

тов экспертного исследования, соответствия выводов проведенному исследованию и его результатов. Определенные затруднения возникают с оценкой научной обоснованности выбранной экспертной методики, правомерности ее применения в конкретном случае, соответствия методики современным достижениям в экспертной области знания, так как следователь не является специалистом и не обладает специальными знаниями эксперта.

Таким образом, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности (ч. 1 ст. 88 УПК). На наш взгляд, такой признак атрибуции заключения эксперта в качестве уголовно-процессуального доказательства, как относимость, для следователя не вызывает затруднений. Оценка указанного доказательства по критерию допустимости связана прежде всего с проверкой соответствия закону процедуры и атрибутики постановления о назначении судебной экспертизы, получения объектов и других материалов на исследование, а также формальных признаков заключения как документа. Определенные особенности имеет оценка достоверности заключения эксперта.

Следует согласиться с профессором О. Я. Баевым, который пишет: «Мы убеждены, что достоверность не есть атрибутивное (обязательное) свойство уголовно-процессуального доказательства... О достоверности сформированного следователем доказательства ... можно вести речь лишь в контексте оценки качества этого доказательства»³.

Сведения о фактах, полученные в установленном законом порядке (атрибутивный признак допустимость) и имеющие логическую связь с предметом доказывания (атрибутивный признак относимость), являются доказательствами независимо от того, достоверны они или

нет. Достоверность же каждого доказательства оценивается субъектом доказывания (ст. 87 УПК РФ) «путем сопоставления его с другими доказательствами, установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство». «Чем более убедительно доказательство подтверждает или опровергает исследуемый по делу факт или обстоятельство, тем лучше или «выше» его качество»⁴. Достоверность доказательства может меняться, в том числе и такого вида, как заключение эксперта. Например, в ходе проведения обоснованно назначенной повторной экспертизы (ст. 207 УПК РФ) эксперт придет к иному выводу, иногда – противоположному. Понятно, что для установления достоверности заключений при наличии нескольких заключений подчас возникает необходимость назначения еще одной (или одних) экспертизы (по сути, тоже повторной). Назначение повторной экспертизы не обязанность, а право следователя. Следователь, как и суд, может принять по своему усмотрению, руководствуясь возникшим убеждением, одно из имеющихся заключений в качестве доказательства. Да и количественный показатель (когда, например, один вывод подтверждает одна экспертиза, а противоположный – две) при оценке достоверности заключения и правильности выводов не является основополагающим (также как и стаж эксперта, его должность, статус экспертного учреждения, красноречие и опыт выступления эксперта перед присяжными и др.). В связи с этим, помня, что «в каждой шутке есть доля шутки», отметим закон Рейнольдса об экспертизе в суде: «Чем больше миль проехал эксперт, чтобы дать в суде свои показания, тем больше ему станут верить».

На наш взгляд, основным при оценке доказательства будет соответствие дру-

гим доказательствам и материалам дела, которое следователь оценивает по внутреннему убеждению и совести.

Нередки случаи, когда эксперт проводит исследование в точном соответствии с принятой методикой, выводы соответствуют результатам полученным результатам, т.е. заключение, исходя из всех предъявляемых требований, будет достоверным, однако – не соответствовать действительности. Например, когда следователь допустил небрежность при представлении материалов на исследование (ошибся при указании фамилии проверяемого лица, у кого были получены сравнительные образцы при назначении судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств; неправильно установил необходимые для расчетов данные при назначении автотехнической судебной экспертизы и т.д. (Мы не рассматриваем умышленную фальсификацию доказательств.)

Нельзя согласиться с мнением, что «единственной возможностью проверки научной обоснованности и достоверности экспертного заключения является реальная состязательность экспертов, для достижения которой необходимо предоставить право назначения судебных экспертиз не только суду и стороне обвинения, но и стороне защиты»⁵. В таком случае возможно предположить, что заключения экспертов «разных сторон» должны иметь противоположные (во всяком случае несовпадающие выводы). Эксперт занимает нейтральное процессуальное положение, он не является ни стороной обвинения, ни стороной защиты. Не приемлемо положение, когда исследование одних и тех же объектов для ответа на один и тот же вопрос находилось бы в зависимости от интересов той или иной стороны, которую представляет «свой» эксперт. К тому же при конкуренции экспертиз все равно должен быть

«арбитр», который позволит следователю (или суду) принять ту или иную экспертизу в расчет (конечно, в большинстве случаев в настоящее время таким арбитром является сам следователь)⁶.

Нам представляется, что оказать помощь следователю или суду в оценке заключения эксперта, прежде всего по критерию достоверности, может привлеченный в этих целях специалист, который, обладая специальными знаниями, оценит экспертизу в первую очередь с точки зрения обоснованности ее выводов, качества проведенного исследования. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» указывается, что «...для оказания помощи в оценке заключения эксперта и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист» (п. 19).

Ряд авторов считает, что для оценки заключения эксперта может быть назначена метаэкспертиза, объектом исследования которой является заключение эксперта. «Такое исследование не является ни дополнительной, ни повторной экспертизой, ибо не рассматривает исходных материалов первичной экспертизы, а отвечает на вопросы, насколько адекватны методы, использованные экспертом, насколько обоснованы сделанные выводы, можно ли указать на допущенные экспертом ошибки и пр.»⁷.

Большое значение для оценки обоснованности и достоверности заключения имеет унификация методик исследования, стандартизация методов исследования. Должны стать неприемлемыми имеющиеся на практике ситуации, когда при исследовании одних и тех же объектов эксперты судебно-экспертных учреждений разных ведомств делают различающиеся выводы. Так, не секрет, что патроны к малокалиберному оружию

признаются боеприпасами или не признаются в зависимости от ведомственной принадлежности экспертов, которые руководствуются разными методиками исследования и принятыми теоретическими разработками. Имеются и другие примеры различного подхода к исследованию одних и тех же объектов экспертами разных ведомств. «Судебно-экспертные методики, разработанные в разных ведомствах, часто противоречат друг другу. Поэтому результаты судебных экспертиз, выполненные на основании этих методик в СЭУ различных ведомств, могут быть противоречивы»⁸. Все это создает трудности в оценке достоверности заключения не только для следователя, но и специалиста.

При работе с заключением судебного эксперта как с доказательством очень важно не только оценить его, но и правильно интерпретировать результаты экспертных исследований. Возможны ситуации, когда заключение эксперта отвечает всем атрибутивным признакам (относимость, допустимость, достоверность), обоснованно и правильно, а выводы об обстоятельствах дела следователь с учетом экспертизы делает ошибочные. Например, экспертизой материалов, веществ и изделий из них был установлен факт взаимного перехода микроволокон с одежды подозреваемого в изнасиловании и потерпевшей и наоборот, эксперт сделал положительный вывод о факте контактного взаимодействия одежды указанных лиц, что явилось одним из весомых оснований для подозрения М. в совершении преступления. Однако в дальнейшем была установлена непричастность М. к преступлению, а переход микроволокон одежды, как оказалось, произошел, когда следователь упаковывал предметы одежды по отдельности (как и требуют правила упаковки объектов на этот вид эксперт-

ных исследований), но на одном и том же листе бумаги-ватмана. То есть волокна с одежды потерпевшей попадали на бумагу, а с нее – на одежду подозреваемого, которая также упаковывалась. В другом случае, на подошве обуви обвиняемого эксперты при выполнении почвоведческой экспертизы обнаружили почву с участка возле дома потерпевшего с характерными включениями. В дальнейшем было установлено, что почва попала на поверхность подошвы при транспортировке объектов в экспертное учреждение: в одной коробке находились обувь и пакетики с образцами почвы, которые повредились при доставке.

Для правильной интерпретации выводов эксперта и недопущения ошибок в ней и в оценке выводов важны криминалистические знания правил и рекомендаций по обнаружению, изъятию, упаковке объектов, направляемых в дальнейшем на экспертизу; их свойств. Так, для того чтобы оценить значение установленного факта наличия или отсутствия потожировых или запаховых следов конкретного человека на орудии преступления (особенно если ранее этот предмет использовался разными лицами), например на кухонном ноже, нужно знать, что в таких случаях, как правило, выявляются признаки не того человека, который последним контактировал с этим предметом, а того, кто чаще это делал, чей контакт с предметом был более длительным (следователь должен оценить установленное экспертом наличие или отсутствие следов определенного лица на объекте с этих позиций).

Другой случай: известен факт, когда на трупе ребенка был обнаружен след-наслоение крови постороннего лица, который, как показала экспертиза, не принадлежал подозреваемому, уже давшего полные, детальные, так называемые «признательные» показания, под-

тверждаемые другими доказательствами. Практические работники могут представить значение такого «клина»... Сколько времени и усилий было потрачено следственной группой по установлению лица, чья кровь была обнаружена на трупе! Оказалось, что след оставлен самим следователем во время осмотра трупа на месте преступления (лесная местность): работая в перчатках, следователь убил севшего не него комара и не заметил, как перенес, продолжая осматривать труп, свою кровь с перчатки на труп.

В нашей практике был случай, когда при определении дистанции выстрела по факту убийства эксперты оценивали интенсивность отложения металла (следов от оболочки пули) на одежде потерпевшего вокруг огнестрельного повреждения. При этом дистанция определялась значительно более близкая, чем установленная другими доказательствами, в частности показаниями обвиняемого. В дальнейшем оказалось, что экспертами не была допущена ошибка, они правильно оценили наличие и количественный показатель химических элементов, аналогичных элементам, входящим в состав оболочки пули, но большая интенсивность их вокруг повреждения объяснялась не близкой дистанцией выстрела, а другими обстоятельствами: при упаковке куртки потерпевшего не были соблюдены требования наложения на участок ткани с повреждением лоскута ткани (листка бумаги), и на это место при складывании куртки пришлось пуговица с металлическим покрытием, в состав которого входили те же элементы (в части), что и присутствовали в составе металла оболочки.

Все это позволяет сделать вывод, что одна из причин следственных ошибок при оценке заключения эксперта и интерпретации выводов экспертов в контексте установления обстоятельств слу-

чившегося – это отсутствие глубоких знаний по криминалистике, незнание закономерностей существования и формирования криминалистической информации, в том числе признаков объектов,

направляемых на экспертизу и самих результатов экспертных исследований. Это необходимо учитывать при обучении будущих следователей и при повышении их профессиональной квалификации.

¹ Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 96–97.

² Белкин А. Р. УПК РФ : конструктивная критика и возможные улучшения. Часть X. Производство судебной экспертизы. М., 2016. С. 22.

³ Там же. С. 423.

⁴ Там же. С. 424.

⁵ Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2016. С. 312.

⁶ Законы Мерфи для юристов / пер. с англ. Е. Г. Гендель. Минск, 2003. С. 184.

⁷ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 93.

⁸ Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Указ. соч. С. 127.

*Московская Академия Следственного
комитета Российской Федерации*

Хмелева А. В., кандидат юридических наук,
заведующая кафедрой криминалистики,
директор НИИ криминалистики,
полковник юстиции, почетный сотрудник
СК России

E-mail: hmeleva.alla@mail.ru

Tel.: 8-965-313-26-71

*Moscow Academy of the Investigative Committee of
the Russian Federation*

Khmeleva A. V., Candidate of Legal Sciences,
Head of the Criminalistics Department, Director
of the Scientific Research Institute of Criminalistics,
Colonel of Justice, Honorary Fellow
of the Russian Investigative Committee

E-mail: hmeleva.alla@mail.ru

Tel.: 8-965-313-26-71

О. Ю. Цурлуй

Воронежский экономико-правовой институт

О СУЩНОСТИ И СТРУКТУРЕ ЖАЛОБЫ В КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ 125 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А н н о т а ц и я: в статье обосновывается целесообразность и необходимость законодательного закрепления понятия и структуры жалобы, подаваемой в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Приводятся предложения о внесении соответствующих изменений в уголовно-процессуальный закон.

К л ю ч е в ы е с л о в а: жалоба, структура жалобы, требование.

ON THE NATURE AND STRUCTURE OF THE COMPLAINT IN THE CONTEXT OF ARTICLE 125 OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE CODE

Abstract: the article substantiates the expediency and necessity of legislative consolidation of the concept and structure of the complaints in accordance with article 125 of the Criminal Procedure Code. The article contains author's suggestions of the relevant amendments to the criminal procedure law.

Key words: complaint, structure of the complaint, requirement.

Поступила в редакцию 1 ноября 2016 г.

Теоретические исследования и анализ судебной практики наглядно свидетельствуют об одном из пробелов законодательной регламентации принципа обжалования процессуальных действий (бездействий) и решений, затрудняющих его полноценную реализацию, выражающемся в отсутствии законодательно закреплённого определения понятия и структуры жалобы, которая подается в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Их регламентация в значительной степени оптимизирует процедуру уголовно-процессуального разбирательства по жалобам данного вида, так как обеспечит гарантию

от необоснованного отказа в их приеме судом по формальным основаниям.

Статистика рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ демонстрирует факт достаточно частого отказа в приеме жалоб по формальным основаниям (в среднем в 35 % случаев). В качестве таковых можно выделить следующие: отсутствие в жалобе достаточных сведений, необходимых для ее рассмотрения; отсутствие в жалобе оснований для признания процессуальных действий (бездействий) и решений незаконными и необоснованными (не указано, какие права заявителя нарушены); к жалобе не приложены копии документов, которыми оформлены обжалуемые процессуальные действия (бездействия) и реше-

ния; жалоба не подлежит рассмотрению в порядке ст. 125 УПК РФ; ненадлежащее оформление жалобы; не указано процессуальное положение лица, процессуальные действия (бездействия) и решения которого обжалуются.

В науке уголовного процесса относительно определения понятия жалобы выработано два основных подхода.

В основе первого – понятие жалобы определяется через существенный признак – «обращение». Так, С. В. Белобородов отмечает, что «содержание жалобы формирует нарушенный интерес, права или свободы личности, которые, по мнению заявителя, ограничены»¹.

В связи с этим под жалобой понимают «письменное обращение в установленном законом порядке к должностному лицу, ведущему судопроизводство, или в суд по поводу нарушения охраняемых законом прав и интересов субъекта уголовного процесса или иного лица, чьи права и интересы нарушены решением или действием должностного лица или суда»².

Основу второго определения данного понятия составляет такой существенный признак жалобы, как «требование», поскольку, обращаясь с жалобой в уполномоченный государственный орган, заинтересованное лицо не просто желает указать (обратить внимание) на имеющее место нарушение его прав и свобод со стороны какого-либо органа или должностного лица. «Оно официально требует устранения данного нарушения, восстановления своих нарушенных прав и интересов, это официальное требование и составляет суть жалобы, ее основу, само же обращение без требования (просьбы) лишено своего содержания», – отмечают сторонники данной точки зрения³.

На наш взгляд, такой подход представляется более уместным, когда речь

идет о жалобе, подаваемой в порядке ст. 125 УПК РФ. Это обусловлено, прежде всего, тем фактом, что обжалование процессуальных действий (бездействий) и решений имеет место тогда, когда нарушается определенное право лица, вовлеченного в сферу уголовно-процессуальных отношений. Принцип судебного обжалования нацелен на устранение такого нарушения и по возможности на восстановление нарушенного права. Требование, в отличие от обращения, при обжаловании имеет более категоричное значение и обязательно для исполнения⁴. В случае, когда должностные лица, осуществляя те или иные действия и принимая решения, нарушают права лица, вовлеченного в уголовный процесс, в его жалобе содержится требование об устранении нарушений, но не просьба.

Вместе с тем обе позиции полезны тем, что их анализ позволяет выделить существенные признаки понятия жалобы заинтересованного по уголовному делу лица.

В их числе С. В. Белобородов выделяет следующие⁵.

1. Жалоба – это юридический факт, поскольку она носит официальный характер, адресована уполномоченным государственным органам и их должностным лицам и содержит требование заинтересованных лиц соблюдения закона.

2. Жалоба является предусмотренным законом средством защиты прав и свобод личности, подается заинтересованным лицом в связи с действительным или возможным нарушением его прав и свобод.

3. Суть жалобы составляет требование о защите, по возможности восстановлении или компенсации нарушенного права, свободы или интереса личности правовыми средствами.

4. Субъекты жалобы в уголовном процессе одновременно являются субъ-

ектами уголовно-процессуальных отношений, в рамках которых вносится, рассматривается и разрешается жалоба, факт подачи жалобы порождает динамику указанных отношений.

5. Процессуальная форма действий по приему, рассмотрению и разрешению требования по существу и уведомлению заявителей о принятых решениях предусмотрена законом.

В соответствии с изложенным под жалобой в смысле ст. 19 УПК РФ следует подразумевать официальное письменное обращение в порядке, установленном УПК РФ, к должностному лицу, в государственный орган или суд участника уголовного судопроизводства, а также иного лица, чьи интересы затронуты процессуальными действиями, бездействиями или принимаемыми решениями.

По нашему мнению, данное определение понятия «жалоба» может быть дополнением к ст. 5 УПК РФ. Нормативное толкование этого понятия (наряду с нормативно определенной структурой жалобы) позволит избежать ряда формальностей, которые часто возникают на практике при обращении заявителя в суд, и сократит количество отказов по таким же формальным основаниям принятия жалоб судьями.

В соответствии с вышеприведенным определением, понятие жалобы, подлежащей рассмотрению в порядке ст. 125 УПК РФ, может быть уточнено и представлено в следующем виде: это официальное письменное обращение в порядке, установленном УПК РФ, в суд участника уголовного судопроизводства, а также иного лица, чьи интересы затронуты проводимыми в досудебном производстве действиями (бездействиями) и принимаемыми решениями.

Существенной проблемой обеспечения судебной защиты в порядке ст. 125

УПК РФ гражданами, участниками уголовного процесса, своих прав и свобод является также отсутствие нормативно закрепленных требований к структуре жалобы.

Как уже было отмечено, суды достаточно часто по формальным основаниям отказывают заявителям в принятии жалобы, если в ее содержании не отражен какой-либо частный элемент или в приложении отсутствует документ, подтверждающий обжалуемое решение.

Отчасти в процессуальной литературе эта проблема уже рассматривалась, в связи с чем были высказаны предложения по ее практическому разрешению.

Например, И. Антонов и Г. Васильева предлагают обязать суд принимать жалобу, но оставлять ее без движения до устранения недостатков заявителем, в том числе и с участием судьи, с предоставлением конкретного срока для этих целей⁶.

Уголовному процессу известны и другие исследования обозначенной проблемы, в основе которых лежит анализ неоднозначной судебной практики применения норм, определенных главой 16 УПК РФ⁷.

Положительно в данном аспекте следует рассматривать практику, когда судьи возвращают жалобу с вынесением соответствующего постановления, где отмечают недостатки жалобы и право заявителя, устранив их, вновь обратиться в суд.

Отсутствие нормативного регулирования структуры жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ нередко приводит и к принятию необоснованных судебных решений.

Так, Октябрьский районный суд г. Белгорода возвратил жалобу Л. на действие начальника управления по расследованию налоговых преступлений УВД по Белгородской области для устранения недостатков, указав, что в жалобе не от-

ражено, с каким заявлением обращался Л. в ОВД, кем проводилась проверка по его заявлению, кто выносил постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и какое действие обжалуется. Кассационная инстанция отменила решение районного суда и указала, что все достаточные сведения для судебного рассмотрения в жалобе имеются⁸.

Данное судебное решение, как свидетельствует анализ кассационной судебной практики, не является прецедентом.

Актуальность проблемы нормативного закрепления структуры жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ очевидна. Ее введение не только определит соответствующие правила, но реально обеспечит реализацию назначения уголовного судопроизводства, определенного ч. 1 ст. 6 УПК РФ, сократит волокиту и сделает невозможным отказ в принятии судьей жалобы по формальным основаниям.

Однако, прежде чем высказать наши предложения по совершенствованию законодательства, следует разобраться в некоторых сопутствующих данной проблеме вопросах.

Первый из них – что же признавать недостаточностью сведений при подаче жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, второй – что подразумевать под неправильным оформлением жалобы. Подобные формулировки являются наиболее часто встречающимися в судебных решениях.

Рекомендательное толкование для этих случаев содержится в положениях постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Пленум отметил, что «в тех случаях, когда жалоба не содержит необходимых сведений, что препятствует ее рассмотрению (например, отсутствуют сведения о

том, какие действия или решения обжалованы, жалоба не подписана заявителем, полномочия защитника или представителя заявителя не подтверждаются соответствующими документами), жалоба подлежит возвращению заявителю для устранения недостатков с указанием в постановлении причин принятия решения и разъяснением права вновь обратиться в суд».

Однако, на наш взгляд, более эффективное разрешение проблемы состоит в законодательной регламентации структуры жалобы, подаваемой в порядке ст. 125 УПК РФ. Такой подход устранил сложности в оформлении жалобы для заявителей и сформирует четкие ориентиры для судей относительно приемлемости рассмотрения жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ с формальной точки зрения.

Анализ судебной практики⁹, данные теоретических исследований рассматриваемой проблемы дают основание внести предложение о дополнении ч. 2 ст. 125 УПК РФ положением (ч. 2¹), в котором следует отразить структуру жалобы.

«2¹. Жалоба должна содержать: 1) наименование суда; 2) данные о заявителе с указанием его процессуального положения (в случае необходимости документ, подтверждающий полномочия), места жительства или пребывания; 3) указание на действие (бездействие) или решение должностного лица, его осуществившего или принявшего; 4) доводы заявителя, обосновывающие его требование; 5) указание на существо и существенность нарушенных прав и свобод и вредные для заявителя последствия, которые могут наступить в результате действия (бездействия) или решения должностного лица; 6) перечень прилагаемых документов обжалованного действия (бездействия) или решения; 7) подпись заявителя.

В случае несоответствия жалобы установленным требованиям судья выносит постановление и возвращает жалобу заявителю с определением срока для устранения нарушений. В случае, если требования не выполнены и жалоба в установленный срок не поступила, судья выносит постановление о прекращении производства по данной жалобе, что не лишает лицо права повторной подачи жалобы по тем же основаниям».

Полагаем, возможность повторного обращения лица с жалобой по тем же основаниям в данной ситуации является оправданной, поскольку право на обжалование остается нереализованным, так как изложенное в жалобе требование о защите прав и свобод не рассмотрено судьей по существу.

Следует также допустить возможность предоставления судье самостоятельно исправлять ошибки в поступившей жалобе, которые носят технический характер (например, неправильное

указание части статьи уголовного закона, ошибка в названии органа, чьи действия (бездействия) или решения обжалуются и т.п.) и не влияют на существо предъявляемых в жалобе требований. Это позволит избежать осуществления судом действий, связанных с вынесением решения о возвращении жалобы для устранения выявленных ошибок, а заявителем – повторной подачи жалобы. Соответственно ускорит процесс разрешения жалобы.

Исследование вопроса понятия и структуры жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ как части проблемы формы реализации принципа обжалования процессуальных действий (бездействий) и решений является значимым для последующего эффективного рассмотрения жалобы в судебном разбирательстве. Четко определенная структура и соответствующее ей содержание жалобы обеспечит, на наш взгляд, успех результату, выраженному в судебном решении.

¹ Белобородов С. В. Категория «жалоба» в контексте сути и содержания уголовно-процессуального принципа широкой свободы обжалования // Адвокатская практика. 2007. № 2. С. 32–33.

² Разрешение ходатайств и жалоб, заявленных заинтересованными лицами на стадии предварительного расследования ввиду неполноты проведенного доказывания / Алиев Т. Т. [и др.] // Следователь. 2003. № 7. С. 30; Григорьева Н. В. Обжалование как форма правовой защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 5–6; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьева. М., 2010. С. 413; Уголовный процесс : учеб. для вузов / под ред. В. И. Радченко. М., 2006. С. 224–225; Юридическая конфликтология / под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1995. С. 278.

³ Артамонов А. Н. Обжалование действий и решений органов расследования в досудебных стадиях российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 13–14, 21–22; Морозов П. С. Реализация конституционного права судебного обжалования в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 15–16.

⁴ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М., 1997. С. 436, 809.

⁵ См.: *Белобородов С. В.* Категория «жалоба» в контексте сути и содержания уголовно-процессуального принципа широкой свободы обжалования // *Адвокатская практика*. 2007. № 2. С. 34.

⁶ См.: *Антонов И., Васильева Г.* Обжалование в суд процессуальных действий и решений как гарантия защиты личности в сфере уголовного судопроизводства // *Юридический мир*. 2005. № 10. С. 50.

⁷ См.: *Артамонов А. Н.* Указ. соч. С. 46 ; *Григорьева Н. В.* Указ. соч. С. 112.

⁸ Архив Октябрьского районного суда г. Белгорода 2010 г.

⁹ См.: *Арабули Д. Т.* Требования, предъявляемые к жалобе защитника в уголовном судопроизводстве // *Адвокатская практика*. 2008. № 5. С. 22 ; *Григорьева Н. В.* Указ. соч. С. 112 ; *Константинов П., Стуканов А.* Рассмотрение жалоб на действия (бездействие) дознавателя, следователя и прокурора // *Законность*. 2005. № 6. С. 17–18 ; *Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации*. М., 2010. С. 408, 413–414 ; *Практическое пособие по применению уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общ. ред. А. И. Карпова*. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Воронежский экономико-правовой институт

Цурлуй О. Ю., кандидат юридических наук,
доцент кафедры юриспруденции

E-mail: kijalis@yandex.ru

Voronezh Economics and Law Institute

Tsurluy O. Yu., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Law Disciplines
Department

E-mail: kijalis@yandex.ru

УДК 340.6

А. М. Багмет

Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ ПОДОЗРЕВАЕМЫМ В СЕКСУАЛЬНОМ НАСИЛИИ

А н н о т а ц и я: в статье рассматриваются особенности назначения экспертиз по уголовным делам о сексуальном насилии: судебно-медицинской, судебно-медицинской вещественных доказательств, судебно-генетической, судебно-ботанической, судебно-го исследования почвенных наслоений на объектах-носителях, судебно-психиатрической, судебно-психологической, комплексной психолого-психиатрической.

К л ю ч е в ы е с л о в а: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, сексуальное насилие, расследование, назначение экспертиз.

SOME ASPECTS OF EXPERTISES SUSPECTED SEXUAL VIOLENCE

A b s t r a c t: this article discusses the features of expertises on criminal cases of sexual violence: forensic, forensic evidence, forensic genetic, botanical, judicial studies of soil layers at the sites of media, forensic psychiatry, forensic psychological, complex psychological and psychiatric.

Key words: rape, violent acts of a sexual nature, sexual violence, investigation, appointment of examinations.

Поступила в редакцию 13 октября 2016 г.

Одним из основных следственных действий, как при проверке сообщения о сексуальном насилии, так и в рамках возбужденного уголовного дела, является назначение экспертизы. Однако следственная практика показывает, что до настоящего времени следователи сталкиваются с определенными трудностями при выборе специальных исследований, ограничиваясь традиционными экспертизами, причем используя сложившийся на практике перечень вопросов, что приводит к неполноте исследований. Как

следствие, в лучшем случае, – назначение повторных или дополнительных экспертиз, а в худшем – не привлечение виновного к ответственности.

Причем следователями делается упор на назначение экспертиз в отношении потерпевшего лица. Однако производство специальных исследований в немалой степени необходимы и в отношении подозреваемого.

Судебно-медицинская экспертиза.

Уголовно-процессуальным законодательством на лицо, осуществляющее проверку сообщения о преступлении и расследующее общественно опасное дея-

ние, возложена обязанность назначать и производить судебные экспертизы для установления характера и степени вреда, причиненного здоровью (п. 2 ст. 196 УПК РФ). То есть судебно-медицинская экспертиза в отношении подозреваемого обязательно назначается в следующих случаях:

1) при наличии информации об оказании ему физического сопротивления потерпевшим лицом;

2) для установления факта заражения венерическими болезнями и ВИЧ-инфекцией.

Однако по делам данной категории специальное исследование необходимо проводить для определения у подозреваемого:

1) признаков, характеризующих совершение им:

- насильственного полового акта;
- мужеложства;

2) способности к половому сношению и оплодотворению.

Причем экспертизу подозреваемого рекомендуется производить тем же экспертом, который проводил медицинское исследование потерпевшего лица.

Существует практика назначения специализированных исследований. Например, в случае утверждения подозреваемого о своей импотенции, т.е. физической невозможности полового сношения, назначается *судебная урологическая экспертиза*.

Так, в заключении такой экспертизы, проведенной в рамках уголовного дела, возбужденного по фактам изнасилования и насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетней С., указано: «... у Р. ... не обнаружено каких-либо нарушений строения половых органов, которые механически препятствовали бы введению полового члена в естественные отвер-

стия тела человека. Имеются данные о наличии у него способности к развитию напряженного полового члена. Таким образом, каких-либо медицинских причин, которые препятствовали бы Р. совершать половые акты, при проведении экспертизы не выявлено»¹.

Судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств назначается с целью исследования одежды подозреваемого, а также его подногтевого содержания, где зачастую остаются следы крови, спермы, слюны, эпителия, волос и различных волокон. Эти следы сохраняются на одежде и даже в подногтевом содержимом достаточно долго, и эксперты в ряде случаев имеют возможность установить их наличие даже в случае попытки уничтожения (замыва пятен крови, стирки, чистки вещей и т.п.).

В частности, в заключении судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств, проведенной в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении гр-на Г., обвиняемого в изнасиловании и насильственных действий сексуального характера в отношении не достигшей четырнадцатилетнего возраста своей падчерицы М., с использованием ее беспомощного состояния, указано: «...на представленном на исследование свитере (кофте) найдена сперма, при определении групповой принадлежности которой установлены антигены А и Н. Таким образом, происхождение спермы на кофте от подозреваемого Г. не исключается»².

Судебно-генетическая экспертиза (генотипоскопическая экспертиза). На сегодняшний день исследование ДНК³, выделенной из объектов биологического происхождения, является общепринятой и наиболее информативной и доказательной практикой при расследова-

нии преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы.

Так, в заключении молекулярно-генетической судебной экспертизы, проведенной в рамках уголовного дела, возбужденного по фактам изнасилования и насильственных действий сексуального характера в отношении гр-ки С., указано: «... на тампонах со смывом из области наружных половых органов, смывом с перианальной области, содержимом прямой кишки С., трусах и джинсах, принадлежащих потерпевшей С., получен положительный результат на присутствие следов спермы. Генотипические признаки в препарате ДНК, выделенных из следов, содержащих сперму на джинсах и образцах буккального эпителия Р., одинаковы, что указывает на то, что сперма в исследованных следах на джинсах и данный образец буккального эпителия могли произойти от одного и того же мужчины. Расчетная (условная) вероятность того, что сперма в исследованных джинсах принадлежит Р. по результатам настоящей экспертизы составляет не менее 99,9 процентов»⁴.

В заключении молекулярно-генетической судебной экспертизы, проведенной в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении гр-на К., обвиняемого в серии изнасилований и насильственных действиях сексуального характера, указано: «... препараты ДНК, выделенные из следов спермы на тампоне с содержимым влагалища О., являются смесью индивидуальных ДНК мужской и женской половой принадлежности. Индивидуализирующие характеристики одного из ДНК-компонентов препаратов обнаруживают совпадение по взаимодополняющей схеме с ДНК-профилем О., и с ДНК-профилем К. Таким образом, полученные результаты позволяют высказаться в пользу смешения в исследован-

ных следах, содержащих сперму, биологического материала О. и К. ПДАФ-профиль препарата ДНК, выделенного из следов спермы на предметном стекле с содержимым влагалища, обнаруживает генотипическое совпадение с ДНК-профилем К. Расчетная вероятность того, что сперма в исследованных объектах действительно принадлежит К., составляет не менее 99,999999 %»⁵.

Следует отметить, что в настоящее время только генотипоскопическая экспертиза позволяет раскрывать преступления прошлых лет, в том числе убийства на сексуальной почве.

Например, в начале 2000-х гг. было приостановлено производство по уголовному делу в отношении так называемого «Ангарского маньяка», совершившего с 1994 по 2000 г. в г. Ангарске Иркутской области серию изнасилований девушек и их убийство (22 жертвы в возрасте от 17 до 38 лет и 2 покушения на убийство), на основании не установления личности преступника.

В марте 2012 г. Следственным комитетом России уголовное дело было возобновлено на основании того, что результаты генетической экспертизы останков жертв, проведенной еще в 2003 г. совпали с генотипом гр-на М. В. Попкова, который начал насиловать и убивать еще будучи сотрудником органов внутренних дел, а прекратил сексуальные преступления из-за импотенции, полученной вследствие запущенного венерического заболевания.

Материалы данного уголовного дела составили 195 томов. По делу было проведено более 300 судебно-медицинских, криминалистических экспертиз, свыше 2,5 тыс. геномных исследований, допрошено свыше 2 тыс. свидетелей. В октябре 2013 г. Попкову было предъявлено обвинение, а в мае 2014 г. дело направили в

суд. В январе 2015 г. Иркутский областной суд приговорил Попкова к пожизненному заключению в колонии особого режима⁶.

Так как сексуальное насилие во многих случаях проходит вне помещений – в окружении растительности (лесопосадки, заросли кустарника и т.п.), из биологических назначается *судебно-ботаническая* экспертиза.

Основная цель ботанической экспертизы – установление природы растительных объектов, их родовой, групповой (таксономической) принадлежности, источника происхождения⁷.

Объектами ботанической экспертизы являются растения или их части, относящиеся к рассматриваемому событию и несущие информацию о фактах, имеющих доказательственное значение по уголовному делу.

Основная цель *судебно-экспертного исследования почвенных наслоений на объектах-носителях* – установление конкретного земельного участка как элемента вещной обстановки места происшествия. Судебная экспертиза почвенных наслоений на объекте-носителе производится в целях установления фактических обстоятельств, свидетельствующих о пребывании человека или нахождении предмета на конкретном земельном участке⁸.

Объектами данной экспертизы являются почвенные наслоения на предметах-носителях, предметы с загрязнениями, похожими на почву (одежда, обувь, транспортные средства, орудия и инструменты и пр.).

К этим фактическим обстоятельствам относятся:

- наличие на объектах-носителях почвенных наслоений;
- принадлежность почвенных наслоений конкретному земельному участку (месту происшествия);

– механизм образования почвенных наслоений на объекте-носителе;

– наличие факта контактного взаимодействия объектов с почвенным покровом участка местности либо загрязненных почвенными наслоениями объектов друг с другом.

Так, в заключении почвоведческой экспертизы, проведенной в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении гр-на Н., обвиняемого в изнасиловании не достигшей четырнадцатилетнего возраста З., с использованием ее беспомощного состояния, на пустыре на краю города, указано: «...на джинсах Н. обнаружено крайне незначительное количество вещества почвенного происхождения, которое невозможно изъять с поверхности в виду плотной внедренности его в материал изделия. Наслоения, обнаруженные на сапогах Н. и образец, изъятый в ходе осмотра места происшествия..., являются почвой. Наслоения почвы с сапог Н. имеют общую родовую и групповую принадлежность с образцом почвы, изъятым с места происшествия... В образце почвы с места происшествия и в наслоениях почвы на сапогах Н. обнаружены одинаковые твердые примеси: частицы черного цвета (уголь), частицы белого и голубого цветов (полимерный материал), частицы бесцветные и прозрачные (стекло), частицы черного цвета полупрозрачные (шлак) и частицы мягкие (растения)».

В соответствии с п. 3.1 ст. 196 УПК РФ назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить психическое состояние подозреваемого в совершении в возрасте старше 18 лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него рас-

стройства сексуального предпочтения (педофилии).

Судебно-психиатрическая экспертиза позволяет определить у подозреваемого наличие и характер психического заболевания.

Одной из основных задач, решаемых судебно-психиатрической экспертизой по уголовным делам данной категории, является определение психического состояния подозреваемого и решение вопроса о его способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими во время совершения общественно опасного деяния и ко времени производства по делу, а также заключение о необходимости применения мер медицинского характера⁹.

Основания назначения специального исследования¹⁰:

1) лицо стоит (стояло) на учете в психоневрологическом диспансере; лицо госпитализировалось в психиатрический стационар; в отношении лица ранее проводилась психиатрическая экспертиза;

2) лицо (родственники) ссылаются на травмы головного мозга, заболевания и обследования в прошлом, странности в поведении и т.п. (бред, галлюцинации, припадки), хотя объективно это не подтверждается медицинской документацией;

3) поведение лица в момент деяния или в период расследования позволяет предположить наличие у него психического расстройства (необычность способа или немотивированная жестокость, нелепые и противоречивые показания, мимические расстройства и т.д.).

Судебно-психологическая экспертиза направлена на исследование непатологических явлений психики и поэтому проводится преимущественно в отношении психически здоровых людей. Назначение данной экспертизы по уголовно-

му делу целесообразно в случаях, когда психическое здоровье направляемых на экспертизу лиц не вызывает сомнения у представителей следственных органов или подтверждено заключением судебно-психиатрической экспертизы. Поэтому судебно-психологическая экспертиза не должна предшествовать судебно-психиатрической или проводиться параллельно с ней в рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

К основным задачам судебно-психологической экспертизы по уголовным делам данной категории относятся:

1) установление способности отстающих в психическом развитии несовершеннолетних подозреваемых полностью сознавать значение своих действий и определение степени способности руководить своими действиями;

2) установление наличия или отсутствия у подозреваемых в момент совершения противоправных действий состояния физиологического аффекта или иных эмоциональных состояний, способных существенно повлиять на его сознание и деятельность;

3) установление у испытуемого лица индивидуально-психологических особенностей, которые могли способствовать совершению конкретных противоправных деяний¹¹.

Цель *комплексной психолого-психиатрической экспертизы (психолого-сексолого-психиатрической)* состоит в более дифференцированной, чем при проведении судебно-психиатрической экспертизы, оценке индивидуальной возможности подэкспертного полностью сознавать значение своих действий и определении, в какой мере он мог ими руководить.

Так, в заключении комплексной психолого-психиатрической экспертизы, проведенной в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении гр-на Т.,

обвиняемого в изнасиловании не достигшей четырнадцатилетнего возраста А., с использованием ее беспомощного состояния, указано: «...Т. 1989 года рождения каким-либо хроническим психическим расстройством, временным психическим расстройством, слабоумием не страдает и не страдал, а обнаруживает органическое расстройство личности и поведения. Об этом свидетельствуют данные анамнеза и материалы уголовного дела, медицинские документы: об изменениях поведения с детского возраста, проявляющихся в повышенной неусидчивости, раздражительности, снижении способности к целенаправленной деятельности, эмоциональной лабильности, стремлении удовлетворять свои потребности без учета последствий своих действий и социальных ограничений. В период времени, относящийся к моменту инкриминируемого ему деяния, Т. признаков какого-либо временного психического расстройства не обнаруживал, действия его носили целенаправленный и заверченный характер, Т. полностью ориентировался в обстановке. Не испытывал бредовых и галлюцинаторных переживаний, признаков нарушенного сознания не выявлял, сохранил воспоминания о содеянном. Указанные рас-

стройства психики не сопровождаются грубыми нарушениями памяти, внимания, мышления, интеллекта, критических способностей, поэтому Т. может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, как в момент совершения инкриминируемого ему деяния, так и в настоящее время. По своему психическому состоянию он способен принимать участие в дальнейших судебно-следственных действиях. В принудительных мерах медицинского характера не нуждается».

Таким образом, профессиональный выбор и производство необходимых специальных исследований в отношении фигурантов уголовного дела, в частности подозреваемого, несомненно, будет способствовать не только эффективности расследования преступлений, связанных с сексуальным насилием, и неотвратимости наказания насильника, но и предупреждению данных преступлений, т.е. защите граждан, а особенно несовершеннолетних от сексуальных посягательств в будущем. Кроме того, экспертные исследования помогают проверить достоверность показаний потерпевшего лица, разоблачить инсценировку изнасилования и/или иных насильственных действий сексуального характера.

¹ Обвинительное заключение по обвинению Р. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 131, п. «а» ч. 2 ст. 132, п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ // Архив ГСУ СК России по г. Москве.

² Обвинительное заключение по обвинению Г. в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ, ч. 2 ст. 135 УК РФ, ч. 1 ст. 135 УК РФ // Архив СУ СК России по Краснодарскому краю.

³ Дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК) – макромолекула, обеспечивающая хранение, передачу из поколения в поколение и реализацию генетической программы развития и функционирования живых организмов.

⁴ Обвинительное заключение по обвинению Р. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 131, п. «а» ч. 2 ст. 132, п. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ // Архив ГСУ СК России по г. Москве.

⁵ Приговор от 30.06.2011 в отношении К. // Архив Нагатинского районного суда г. Москвы.

⁶ В Сибири утверждено обвинительное заключение по уголовному делу о серийных убийствах женщин в Иркутской области. URL: <https://www.irkproc.ru/news>

⁷ См.: *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2005. С. 435.

⁸ См.: Там же. С. 445.

⁹ См.: Там же. С. 430.

¹⁰ См.: *Приказчиков В. П., Резван А. П., Косарев В. Н.* Подготовка и назначение экспертов : учеб.-метод. пособие. Волгоград, 1999. С. 75.

¹¹ См.: *Россинская Е. Р.* Указ. соч. С. 431–433.

*Московская Академия Следственного
комитета Российской Федерации*

Багмет А. М., кандидат юридических наук,
доцент, и.о. ректора

E-mail: akskrf@yandex.ru

Tel.: 8-968-719-77-77

*Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation*

Bagmet A. M., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Acting Rector

E-mail: akskrf@yandex.ru

Tel.: 8-968-719-77-77

М. О. Баев

Воронежский государственный университет

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ АДВОКАТА В СУДЕБНЫХ ПРЕНИЯХ

Аннотация: с позиции адвокатской тактики в статье рассматриваются вопросы участия адвоката в судебных прениях. Обосновываются аспекты построения судебной речи защитника.

Ключевые слова: защитник, судебные прения, судебная речь.

TACTICAL FEATURES OF A DEFENSE LAWYER'S PART IN PLEADINGS

Abstract: the article is devoted to tactics of lawyer participation in pleadings. Author also justifies construction of forensic defender speech.

Key words: defense lawyer, pleadings, defender speech.

Поступила в редакцию 3 ноября 2016 г.

Судебные прения, являясь заключительным этапом судебного разбирательства, подводят черту под исследованием доказательств, представленных суду соотязующимися сторонами.

Вместе с тем достаточно редко удается добиться субъективно либо объективно выгодного исхода дела в результате исключительно удачного, яркого и грамотного выступления в судебных прениях. Достижение указанной цели – результат совокупной защитной деятельности и в стадии предварительного следствия, и на всех судебных стадиях, но ухудшить положение защиты, создать дополнительные преграды в результате непродуманной, безликой, а тем паче безграмотной речи адвоката – более чем возможно. «Прения – один из важнейших элементов судебного процесса. На данном этапе подытоживается вся на-

пряженная, кропотливая работа, проведенная на предыдущих стадиях. И если до этого вы хорошо возделали поле, вовремя бросили семена в почву, то можете надеяться, что зерна прорастут и дадут неплохой урожай»¹.

По словам А. Ф. Кони, прения «должны представлять собой оценку и критический разбор доказательств (и улики) в их логической силе и житейской связи»². Фактически это определенный фактор психологического воздействия на суд и иных участников процесса. Объективно же – последняя возможность донести свою позицию, обосновать законность, обоснованность и целесообразность принятия указанного стороной защиты решения. Причем и в практических, и в тактических целях защитник должен учитывать, что, согласно психологическим исследованиям, лишь 7 % информации выступления передается непосредственно словами, до 38 % –

© Баев М. О., 2017

интонацией, а до 55 % – жестами, позой, телодвижениями³.

Проблемы и приемы риторики и ораторского искусства адвоката выходят за рамки темы данной статьи, а потому мы сразу перейдем к рассмотрению рациональных, на наш взгляд, тактических рекомендаций по содержанию защитной речи в судебных прениях.

Прежде всего, необходимо напомнить несколько предписаний Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ст. 292), касающихся участия защитника в судебных прениях и во многом ее структурирующих:

1) защитник во всех случаях выступает в судебных прениях после речей участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (потерпевшего, его представителя, государственного обвинителя, гражданского истца и (или) его представителя);

2) как и другие участники прений, защитник не вправе ссылаться на доказательства, которые не исследовались в судебном заседании или признаны судом недопустимыми;

3) продолжительность речи защитника не ограничена, но в то же время председательствующий вправе его останавливать, если он касается обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу, а также доказательств, признанных недопустимыми;

4) после произнесения речей всеми участниками прений сторон каждая из них может еще раз выступить с репликой; право последней реплики принадлежит подсудимому и его защитнику;

5) после окончания прений сторон, но до удаления суда в совещательную комнату, защитник вправе представить суду в письменном виде предлагаемые им формулировки решений по вопросам, указанным в п. 1–6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ:

а) доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый;

б) доказано ли, что деяние совершил подсудимый;

в) является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей Уголовного кодекса Российской Федерации оно предусмотрено;

г) виновен ли подсудимый в совершении этого преступления;

д) подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление;

е) имеются ли обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание; (которые, разумеется, для суда обязательной силы не имеют).

Помимо этого, к структурирующим защитную речь положениям, безусловно, имеющим тактическое значение, необходимо отнести:

– отказ от участия в судебных прениях без наличия однозначно выраженного волеизъявления подзащитного должен рассматриваться как форма (причем одна из грубейших) отказа от защиты (ч. 7 ст. 49 УПК, п. 6 ч. 4 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»);

– занятие позиции вопреки воле доверителя, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самоговора (п. 3 ч. 4 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»)⁴.

Последняя законодательная формулировка представляется не вполне удачной и подлежащей корректировке. Это наглядно продемонстрировал следующий случай из судебной практики.

Адвокат К. осуществлял защиту гражданина Л., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 Уголовно кодекса Российской Федерации. Ни в ходе предварительного следствия, ни в суде подсудимый себя виновным не признавал, занимал активную

защитную позицию, несмотря на то, что система доказательств обвинения выглядела вполне весомо, что и позволило государственному обвинителю выразить мнение о согласии с предложенной автором обвинительного заключения квалификацией и о достаточно суровой мере наказания. Но каково же было удивление суда и других участников процесса, когда защитник в своем лаконичном выступлении, выслушав прокурора, вынужден был признать его правоту и согласиться с его позицией, т.е. вопреки позиции подзащитного признал его виновным! Причем прозвучало это из уст достаточно опытного и квалифицированного адвоката.

Объективно суд был поставлен в безвыходную ситуацию: налицо нарушение права на защиту, в связи с чем любой постановленный судом приговор при наличии соответствующей кассационной жалобы (а в том, что она последует, сомнений не возникало) подлежал бы безусловной отмене.

По сообщению судьи, данный случай стал предметом рассмотрения Квалификационной комиссии при адвокатской палате. Свою позицию об отсутствии в его действиях нарушений адвокат мотивировал тем, что свои действия он согласовал с подзащитным. Наличие волеизъявления подсудимого на то, чтобы его защитник занял противоположную его собственной позицию, было подтверждено собственноручным заявлением последнего. Цель была объяснена просто: понимая, что доказательства обвинения убедительны, и считая, что в силу субъективных причин данным составом суда подзащитный будет осужден к крайне суровой мере наказания, адвокат полагал, что после отмены приговора уголовное дело будет рассматриваться иным судьей, и это позволит достичь определенных субъективно-значимых целей.

Квалификационной комиссией не без труда (примечательно, что более лояльную позицию заняли члены Квалификационной комиссии, не являющиеся адвокатами) действия адвоката К. были признаны формой отказа от защиты, т.е. был установлен факт дисциплинарного проступка, в связи с чем Советом адвокатской палаты он был привлечен к ответственности.

По нашему мнению, с учетом критериев допустимости тактических средств защиты, действия адвоката объективно были и незаконны, и не этичны.

Подобных проблем не возникло бы, если бы Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» закрепил данное положение в следующей редакции: «Адвокат не вправе занимать *позицию, противоречащую позиции доверителя*, за исключением случаев, когда адвокат убежден в наличии самоговора». Дополнение аналогичным положением ст. 53 УПК также было бы оправданным и целесообразным.

В силу ограниченности объема научной статьи акцентируем внимание лишь на нескольких принципиальных аспектах, имеющих безусловное тактическое значение для построения защитной речи адвоката в судебных прениях.

Оптимальный алгоритм речи защитника в судебных прениях следующий:

- позиция по делу;
- анализ и оценка доказательств;
- данные, характеризующие личность подсудимого;
- анализ причин, способствовавших совершению преступления;
- вопросы, связанные с применением наказания или освобождением от него;
- вопросы, связанные с разрешением гражданского иска;
- заключение⁵.

Безусловное тактическое значение, как отмечалось выше, помимо содержательной структуры защитной речи, имеет ее артикуляционная, грамматическая и постановочная структура. Фундаментальное и обязательное правило, замечательно сформулировал еще П. Сергич: «Не так говорите, чтобы мог понять, а так, чтобы не мог не понять вас судья»⁶.

Что же касается общих положений тактики защитной речи в судебных прениях, то нам представляется, что она должна начинаться с изложения основных положений фабулы возбужденного против подсудимого прокурором государственного обвинения с указанием предлагаемой при этом уголовно-правовой квалификации его действий. Целесообразность такого подхода обусловлена тем, что именно данное государственное обвинение явилось предметом судебного разбирательства дела, рассмотрение которого и завершается судебными прениями.

Далее необходимо обратить внимание суда на изменения обвинения, предложенные в речи государственного обвинителя (разумеется, если таковые имели место; напомним, что отказ государственного обвинителя от обвинения полностью или в части для суда обязателен).

Затем адвокат должен высказать свою позицию по гносеологически и юридически основному вопросу завершающегося судебного разбирательства, иными словами, подтверждено ли выдвинутое против подсудимого государственное обвинение материалами судебного следствия, в том числе и относительно уголовно-правовой квалификации его действий. Данный анализ должен быть представлен в свете вышеуказанных структурирующих положений, а также общеправовых принципов:

– все сомнения и неустранимые противоречия (а по нашему мнению, и не устраненные в ходе судебного следствия противоречия) должны толковаться в пользу подсудимого;

– обвинительные выводы не должны строиться на предположениях и сведениях, полученных из неизвестных либо недопустимых источников (от недееспособных лиц, в условиях нарушения тайны исповеди, адвокатской тайны, других защищаемых законом тайн и т.п.);

– формирование обвинительных выводов должно основываться исключительно на системе допустимых, относимых, достоверных и в совокупности достаточных доказательств;

– отсутствие доказательств вины – есть безусловное доказательство отсутствия этой вины.

Очевидно, что обоснование своей позиции по данному вопросу требует от защитника глубокого анализа всех исследованных в суде доказательств как с точки зрения допустимости и весомости для обвинения каждого из них, так и достаточности их совокупности для соответствующего вывода.

В монографической и методической литературе высказываются различные мнения относительно объема необходимых для анализа в судебной речи доказательств: от предложения анализа лишь основных защитных доказательств к анализу всех защитных доказательств либо всех защитных доказательств и тех доказательств обвинения, на которых из тактических соображений считает необходимым остановиться защитник (исключая те, что наиболее легко опровергнуть либо поставить под сомнение) до предложения о необходимости анализа всей доказательственной базы по уголовному делу.

Безусловно, в каждом конкретном случае к решению данного вопроса необходимо подходить индивидуально в зависимости от специфики уголовного дела, позиции государственного обвинителя, стратегических и тактических защитных целей. Однако по большинству уголовных дел нам представляется наиболее приемлемой последняя из обозначенных позиций. Игнорирование тех или иных доказательств, на которых обвинение базирует свое мнение, объективно презюмирует не только их наличие, но и неоспоримость. Неиспользование же при анализе «защитных» доказательств, по нашему мнению, объективно не что иное, как неисполнение своих профессиональных, гражданских и общечеловеческих обязанностей перед подзащитным.

Особое внимание при анализе исследованных в суде доказательств следует уделить позиции по делу подсудимого, которая, как показано выше, объективно структурирует всю тактику профессиональной защиты. Однако при этом, думается, целесообразно придерживаться следующих рекомендаций. Если подсудимый виновным себя признает полностью, то его показания нужно исследовать в числе других показаний, акцентируя особое внимание на том, что этот факт свидетельствует о чистосердечном его раскаянии и должен быть учтен при решении вопроса о мере наказания. Более того, возможно, следует в первую очередь показать суду, что именно такая позиция подзащитного в сущности и позволила (либо значительно облегчила) органам следствия раскрыть совершенное им преступление (зачастую, как показывает практика, такое утверждение адвоката весьма близко к истине).

Однако, если показания в суде препетели существенные, с позиции защи-

ты, изменения, от адвоката требуется их глубокий критический анализ, как минимум в двух направлениях:

1) исследование того, в чем эти показания противоречат системе других оправдывающих или смягчающих вину подсудимого доказательств;

2) изучение диалектики показаний этого лица на протяжении всего осуществляемого уголовного преследования полученных, разумеется, в допустимом процессуальном режиме.

При этом опять же нужно обратить внимание суда на то, «вписывались» ли те или иные показания, от которых подсудимый в суде отказался (или существенно их изменил), в ситуацию исследуемого криминального события, в объективно установленные по делу факты и обстоятельства (например, в данные осмотра места происшествия, заключения тех или иных экспертиз и т.п.). Данная часть речи защитника должна содержать серьезный анализ и всех других доказательств, представленных в суде стороной обвинения, в том числе и «упреждающую» критическую оценку доводов и выводов, которые, возможно, прозвучат в заключительных репликах ее представителей (потерпевшего, государственного обвинителя).

К примеру, если позиция стороны обвинения основана на якобы сомнительном характере имеющегося у подсудимого алиби (в частности, подтверждаемого лишь близкими ему лицами), то адвокату необходимо показать, чем именно, какими доказательствами это алиби подтверждается, либо в связи с какими причинами он предлагает суду согласиться с показаниями лиц, его подтверждающих. Такой упреждающий тактический ход позволит защитнику затем либо отказаться от своего права на использование реплики, либо сокра-

тить ее содержание до краткого тезисно-го изложения своих ранее сформулированных доводов.

В то же время из тактических соображений необходимо в обязательном порядке отреагировать на реплики представителей стороны обвинения по той причине, что отказ от подобной возможности в значительной мере презюмирует истинность мнения, высказанного процессуальным оппонентом. Более того, из тех же соображений крайне нецелесообразно упускать законодательно предусмотренную возможность оставить последнее слово (во внепроцессуальном смысле) за собой – профессиональным участником процесса со стороны защиты.

И, конечно же, на завершающем этапе своей речи в судебных прениях адвокату следует очень взвешенно и обоснованно подходить к главному для подсудимого, его родственников и других заинтересованных в судьбе последнего лиц вопросу – формулированию своих выводов о доказанности обвинения его подзащитного, а в случаях очевидности такового (если, разумеется, подзащитный свою вину признает) – своего мнения о предложенном государственным обвинителем наказании (не только основном, но и дополнительном, если оно предусмотрено уголовным законом), а также собственного суждения о том, чего заслуживает подсудимый с учетом характера содеянного, оценки его личности и наличия смягчающих вину обстоятельств.

Сказанное относится и к обоснованию защитником своего мнения о предложениях прокурора по вопросам удовлетворения требований потерпевших и гражданских истцов по возмещению им причиненного преступлением материального ущерба и компенсации мо-

рального вреда, мнением по которым, на наш взгляд, и должно завершать выступление защитника. Обычно именно эта часть речи защитника вызывает наиболее эмоциональную реакцию не только подсудимых, но и всех присутствующих в зале суда и потому требует от него обоснования всех своих доводов и предложений глубоким анализом всех смягчающих ответственность подсудимого обстоятельств. «...Дело защитника – разъяснить, конечно, в пределах разбираемого дела, социальную сторону преступления. Дабы выяснить пределы личной виновности подзащитного, той виновности, против которой как проявления личной воли борется уголовная юстиция. Каждое самое заурядное уголовное дело отражает в себе целый социальный строй жизни со всеми его роковыми обречениями, и показать эту картину, в рамках судимого уголовного случая, есть задача и обязанность уголовной защиты, понимаемой, конечно, шире, чем в будничной профессиональной практике»⁷.

В заключение считаем необходимым привести принципы адвокатской деятельности, сформулированные еще Цицероном, так как именно в кульминационный момент, которым является выступление в судебных прениях, проявляется их совокупная сущность:

1. Понимать, что доходит до разума людей и трогает их сердца.
2. Понимать мотивы поступков, чтобы постичь глубины человеческого поведения.
3. Переходить от частных дел к его универсальным истинам.
4. Вовлекать аудиторию в фабулу дела.
5. Выявлять нелогичность оппонента.
6. Выражать свои чувства и логику доступным для аудитории языком⁸.

¹ Львова Е. Ю. Защита по уголовному делу. М., 2002. С. 110.

² Кони А. Ф. Собр. соч. : в 8 т. М., 1967. Т. 4. С. 366. Он же далее писал: «...В речи необходимо доказывать и убеждать. А подобные качества возможны только при умелом сочетании логического и процессуального, эмоционального и правового воздействия».

³ См.: Рзаев Т. Лицо лжи // Русский адвокат. 1999. № 1. С. 45.

⁴ Примечательно, что действующий УПК РФ аналогичного требования не содержит.

⁵ См.: Защита по уголовному делу : пособие для адвокатов / под ред. Е. Ю. Львовай. М., 2006. С. 112.

⁶ Сергеев П. Искусство речи на суде. М., 1988. С. 14.

⁷ Владимиров Л. Е. Advokatus Miles : пособие для уголовной защиты. СПб., 1911.

⁸ Цит. по: Пищальникова В. А. Психолого-юридическое содержание судебного процесса и судебных речей в суде присяжных заседателей. Барнаул, 1998. С. 47.

Воронежский государственный университет

Баев М. О., доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
криминалистики

E-mail: baev_co@mail.ru

Voronezh State University

Baev M. O., Doctor of Legal Sciences,
Professor, Head of the Criminalistics
Department

E-mail: baev_co@mail.ru

С. Н. Боков

Воронежский государственный университет

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ОСОБЕННОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ

А н н о т а ц и я: в статье с позиций современных достижений психологии проанализированы основные положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в отношении несовершеннолетних. Более подробно рассмотрены проблемы, связанные с особенностями проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего, а также положения статьи 421 УПК РФ («Обстоятельства, подлежащие установлению»).

К л ю ч е в ы е с л о в а: психология, право, юридическая психология, уголовный процесс, криминалистика, несовершеннолетние.

A STUDY OF THE PROVISIONS OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ABOUT FEATURES OF THE JUVENILE JUSTICE PROCESS FROM THE POINT OF VIEW OF PSYCHOLOGY

Abstract: the article from the standpoint of modern achievements of psychology analyzes the main provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in relation to minors. In more detail the problems associated with the peculiarities of interrogation, confrontation, identification and verification of testimony involving minors and the provisions of article 421 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation ("the Circumstances to be established").

Key words: psychology, law, legal psychology, criminal procedure, forensic science, minors.

Поступила в редакцию 30 сентября 2016 г.

Почти сто лет назад известный в то время отечественный ученый И. С. Баршев писал о том, что, «если судья не знает психологии, то это будет суд не над живыми существами, а над трупами»¹.

Эти слова полностью сохраняют свою актуальность и в наше время; более того, в связи с тем что мы живем в период глубочайших изменений во всех сферах общественной жизни (некоторые ученые

в области общественных наук и политические деятели называют наше время временем цивилизационных сдвигов), в том числе психологии и права, значимость сокрытого в этих словах смысла лишь усиливается.

Право (как, впрочем, и психология) по современным научным представлениям относится к группе профессий «человек – человек»². Представители этого типа профессий для успешности вы-

полнения своей профессиональной деятельности должны обладать такими качествами, как потребность в общении, устойчивое хорошее настроение в процессе работы с людьми, развитый социальный интеллект (т.е. способность понимать намерения, помыслы, настроения людей, умение быстро разбираться во взаимоотношениях людей), находить общий язык с разными людьми, эмпатийность, наблюдательность, организаторские способности и т.п.

Разумеется, отсутствие или недостаточное развитие перечисленных качеств не является запретительным или ограничивающим для выполнения любых профессий, входящих в группу «человек – человек»; при их отсутствии резко возрастает только лишь вероятность профессиональной неуспешности. Таким образом, представители любых юридических профессий должны обладать как основным психологическим фактором своей профессиональной успешности хорошо развитыми способностями к общению, пониманию поведения людей и его прогнозированию.

Научные юридико-психологические исследования в нашей стране, несмотря на их давнюю историю и определенные традиции, до сих пор недостаточно известны юридической общественности. К сожалению, распространено немало представлений, не основанных на серьезных научно доказанных психологических фактах, не до конца осознана и значимость юридической психологии как одной из общенаучных основ правовых наук, а также роль психологии в системе юридического образования. Справедливости ради следует отметить, что в какой-то мере такая ситуация в нашей стране связана с недостаточной системностью и глубиной самих отечественных психологических исследований в обла-

сти права, главное – с тем, что отсутствуют широкие экспериментальные исследования (а основа психологии – это эксперимент) и недостаточно учитываются (вероятно, в силу неинформированности) достижения зарубежной науки.

Как следствие – существует определенная диссоциация между научными психологическими знаниями и нормами законодательства, базирование последних на неочевидных положениях, имеющих мало общего с реальностью. Однако в силу того что это – правовые нормы, которые следует исполнять, возникают серьезные ситуации деформации права и правового процесса.

Одной из последних работ в отечественной науке, посвященных системному исследованию ряда психологических аспектов уголовного законодательства, является монография О. Д. Ситковской³. Работ подобной фундаментальности, посвященных психологическим аспектам уголовного процесса, нет. Поэтому научное изучение различных аспектов уголовно-процессуального регулирования с точки зрения психологии имеет как чисто научное, так и сугубо прикладное значение.

Количество различных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в нашей стране неуклонно возрастает. Также растет и число преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних. По данным Следственного комитета Российской Федерации, за период 2012–2015 гг. признаны потерпевшими свыше 65 тысяч несовершеннолетних⁴. Одной из причин этого, по мнению Следственного комитета, является несовершенство отечественного законодательства.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации несовершеннолетних в той или иной степени касаются 16 статей: 105, 191, 280,

420–432. В настоящей работе проанализируем самые важные из них, которые имеют значительную психологическую составляющую.

В первую очередь, речь идет о ст. 191 УПК РФ, определяющей особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего.

В ч. 1 ст. 191. говорится о необходимости участия (или даже обязательности) участия *педагога или психолога* при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, *не достигшего возраста шестнадцати лет* либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии.

Возникает закономерный вопрос: почему речь применительно к так называемым «здоровым» участникам процесса идет о шестнадцати годах? Какими научными исследованиями это обосновано? Насколько известно, таких исследований ни в нашей стране, ни за рубежом не проводилось. А возраст несовершеннолетия распространяется до 18 лет, и его сущность заключается в потенциальной (совсем не обязательной в каждом случае) *возрастной неспособности* регулировать собственное осознанно-волевое поведение. Исходя из такой логики, следовало бы распространить положение об участии педагога и психолога в проведении данных следственных действий на весь возраст до 18 лет.

Не имеет четких научных доказательств и само положение о необходимости участия в названных следственных действиях, производимых с участием несовершеннолетнего, педагога или психолога.

Любое общение (именно общением являются следственные действия) тем

более эффективно, чем меньше в нем участников. Дополнительные «звенья» общения могут существенно искажать результат. Именно поэтому в психодиагностике для повышения «чистоты» результатов при проведении экспериментальных исследований не поощряется присутствие посторонних лиц, кроме самого испытуемого и того, кто проводит исследование. В случае их наличия испытуемый всегда будет отвлекаться на посторонних.

Непонятна роль психолога и особенно педагога в таких действиях. Можно предположить, что психолог (педагог) теоретически может повысить эффективность общения следователя и несовершеннолетнего в силу профессионального знания механизмов общения. Однако одновременно он выступает и как лишнее звено общения. К чему может сводиться его реальная роль? К трансляции вопросов следователя? Это излишне. К разъяснению несовершеннолетнему вопросов следователя? Но в таком случае это уже будут не вопросы следователя, а вопросы психолога (педагога), пропущенные через его смысловосприятие и исходя из него сформулированные. Наконец, теоретически возможна и консультативная помощь психолога (педагога) в случае возникновения эмоционально нагруженных ситуаций в ходе следственных действий (заплакал, замолчал, агрессивность и т.п.), но уже само возникновение таких ситуаций дезорганизует протекание всех психических процессов (особенно памяти) и в идеале предполагает перерыв в общении.

Следует четко различать профессии педагога и психолога. Можно образно сказать, что сходство между ними такое же, как между географией и геологией.

Психология, в самом общем понимании, – это комплексная наука о поведении, тогда как педагогика – наука об обу-

чении и воспитании. Наша отечественная система вузовской подготовки педагогов не включает в себя детальное изучение психологии, поэтому «обычный» педагог не обладает необходимыми для целей следствия психологическими познаниями (конечно, есть отдельные исключения в лице педагогов, самостоятельно занимающихся психологическим образованием, но это исключения, а не правило). Если же педагог не имеет необходимых психологических знаний, то зачем его участие в следственных действиях, они не предполагают ни обучения, ни воспитания.

В то же время профессия педагога достаточно широка: есть педагоги дошкольного образования, начального образования, дополнительного образования, есть социальные педагоги, педагоги-предметники (учителя русского языка и литературы, математики, физики, биологии, физической культуры, рисования и т.п.), наконец, педагоги высшей школы. Законодательство не конкретизирует, о каких педагогах идет речь, между тем профессиональные знания и навыки у представителей всех отдельных педагогических профессий весьма различны.

Самое главное, следует помнить, что следователь является представителем профессий типа «человек – человек» и для своей профессиональной *успешности* он сам должен обладать достаточными психологическими знаниями, в том числе и в области психологии общения. В связи с этим, возможно, более правильно говорить не об участии педагога или психолога в проведении следственных действий, а о своего рода специализации следователей (и судей тоже) в расследовании дел несовершеннолетних, в случае введения которой они получали бы в рамках повышения квалификации более глубокие познания в соответствующей

области. Аналог этому уже давно реализован в системе МВД – там всегда существовали отдельные подразделения по профилактике правонарушений несовершеннолетними, а также в уголовно-исполнительной системе в форме воспитательных колоний.

Также научно недоказанным является и положение уголовно-процессуального законодательства об обязательном участии педагога или психолога при проведении следственных действий с несовершеннолетними, достигшими шестнадцати лет, но страдающих психическим расстройством или отстающих в психическом развитии. Если кто-то и должен помимо следователя участвовать в допросе и т.п. таких лиц (с учетом написанного выше о лишенном звене в общении), то это врач-психиатр.

Психические расстройства и отставание в психическом развитии традиционно во всех странах мира относятся к компетенции психиатрии. Профессиональная подготовка педагогов любых профилей, за исключением специальной педагогики, не предусматривает изучение психиатрии.

Специальная педагогика является разделом педагогики, изучающим особенности обучения и воспитания у лиц с ограниченными возможностями здоровья, и подразделяется на сурдопедагогику (педагогику лиц с нарушениями слуха), тифлопедагогику (педагогику лиц с нарушениями зрения), логопедию (педагогика лиц с нарушениями речи при сохранном слухе; многие авторы не включают логопедию в состав специальной педагогики, а выделяют ее как самостоятельную междисциплинарную – медико-педагогическую – науку) и олигофренопедагогику (педагогику умственно отсталых лиц). Кроме того, в состав специальной педагогики включают так-

же изучение закономерностей обучения, воспитания и социальной адаптации лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата (преимущественно последствиями детских церебральных параличей). В компетенцию специальной педагогики, как видно, не входят педагогические аспекты каких-либо иных, за исключением умственной отсталости, психических расстройств. Поэтому, по сути, нет никаких оснований участия педагога при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, страдающего психическим расстройством. Педагог просто не обладает необходимыми для этого профессиональными знаниями.

Аналогична ситуация и в отношении участия психолога. Стандарты их профессиональной подготовки тоже не предусматривают изучения основ психиатрии, хотя в ряде вузов основы психиатрии включены в учебные планы, преимущественно в качестве составной части других дисциплин (например, клинической психологии, нейропсихологии, патопсихологии, специальной психологии). Поэтому участие психолога, как и педагога, при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, страдающего психическим расстройством, также не имеет обоснований.

Что же касается возможности участия врача-психиатра при проведении указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего/свидетеля, страдающего психическим расстройством, или отстающего в психическом развитии, то это может быть целесообразным: все поведенческие проявления у умственно отсталых (всегда) и у лиц, страдающих психиче-

скими расстройствами (в периоды обострений/декомпенсаций), модифицируются, «окрашиваются» имеющейся психической патологией, что может создавать трудности в оценке сообщаемой им информации (при учете возможности искажения процесса общения в результате увеличения участников общения). Такое участие врача-психиатра может быть оформлено как участие специалиста, но не как проведение психиатрической судебной экспертизы.

В той же ч. 1 ст. 191 УПК РФ говорится, что следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности – более одного часа, в возрасте от 7 до 14 лет – более одного часа, а в общей сложности – более двух часов, в возрасте старше 14 лет – более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день.

Эти положения УПК РФ также не имеют каких-либо серьезных научных обоснований. В качестве наглядной иллюстрации недостаточной обоснованности этих положений можно привести следующий яркий пример: возраст от 7 до 14 лет – это период начальной и средней школы, но даже в начальной школе уроки в общей сложности продолжаются более одного часа. Интеллектуальная и эмоциональная нагрузка на детей на уроках в школе вполне сопоставима с нагрузкой при проведении следственных действий, особенно учитывая то стабильно ведущее место, которое занимает школьное обучение в системе ценностей ребенка.

Что касается присутствия при производстве следственных действий законного представителя несовершеннолетних потерпевших или свидетелей, то деструктивное для процесса общения присутствие их как лишнего звена без како-

го-либо ущерба для сторон может быть нивелировано нахождением их за стеклом с односторонней проводимостью.

Часть 4 анализируемой статьи предписывает при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего обязательное участие психолога. Целесообразно поставить вопрос: для чего необходимо в данном случае участие психолога? Всё сказанное выше применительно к участию психолога в иных ситуациях сохраняет свое значение и для данной ситуации.

Психолог вряд ли поможет получить больше информации, чем это может сделать без его помощи следователь-профессионал.

Если предполагать, что в ходе проведения следственных действий в ходе актуализации в памяти определенных ситуаций у несовершеннолетнего возникнет состояние острого эмоционального стресса или обострится хронический эмоциональный стресс, то в таком случае более оптимальным будет прекращение допроса (и т.п.), проведение его в другое время, а не успокоение несовершеннолетнего и продолжение допроса (и т.п.).

Совершенно невозможна профессиональная помощь психолога в связи со спецификой преступлений (сексуальные преступления). Ни один из существующих стандартов подготовки психологов не предусматривает изучение сексологии (или сексологии как части психиатрии). Если ориентироваться именно на необходимость профессиональной помощи с

учетом сексуальной специфики преступлений, то в качестве участника-консультанта следственных действий может быть приглашен либо врач-психиатр, либо врач-сексолог (сексология в широком понимании является частью психиатрии).

К ст. 280 УПК РФ «Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля» полностью применимы изложенные выше комментарии к ст. 191 УПК РФ.

Часть 3 ст. 421 УПК РФ («Обстоятельства, подлежащие установлению») указывает в качестве одного из обстоятельств влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. Однако именно детский и подростковый возраст – это те возрастные периоды, когда люди в значительной степени подвержены и влиянию сверстников. В науке у подростков описаны психологически свойственные только этому возрасту реакции группирования со сверстниками⁵. Д. Б. Эльконин писал о том, что для подросткового возраста характерен приоритет детского сообщества над взрослым⁶. Поэтому с научной точки зрения более обоснованной будет следующая формулировка ч. 3 ст. 421 УПК РФ: влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц и сверстников.

Статья 425 УПК РФ регламентирует допрос несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого. Все написанное ранее применительно к ст. 191 УПК в полной мере применимо и к положениям ст. 425.

Совершенствование законодательства, которое, следует подчеркнуть, реализуется в обществе – социальном сообществе людей, невозможно без учета достижений смежных наук, и прежде всего психологических. Несоответствие между правовыми нормами и объективными законами поведения человека рано или поздно, но неизбежно, приведет к неэффективности правовой нормы.

Уточнение и корректировка отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в отношении несовершеннолетних, особенно в ситуации значительного роста

как преступлений, совершаемых несовершеннолетними, так и преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, безусловно, является одной из актуальных задач права.

¹ Цит. по: Косолапова Н. В., Иванова А. И. Юридическая психология : конспект лекций. М., 2010. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/32884/ogl.shtml> (дата обращения: 25.10.2016).

² Климов Е. А. Развивающийся человек в мире профессий. Обнинск, 1993. 57 с.

³ Ситковская О. Д. Уголовный кодекс Российской Федерации : психологический комментарий. М., 2009. 192 с.

⁴ URL: <http://sledcom.ru/press/smi/item/1070132> (дата обращения: 30.09.2016).

⁵ Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л., 1977.

⁶ URL: http://uchebnikionline.com/psihologia/vikova_psihologiya_-_sergeyenkova_or/spilkuvannya_pidlitkiv_rovesnikami.htm (дата обращения: 30.09.2016).

Воронежский государственный университет

Бокров С. Н., кандидат медицинских наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: bokov@law.vsu.ru

Тел.: 220-85-14

Voronezh State University

Bokov S. N., Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: bokov@law.vsu.ru

Tel.: 220-85-14

В. В. Бычков

Московская Академия Следственного комитета Российской Федерации

ЖЕРТВА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С СЕКСУАЛЬНЫМ НАСИЛИЕМ

Аннотация: *в статье раскрывается один из основных элементов криминалистической характеристики изнасилований и иных насильственных действий сексуального характера – жертвы сексуального насилия.*

Ключевые слова: *изнасилование, насильственные действия сексуального характера, сексуальное насилие, расследование, криминалистическая характеристика, жертва сексуального насилия.*

SACRIFICE AS AN ELEMENT OF CRIMINAL CHARACTERISTICS OF CRIMES OF SEXUAL VIOLENCE

Abstract: *the article deals with one of the main elements of the forensic characteristics of rape and other sexual assault victims of sexual violence.*

Key words: *rape, violent acts of a sexual nature, sexual violence, investigation, criminalistic characteristic, a victim of sexual violence.*

Поступила в редакцию 17 ноября 2016 г.

Среди всех так называемых половых преступлений более половины – это изнасилование (ст. 131 УК РФ) и насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ), доля которых в 2015 г. составила 64 %¹.

Успех выявления и расследования указанных общественно опасных деяний во многом зависит от знания и умелого использования данных, совокупность которых охватывается понятием криминалистической характеристики этих преступлений. Следственная практика показывает, что к основным элементам криминалистической характеристики преступлений, связанных с сексуальным насилием, относится жертва, или лицо, в отношении которого совер-

шены насильственные действия сексуального характера.

Лица, в отношении которых совершается насилие сексуального характера, как мужчины, так и женщины, подразделяются на три основные группы:

- 1) здоровые, т.е. не имеющие психических и сексуальных расстройств;
- 2) имеющие психические заболевания;
- 3) имеющие сексуальные расстройства.

Первая группа подразделяется на следующие категории:

1. Жертвы случайные (не знакомые с насильником, не провоцирующие окружающих на сексуальный контакт).

Например, 31 жертва сексуального насилия гр-на М. были случайными прохожими. В период с 1987 по 2014 г. в Москве гр-н М. под видом велосипедиста в

ночное время и рано утром выслеживал жертвы во дворах жилых домов и парковых зонах, душил их до потери сознания и насиловал².

К случайным жертвами сексуального насилия можно отнести и лиц, употребляющих совместно с насильниками алкогольные напитки (например, на корпоративных вечеринках).

2. Жертвы зависимости:

1) родственной (например, отец – сын, отчим – падчерица);

Например, Чигрин, так называемый «Шимановский маньяк», изнасиловавший и убивший двух девочек 8 и 9 лет, несколько лет насиловал свою малолетнюю дочь³.

Тушинский, так называемый «Камчатский Чикатило», изнасиловал свою 12-летнюю падчерицу, и четыре года принуждал ее к сожительству, пока она не переехала жить к своим родственникам⁴.

Другой пример: в 2012 г. семейная пара изготавливала и употребляла наркотические вещества, приобщив к употреблению наркотиков и малолетнюю дочь. В состоянии наркотического опьянения мужчина изнасиловал падчерицу, мать которой держала ее за руки⁵;

2) супружеской (отказывающиеся супруги не просто принуждаются к исполнению «супружеского долга», а с ними проводится насильственный половой акт);

Причем это относится к обоим супругам. К слову, в Брачных контрактах может быть предусмотрено обязательное исполнение «супружеского долга» определенное количество, например, в неделю!;

3) сожительства (например, мужчина – ребенок сожительницы);

Так, гр-н Р. изнасиловал 8-летнюю дочь своей сожительницы З., при этом угрожая убийством ее годовалой сводной сестре Д.⁶;

4) социальной (начальник – подчиненный(ая), преподаватель – студент(ка); учитель – ученик(ца), тренер – подопечный(ая), продюсер – актёр (актриса) и т.д.);

5) физической (например, в детских домах);

6) материальной (например, иждивенец – лицо, обеспечивающее его материально).

3. Гомосексуалы (как геи, так и лесбиянки).

Ряховский, так называемый «Балашихинский потрошитель», убивший в период с 1988 г. по 1993 г. по сексуальному мотиву 18 человек, боролся с гомосексуалистами «путём их убийства»⁷.

4. Алкоголики и наркоманы.

5. Лица без определенного места жительства (БОМЖи).

Фокин, так называемый «Маньяк-пензионер», в период с 1996 по 2000 г. в г. Новосибирске убил на сексуальной почве более 10 женщин и девушек без определенного места жительства, а также женщин, злоупотребляющих алкоголем, и проституток. Фокин при знакомстве спрашивал у будущих жертв, есть ли у них родственники, и выбирал одиноких женщин. В ходе следствия не удалось установить личность ни одной из его жертв⁸.

6. Лица, провоцирующие на сексуальную близость:

– своим поведением (например, женщины, кокетничающие (заигрывающие) с мужчинами; девушки, вызывающе одетые и гуляющие поздно вечером в парке);

– ведущие аморальный образ жизни (в частности, часто меняющие сексуальных партнеров);

– придерживающиеся экстремально модных течений в одежде (в частности, фетиш-моды (не являющиеся фетишистами), приверженцы пирсинга).

7. Проститутки и проституты – женщины и мужчины, предоставляющие сексуальные услуги за материальную выгоду.

Так, в период с 1998 по 2006 г. в г. Новосибирске были убиты 17 проституток. Причем убийства сопровождались расчленением. Тела жертв были сильно изуродованы, у многих отсутствовали сердца, отрезанные головы были помещены в капюшоны⁹.

8. Отбывающие наказания в местах лишения свободы.

В учреждениях исполнения наказания, как в замкнутых однополых сообществах, сексуальное насилие в подавляющем большинстве случаев используется в качестве репрессивных санкций, т.е. как вариант физического наказания и морального унижения. При этом в категорию пассивных гомосексуальных партнеров попадают либо физически слабые или психически незрелые, реже с интеллектуальной недостаточностью, либо слабохарактерные, не способные постоять за себя, дать должный отпор попыткам надругательства, молодые мужчины с миловидной внешностью и те, кто по тем или иным причинам приглянулся криминальному авторитету.

9. Проходящие службу в армии (во флоте).

В армии, не смотря на возможность время от времени «покидать казарму и выходить к гражданским», а также наличие разнополых военнослужащих, однако, как и в местах заключения, существует сексуальное насилие. Причем не столько в наказание, сколько в силу физического превосходства и служебной иерархии.

Следует отметить, что сексуальное насилие среди военнослужащих фиксируется и за рубежом. Например, перебежница из КНДР в Южную Корею сооб-

щила, что женщин в Корейской народной армии регулярно насилуют. Ее знакомая медсестра почти ежедневно терпела сексуальное насилие со стороны офицеров. Более того, офицеры насилуют почти всех женщин в их подчинении¹⁰.

10. Нудисты¹¹.

В нашей стране движение нудистов до сих пор в диковинку. Специальные нудистские пляжи единичные, и те стараются закрыть, например нудистский пляж «Дюны» в Санкт-Петербурге¹².

Тем самым нудисты вынуждены искать места на берегах водоемов вдали от общественных пляжей, зачастую закрытые кустарником или лесопосадками. За голыми мужчинами и женщинами «из кустов» подсматривают не только любопытные, но и лица, имеющие сексуальные перверсии. Нередки случаи группового нападения на обнаженных женщин на «диких» нудистских пляжах.

Во *вторую группу* входят лица, имеющие психические заболевания (например, шизофреники, олигофрены), которые подвергаются сексуальному насилию, в большинстве случаев в психиатрических больницах (психиатрических стационарах, психоневрологических диспансерах и интернатах, домах-интернатах для детей с умственной отсталостью).

Третья группа – лица, имеющие сексуальные расстройства, – подразделяется на три категории, обладающих парафилиями, перечисленными в Международной классификации болезней десятого пересмотра МКБ-10 (F64–66):

а) расстройства половой идентификации;

б) расстройства сексуального предпочтения;

в) психологические и поведенческие расстройства, связанные с сексуальным развитием и ориентацией.

Лица, имеющие расстройство половой идентификации, под которыми понимаются отклонения в полоролевой сексуальности:

1. Транссексуалы (транссексуализм (F64.0) – желают существовать и быть принятыми в качестве лица противоположного пола, обычно сочетающееся с чувством неадекватности или дискомфорта от своего анатомического пола и стремлением получать гормональное и хирургическое лечение с целью сделать свое тело как можно более соответствующим избранному полу¹³.

2. Трансвеститы (трансвестизм двойной роли (F64.1) – носят одежду, присущую противоположному полу, как часть образа жизни с целью получения удовольствия от временного ощущения своей принадлежности к противоположному полу, однако без малейшего желания постоянного изменения пола или связанной с этим его хирургической коррекции.

Переодевание не сопровождается возбуждением, что отличает данное расстройство от фетишистского трансвестизма. Эта категория включает нарушения половой идентичности нетранссексуального типа в подростковом и зрелом возрасте.

3. Имеющие расстройство половой идентификации в детском возрасте (F64.2). Включает круг расстройств, впервые появляющихся в детстве и всегда до начала пубертата (7–13 лет), которые характеризуются постоянной выраженной неудовлетворенностью полом регистрации, что сопровождается настойчивым желанием принадлежать (или убежденностью в принадлежности) к противоположному полу. Проявления расстройства включают стойкую озабоченность одеждой и/или занятиями, свойственными противоположному полу, и/или отвержение своего собствен-

ного пола. Данное расстройство не должно смешиваться с гораздо чаще встречающейся неконформностью с общепринятым полоролевым поведением. Поэтому для диагностики его недостаточно мальчишеского поведения у девочек или девичьего – у мальчиков, тогда как необходимо выявление глубокого нарушения чувства принадлежности к мужскому или женскому полу. Данный диагноз не может устанавливаться в случае, если индивид достиг пубертатного возраста (12–18 лет).

К диагностическим указаниям, помимо упомянутых в клиническом описании признаков, относится возможность отвергания анатомических структур, присущих собственному полу.

Как правило, такие расстройства наблюдаются у мальчиков. К типичным проявлениям относятся: увлеченность мальчиков играми и другими формами деятельности, традиционно считающимися девичьими, предпочтение ими девичьей или женской одежды. Однако подобное переодевание не вызывает полового возбуждения в отличие от фетишистского трансвестизма у взрослых. Мальчики могут испытывать сильное желание участвовать в играх и развлечениях девочек, их любимыми игрушками становятся куклы женского пола, а в качестве партнеров своих игр они постоянно выбирают девочек. Откровенное женское поведение может уменьшаться в период ранней юности, хотя приводятся катанестические данные, показывающие, что в юношеском возрасте и позже у мальчиков с данным расстройством в 1/3–2/3 случаев проявляется гомосексуальная ориентация. В то же время транссексуализм во взрослой жизни обнаруживают немногие из них, хотя большинство взрослых транссексуалов сообщают о проблемах половой идентичности в детстве.

Проявления этого расстройства у девочек проявляется: в выборе друзей среди мальчиков, в жадном интересе к спорту, дракам, они не интересуются куклами и женскими ролями в построенных на воображении играх. Девочки подвержены остракизму в меньшей степени, чем мальчики, хотя и они могут страдать от насмешек в позднем детстве или в юности. По достижении юношеского возраста большинство из них отказываются от преувеличенной настойчивости заниматься мужскими видами деятельности и носить мужскую одежду, однако у некоторых сохраняется мужская идентичность, а может проявиться и гомосексуальная ориентация.

Расстройство половой идентичности редко сочетается с постоянным отвержением анатомических структур пола. У девочек это может проявляться в периодических утверждениях о том, что у них имеется или вырастет половой член, в отказе мочиться в сидячем положении, заявлениях о нежелании, чтобы у них выросли молочные железы или начинались менструации. Мальчики периодически утверждают, что когда они вырастут, то превратятся в женщину, что половой член и яички отвратительны и исчезнут и/или что лучше их не иметь.

Лица, имеющие расстройства сексуального предпочтения:

1. Фетишисты (фетишизм – F65.0) – используют в качестве стимула для сексуального возбуждения и сексуального удовлетворения неодушевленные предметы.

Одни фетиши являются дополнениями к человеческому телу – предметы одежды или обуви. Другие фетиши могут характеризоваться особым материалом – резина, пластик или кожа. Значимость фетишей для индивида может варьировать – в некоторых случаях они

служат просто для повышения сексуального возбуждения, достигаемого нормативным образом. В этих случаях, например, на партнера надевается какая-нибудь особая одежда. Фетишистские фантазии встречаются часто, однако они не могут считаться расстройством до тех пор, пока не приводят к ритуальным действиям, которые являются столь непреодолимыми и неприемлемыми, что препятствуют осуществлению полового акта и вызывают страдания у самого индивида. Фетишизм встречается почти исключительно у мужчин.

2. Трансвеститы-фетишисты (фетишистский трансвестизм – F65.1) – надевают одежду противоположного пола главным образом для достижения сексуального возбуждения.

Расстройство необходимо дифференцировать от простого фетишизма. Основанием для их разграничения является то, что при фетишистском трансвестизме переодевание или использование предметов нацелено на преобразование собственной внешности с приданием ей черт, свойственных противоположному полу. Обычно надевается более одного предмета, часто – полный комплект одежды с дополнением ее париком и косметикой, при этом достигается ощущение принадлежности к другому полу. Другим состоянием, от которого необходимо дифференцировать фетишистский трансвестизм, – это транссексуальный трансвестизм. Фетишистский трансвестизм имеет четкую связь с сексуальным возбуждением, а после достижения оргазма и снижения сексуального возбуждения обычно возникает сильное желание снять одежду. Фетишистский трансвестизм является ранней фазой транссексуализма и в этих случаях он представляет собой стадию в развитии транссексуализма.

3. Эксгибиционисты (эксгибиционизм – F65.2) – периодически или постоянно стремятся к неожиданной демонстрации собственных половых органов незнакомым людям (обычно лицам противоположного пола) в общественных местах без предложения или намерений более близкого контакта.

Обычно, хотя и не всегда, во время демонстрации возникает половое возбуждение, которое часто сопровождается мастурбацией. Наклонность может проявляться только в периоды эмоционального стресса или кризиса, перемежаясь длительными периодами без подобного поведения.

4. Вуайеристы (вуайеризм – F65.3) – периодически или постоянно стремятся наблюдать за людьми, занимающимися сексом или «интимными делами», например, раздеванием.

Это обычно приводит к половому возбуждению и мастурбации и осуществляется тайно от наблюдаемой особы, без желания обнаружить собственное присутствие и вступить в связь с лицом, за которым ведется наблюдение.

5. Мазохисты (садомазохизм – F65.5) – предпочтение сексуальной активности, включающей причинение боли, унижение или установление зависимости. Это индивид, предпочитающий быть подверженным такого рода стимуляции (является реципиентом). Часто человек получает сексуальное удовлетворение как от садистической, так и от мазохистической активности.

Слабые проявления садомазохистической стимуляции обычно применяются для усиления в остальном нормальной сексуальной активности. В связи с этим дается указание использовать эту категорию лишь в тех случаях, когда садомазохистическая активность является основным источником сексуальной стимуля-

ции или необходима для сексуального удовлетворения.

6. Лица, имеющие множественные расстройства сексуального предпочтения (F65.6) – более одного нарушения сексуального предпочтения без четкого преобладания какого-либо из них, например сочетание фетишизма и трансвестизма.

7. Лица, имеющие другие расстройства сексуального предпочтения (F65.8):

– телефонные скатофилы – сексуальное возбуждение в следствие непристойной брани по телефону (телефонная скатофилия);

– фроттеры (фроттеристы) – сексуальное возбуждение от прикосновения к людям и трения о них в многолюдных общественных местах для сексуальной стимуляции (фроттеризм);

– асфиксиофилы – сдавление кровеносных сосудов или удушение для усиления полового возбуждения (аутоасфиксиофилия);

– апотемнофилы – предпочтение партнеров с какими-либо особыми анатомическими дефектами, например, с ампутированной конечностью (апотемнофилия);

– гетерохромофилы – фетишем является партнер с другим цветом кожи (гетерохромофилия);

– нарциссы – половое влечение к самому себе и собственному телу (нарциссизм);

– аутомоносексуалы – половое влечение к собственному телу при отождествлении его с телом другого человека (аутомоносексуализм);

– порнографоманы – патологическое увлечение порнографией (порнографомания);

– пигмалионы – сексуальное удовлетворение получается от созерцания и обладания предметами искусства (пигмалионизм);

– ретифизм – фетишем является изделия из кожи, в том числе человеческой (ретифисты);

– пирологи и пироманы – в качестве фетиша выступают огонь и пожарные (пирологния и пиромания);

– экскрементофилы – роль фетиша играют человеческие выделения: моча, кал, сопля, слюна, менструальные выделения (экскрементофилия);

– уролаги – сексуальное возбуждение усиливается от мочеиспускания во время секса (уролагния);

– урофаги – получение сексуального удовлетворения от питья мочи (урофагия);

– копрофилы – получение сексуального возбуждения от совершения испражнений, запаха кала (копрофилия);

– копрофаги – получение сексуального удовлетворения при поедании кала (копрофагия);

– зоофилы – сексуальные действия с животными (зоофилия);

– некрофилы – сексуальные действия с трупами (некрофилия).

Лица, имеющие психологические и поведенческие расстройства, связанные с сексуальным развитием и ориентацией:

1) имеют расстройство сексуально-го созревания (F66.0) – страдают от неопределенности своей половой принадлежности или сексуальной ориентации и сомнений в них, что приводит к трево-

ге или депрессии; чаще это имеет место в юношеском возрасте у лиц, которые не уверены, являются ли они гомо-, гетеро- или бисексуальными;

2) имеют эгодистоническую половую ориентацию (F66.1) – половая идентичность или сексуальное предпочтение у них не вызывает сомнений, но желают, чтобы они были иными в связи с дополнительно имеющимися психологическими или поведенческими расстройствами и потому могут стремиться к лечению с целью изменения их;

3) имеют расстройство сексуальных отношений (F66.2) – аномалии половой идентичности или сексуального предпочтения приводят к затруднениям в формировании или сохранении связи с сексуальным партнером.

В заключение необходимо акцентировать, что при проверке сообщения о сексуальном насилии и при расследовании таких преступлений изначально верное определение личности потерпевшего лица, несомненно, будет способствовать не только качественному и скорейшему расследованию половых преступлений, а также неотвратимости наказания насильника, но и установлению оговора в сексуальном насилии и предупреждению данных преступлений, т.е. защите граждан, а особенно несовершеннолетних, от сексуальных посягательств в будущем.

¹ Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru>

² URL: <http://sledcom.ru/news/item>

³ Не получив кредит, педофил сорвал злость на маленьких девочках. URL: <http://portamur.ru/news/detail>

⁴ «Камчатский Чикатило» Владимир Тушинский признан педофилом. URL: <http://www.mngz.ru/russia-world-sensation>

⁵ На Кубани муж и жена изнасиловали свою дочь. URL: <http://newvz.ru/info>

⁶ Обвинительное заключение по обвинению Р. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ // Архив ГСУ СК России по г. Москве.

⁷ Убийца-некрофил приговорен к смертной казни. URL: <http://www.kommersant.ru>

⁸ Виктор Фокин. URL: <http://ipsih.com/post>

⁹ Новосибирская серия (1998–2006 гг.). URL: <http://www.serial-killers.ru/karts>

¹⁰ СМИ рассказали, как издеваются над женщинами в армии КНДР. URL: 24smi.org

¹¹ Нудист – лицо, исповедующее культ обнаженного тела.

¹² В «Дюнах» уничтожен нудистский пляж. URL: <http://www.newsestoreck.ru/polosa>

¹³ См. подробно: Антонин Ю. М., Ткаченко А. А., Шостакович Б. В. Криминальная сексология / под ред. Ю. М. Антонина. М., 1999. С. 86–92.

*Московская Академия Следственного
комитета Российской Федерации*

Бычков В. В., кандидат юридических наук,
доцент, ученый секретарь

E-mail: akskrf@yandex.ru

Тел.: 8-968-719-77-77

*Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation*

Bychkov V. V., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Scientific Secretary

E-mail: akskrf@yandex.ru

Tel.: 8-968-719-77-77

Е. И. Галяшина

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА)

О «БОЛЕВЫХ ТОЧКАХ» ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А н н о т а ц и я: в статье предлагается критический анализ состояния теории и практики судебных лингвистических экспертиз по уголовным делам, имеющим общественный резонанс. Основной вывод таков: на современном этапе развития судебная лингвистическая экспертиза, в том числе текстов телефонных и иных переговоров, оказалась в зоне риска, граничащей с полной утратой доверия участников уголовного процесса к «лингвистическим доказательствам». Предлагаются пути повышения объективности и достоверности выводов экспертов, трактующих смысловое содержание уголовно-релевантных следов речевой деятельности на основе специальных лингвистических знаний.

К л ю ч е в ы е с л о в а: специальные лингвистические знания, экспертная методика, смысловое содержание текста, уголовное судопроизводство, объективность, достоверность, верифицируемость.

ON THE “PAIN POINTS” OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: the article is devoted to critical review of the theory and practice of forensic linguistic expertise in criminal cases with public impact. The main conclusion is that at the present stage of development of the judicial linguistic expertise, including texts of telephone and other conversations, is at a risk, bordering on a complete loss of trust of participants of the criminal process to the “linguistic evidence”. It suggests ways to improve the objectivity and reliability of the conclusions of the experts, who interpret the semantic content of the criminal-relevant traces of speech activity on the basis of special linguistic knowledge.

Key words: special language knowledges, expert technique, semantic content of the text, criminal justice, objectivity, reliability, verifiability.

Поступила в редакцию 30 сентября 2016 г.

Болевые точки — участки на поверхности тела, давление на которые вызывает болевые ощущения. Их выявление способствует уточнению локализации и характера патологического процесса.

Медицинская энциклопедия

В последние годы общественное внимание оказалось привлечено к результатам судебных экспертиз, в том числе лингвистических, проведенных по гром-

ким, резонансным уголовным делам, особенно связанным с расследованием организованной преступной деятельности, коррупционных проявлений, а также проявлений терроризма и экстремизма.

© Галяшина Е. И., 2017

В средствах массовой информации противоречивые и непоследовательные результаты таких экспертиз нередко подвергаются жесткой и нелюбезной критике. Журналисты приводят примеры феерических, абсурдных экспертиз, бьют тревогу, что судебная экспертиза в России превратилась в фарс. Уважаемые адвокаты пытаются ловить за руку лжеэкспертов, указывая на их непрофессионализм и отсутствие профильного образования¹.

Выражают свою обеспокоенность сложившейся в лингвистической экспертизе ситуацией правозащитники. А. К. Симонов тревожно писал: «Насколько остро стоит эта проблема, отметил Уполномоченный РФ по правам человека в своем докладе за 2011 г.: “В отчетном году в почте Уполномоченного появились обращения, свидетельствующие о том, как остро встал вопрос о пределах использования в судебном процессе специальных познаний, материализующихся в выводах всевозможных лингвистических, социопсихологических и других экспертиз, показаниях специалистов во всевозможных отраслях знаний”. Советская судебная система опиралась на безальтернативные выводы экспертиз и исследований, проводившихся в государственных экспертных учреждениях на основе единых утвержденных методик. В наши же дни государство от монополии на научную истину отказалось. И теперь в судебном процессе могут сталкиваться экспертные заключения, опирающиеся на разные научные методики, и, соответственно, приходящие к разным, порой противоположным выводам. Задача суда в таких условиях состоит, видимо, в том, чтобы беспристрастно изучить выводы всех экспертных заключений. На деле же суды, как правило, отдают предпочтение выводам той экспертизы, кото-

рая проводилась по инициативе стороны обвинения и призвана послужить доказательством вины подсудимого. В судебном решении в таких случаях указывается, что причин не доверять выводам экспертизы, представленной обвинением, нет»².

Недовольные решениями судов, вынесенными по результатам лингвистических экспертиз, публицисты и чиновники нередко переходят на личности, твердят об ангажированности и необъективности экспертов-лингвистов, требуют возбудить в отношении них уголовные дела за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ, мотивируя тем, что в отличие от других экспертов, лингвист-де не может не знать и не понимать, что он пишет в выводах, либо он вообще не владеет русским языком в принципе³.

Специалисты по русскому языку, вовлеченные в судебные споры, призывают судебных экспертов «не отрываться» от большой лингвистики, не приемля в качестве экспертов лиц без высшего филологического образования и критикуя при этом дипломированных филологов, выражают надежду, что со временем лингвистическое сообщество наберется опыта⁴.

А что же сами эксперты? Многие практикующие эксперты обеспокоены сложившейся ситуацией с ростом ошибок, субъективизма в не надлежаще осуществляемых судебно-лингвистических экспертизах. Так, В. А. Салимовский и Е. Н. Мехонина замечают, что «весьма широкому распространению «ангажированной» лингвистической экспертизы способствует укоренившееся в сознании общественности (включая юристов) ложное представление о том, будто эта экспертиза по самой своей природе является субъективной: «сколько экспертов, столько и мнений»⁵.

Суды при назначении экспертизы и при оценке уже подготовленного экспертного заключения обращают внимание прежде всего на компетенцию и квалификацию эксперта⁶.

Другие авторы активно спорят о методах лингвистики, лучше или хуже применимых к анализу текстов различной прагматики, констатируя отсутствие среди экспертно-лингвистического сообщества единства подходов как к выбору методик исследования, так и к оценке уголовно-релевантных языковых феноменов. Например, известный ученый Дмитрий Дубровский приходит к выводу о противоречивости использования многообразия существующих подходов, что заставляет сомневаться не только «в обоснованности использования существующих методик анализа текстов, но и в целом в целесообразности применения специальных лингвистических знаний к анализу текстов особой прагматики»⁷.

Филолог Е. А. Колтунова подчеркивает: «...Как показывают многочисленные примеры, в производстве лингвистических судебных и внесудебных исследований отчетливо видна некая «состязательность», а порой и ангажированность специалистов. Таким образом, лингвистическая экспертиза в части выводов принимает характер домыслов»⁸. Нельзя не согласиться с позицией ученой, указывающей, что «зачастую возникновение выводов экспертных заключений, которые можно охарактеризовать как домыслы, не обусловлено проблемами в методической или научной подготовке экспертов. Бывает, что глубоко знающие специалисты-лингвисты слабо ориентируются в юридических аспектах, связанных с выполнением экспертных заключений и внесудебных исследований. ...Отсутствие юридической методологической основы и недостаточно точное использование

лингвистических методов приводит эксперта к совершенно противоречивым выводам»⁹.

Один из наиболее авторитетных специалистов в области семантики М. Кронгауз в интервью указывает, «что язык сам по себе – менее четкая и упорядоченная система. Поэтому и доля субъективности может присутствовать. Я, например, возражаю против рассмотрения в качестве каких-то доказательств так называемых скрытых, имплицитных смыслов. А некоторые эксперты довольно активно их используют. Но тогда человека можно обвинить в том, что он не говорил, мол, он что-то имел в виду. Это очень опасный путь. Мы ведь не в состоянии проникнуть в мозг, а только анализируем текст»¹⁰.

Важными оказываются и стереотипы, связанные с особенностями личности эксперта-лингвиста, во многом определяемые жизненным опытом, который он приобрел, формируясь как объект труда, общения и познания¹¹.

Много претензий вызывают формулировки вопросов, выносимых на разрешение лингвистической экспертизы, учитывая, что неискушенные в юридических тонкостях лингвисты с готовностью берутся за разрешение правовых вопросов наличия или отсутствия в тексте признаков объективного состава преступления (экстремизма, оправдания терроризма, педофилии, дачи, получения взятки и т.п.) либо его субъективной стороны (признаков умысла, намерения, целеполагания, заинтересованности и т.п.).

Например, по мнению М. Кронгауза, «лингвистическая экспертиза, связанная с делами по обвинению в экстремизме, во многом скомпрометировала себя. Эксперта... очень часто используют для того, чтобы обвинить кого-то в экстремизме, задавая ему прямой вопрос, явля-

ется ли данное высказывание или текст экстремистским. Лингвист не должен отвечать на такой вопрос, поскольку положительный ответ фактически сразу подводит человека под статью, а лингвист ни в коем случае не является судьей. Совершенно очевидно, что если высказывание разжигает и призывает, то оно призывает и разжигает массы. То есть массы способны разобраться в этом без помощи лингвиста. Значит, способен это сделать и суд, но юристам проще переложить ответственность на эксперта, а это, в свою очередь, означает определенную неуверенность в толковании закона. Слово «экстремистский» следовало юридически определить до того, как оно вошло в текст закона, а не делать это каждый раз для каждого конкретного случая с помощью эксперта. А пока, мне кажется, лучше не писать экспертизы такого рода»¹².

Означает ли все это, что судебная лингвистическая экспертиза как научно-обоснованное знание «приказала долго жить» и в ее организме происходят необратимые патологические процессы? Или еще есть надежда на исцеление с возрождением доверия общества к достоверности и объективности «лингвистических доказательств»?

Мы не раз обращались к этой проблеме¹³, но учитывая не затихающую дискуссию о том, нужна ли вообще в уголовном судопроизводстве лингвистическая экспертиза и какими компетенциями должен обладать проводящий ее эксперт, сомнительно или достоверно его заключение по уголовному делу, попробуем еще разобраться в этом вопросе, обозначить проблемные зоны, «болевы точки» и предложить свое видение оздоровления организма, пораженного вирусом химеры непрофессионализма.

Одна из таких «болевых точек» лежит в зоне разграничений компетенций

лингвистической экспертизы и правоприменителя, а также других разновидностей экспертиз. Сегодня остро дискуссионным остается вопрос: нужны ли вообще правоприменителю, владеющему языком уголовного судопроизводства, специальные знания в лингвистике? Основным аргументом противников привлечения в качестве экспертов лингвистов следователями или дознавателями выступает тезис, что властный субъект уголовного процесса уполномочен не только самостоятельно направлять ход расследования, но и принимать процессуальные решения, в том числе оценивать собранные по делу доказательства с точки зрения их относимости или неотносимости к предмету доказывания.

Участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, предоставлено право бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном соответствующими нормами УПК РФ. Не понимая, что сказано или написано, ни дознаватель, ни следователь, ни суд попросту не в состоянии оценить относимость содержащихся в тексте или высказывании сведений как доказательств. И переводчик с «русского на русский» или языковой ликбез для доказательства очевидного не требуется.

В этом вопросе мы солидарны с Г. М. Резником, который активно возражает против всеобщей «лингвистической наркотизации» уголовного правосудия¹⁴. Необходимость в использовании специальных лингвистических знаний может возникнуть только для установления смыслового содержания текстов или высказываний, смысл которых не лежит на поверхности, но постигается «тщательной аналитической работой, извлекается

из контекста и подтекста, каскадов намеков и вопросов, разоблачением изощренных стилистических приемов манипулирования сознанием респондентов»¹⁵.

Следует признать, что лингвистическая экспертиза требуется только в тех случаях, когда коммуникативно содержание текста, высказывания или разговора было предназначено для узкой (целевой) аудитории и, соответственно, для постороннего (для этой аудитории) слушателя (читателя) не вполне ясно: если пишущий или говорящий использует сленг, жаргонизмы, кодовые языковые средства или необщепотребительные слова, выражения и речевые обороты, маскирует смысл своих высказываний или его речевое поведение амбивалентно.

Таким образом, лингвистическая экспертиза определяет, «что сказано» или «о чем идет речь» в тексте, высказывании, разговоре на фонограмме на основе применения специальных лингвистических знаний тогда и только тогда, когда правоприменитель не владеет в полной мере условным языком (подъязыком русского языка, использующим не общепотребительные языковые средства), на котором составлен текст. К таковым подъязыкам в полной мере могут быть отнесены как подъязыки отдельных отраслей науки (включая юриспруденцию), техники, искусства, ремесла, так и социолекты различных групп, этнолекты, сексолекты, территориальные диалекты, в том числе сленг, арг, жаргон, подъязык различных функциональных стилей, в том числе разговорного, официально-делового, литературно-художественного и т.д.

В целях установления того, «что сказано» в исследуемом тексте (высказывании), эксперт решает сложную обратную диагностическую задачу: по выраженному в тексте речевому следу реконструирует его содержательную сторону.

Очевидно, что судебная лингвистическая экспертиза не носит обязательно характера, так как установить смысл не до конца ясного правоприменителю слова или фразы, можно и другими способами, например посредством допроса участника разговора, который может объяснить, что он хотел сказать при помощи того или иного высказывания, слова или речевого оборота.

Здесь следует предостеречь от часто встречающейся на практике ошибки, когда следователь (дознатель, а иногда и суд) просит пояснить сказанное в разговоре между двумя или более участниками только одного из них. В таком случае будет присутствовать только одна интерпретация смысла из нескольких возможных, что может послужить в дальнейшем поводом для назначения судебной лингвистической экспертизы. Очевидно, что экспертиза потребуется и для разрешения противоречия, когда различные участники разговора предлагают каждый свою версию трактовки того или иного слова или выражения.

В данном случае можно согласиться с мнением Д. Дубровского, что «причина, по которой существует потребность в лингвистах, в таком случае понятна: если речь идет о языке, который понимается всеми сторонами процесса, то единственным способом доказать необходимость привлечения эксперта-лингвиста становится гипотетическое наличие «скрытого от постороннего взгляда» элемента, увидеть и продемонстрировать который могут только специалисты по языку»¹⁶. Однако мы не можем согласиться с его выводом, что «лингвист, руководствуясь здравым смыслом, должен исключить из анализа научные, политические (прежде всего, представляющие критику политического режима и его оппонентов) и художественные (включая пародию и

«троллинг») произведения¹⁷». Такими полномочиями судебный эксперт законом не наделен. В то же время нельзя не согласиться с тем, что «в выборе между сверхчувствительностью (или ангажированностью) экспертов и здравым смыслом победить должен здравый смысл»¹⁸.

Действительно, с точки зрения лингвистики смысл не тождественен значению слова, включая в себя приращения, обусловленные прагматическим контекстом. Однако судебный эксперт, проводящий экспертизу по конкретному объекту в рамках конкретного уголовного дела, ограничен его рамками и не может выйти за их пределы на бескрайние просторы не ограниченного ничем, внешнего по отношению к тексту прагматического контекста, толкуя его расширительно.

Второй вопрос, нуждающийся в разрешении: может ли эксперт-лингвист выявить некие намеренно скрываемые обстоятельства или скрытые смыслы, которые вложены в высказывания пишущим или говорящим, обладающим манипуляторными способностями и владеющим специальными психологическими техниками, «скрытыми от глаз профанов»? В наиболее яркой степени «техника» выявления скрываемых обстоятельств и внутренних смыслов присутствует в так называемых комиссионных психолингвистических экспертизах, практикуемых комиссиями, в которые входят лингвист и психолог, вместе решающие одни и те же задачи и отвечающие на одни и те же вопросы¹⁹. Например: Какова основная тема разговора между А. и Б., аудиозапись которых зафиксирована на представленном на экспертизу диске?; Обсуждают ли участники разговора получение денежных средств от лица, не участвующего в разговоре за действия в его интересах? Если да, то кто из

участников проявляет интерес к обсуждению данного вопроса? Какова активность в разговоре каждого из участников? Имеются ли со стороны кого-либо из участников разговора побуждения к совершению каких-либо действий (бездействий), высказанные в адрес другого участника? Если да, то какие именно и в какой форме? Исходя из лингвистических и паралингвистических особенностей исследуемого разговора, следует ли, что участники разговора имеют общие представления об обсуждаемой ситуации о получении денежных средств? Исходя из лингвистических и паралингвистических особенностей исследуемого разговора, имеются ли признаки проявляемой кем-либо из участников разговора скрытности обсуждаемых тем? Если имеются, то кто из участников разговора проявляет скрытность?».

Очевидно, что здесь – простор для манипуляций, прежде всего, со стороны эксперта-интерпретатора, подобные формулировки вопросов практически освобождают его от проведения тщательного и объективного исследования, искушая на выражение мнения или суждения по своему разумению.

Заметим, что комплексные экспертизы комиссий, состоящих из специалистов разных наук, но оформляемые как однородные, без разделения на части и, соответственно, без персональной ответственности лингвиста и психолога за конкретные результаты и выводы, многократно ставились под сомнение в связи с усилением требовательности правоприменителя к качеству продукта экспертной деятельности, оформляемой как заключение эксперта, равно как и к квалификации самих экспертов.

Еще одна «болевая точка» – экспертный дилетантизм, непрофессионализм лиц, привлекаемых для дачи лингвисти-

ческих заключений, отсутствие у них требуемой квалификации, компетенций в решении экспертных задач, неготовность к деятельности в качестве участника уголовного процесса – судебного эксперта, непонимание разницы между практической экспертной деятельностью, основанной на применении научных методов и подходов, и собственно научными изысканиями в области лингвистики.

Непосредственной целью профессиональной подготовки судебного эксперта по лингвистической экспертизе является формирование его готовности к квалифицированному выполнению процессуальных и профессиональных обязанностей, под которым понимается система знаний, умений, навыков, личных качеств, обеспечивающих самостоятельное, всестороннее, полное выполнение поставленных перед экспертом задач по исследованию объектов судебной экспертизы²⁰. Компетентность судебного эксперта во многом определяет доказательственную значимость заключения эксперта, его истинность, полноту, обоснованность и достоверность выводов. Р. С. Белкин особо выделял профессиональную некомпетентность эксперта и профессиональную деформацию личности эксперта в числе основных субъективных причин экспертных ошибок, снижающих качество проведенного конкретного исследования и эффективность судебно-экспертной деятельности в целом²¹.

Специфика деятельности судебного эксперта-лингвиста проявляется в готовности творчески пользоваться приобретенным в ходе обучения багажом знаний. В связи с этим эксперт должен обладать эвристическим, наглядно-образным, логическим и критическим мышлением, развитыми перцептивными, коммуникативными способностями, позволяющими ему эффективно воспринимать и об-

рабатывать информацию, поступающую на его зрительные, слуховые и иные рецепторы, а также широким кругом умений, необходимых на разных стадиях экспертного исследования. Расширение сферы использования специальных знаний в судопроизводстве, модернизация законодательства в сфере образования, науки и технике, судебно-экспертной деятельности, объективно назревшая потребность в реальной унификации подходов к решению вопросов организации и производства судебной экспертизы в различных видах судопроизводства, необходимость в реализации на практике законодательного²² требования о едином научно-методическом подходе к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов актуализируют проблему подготовки высококвалифицированных профессиональных экспертных кадров, специализирующихся в судебных лингвистических экспертизах, владеющих современными экспертными технологиями.

По этой причине напомним, что в соответствии с действующим на данный момент законодательством, регулирующим судебно-экспертную деятельность в Российской Федерации, должность эксперта в государственном судебно-экспертном учреждении может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти (ст. 13)²³. Следует обратить внимание, что дополнительное профессиональное образование осуществляется посредством реализации дополнительных профессиональных программ (программ повышения квалификации и

программ профессиональной переподготовки). Программы профессиональной переподготовки разрабатываются на основании установленных квалификационных требований, профессиональных стандартов и требований соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального и (или) высшего образования к результатам освоения образовательных программ (ст. 76)²⁴.

Из сказанного следует вывод, что решение обозначенных проблем судебной лингвистической экспертизы видится в проведении обязательной экспертно-ориентированной переподготовки лингвистов, привлекаемых в качестве судебных экспертов, в переобучении их по специально разработанным единым для разных ведомств и научных школ программам дополнительного профессионального судебно-экспертного образования по единой номенклатуре видов экспертных специализаций в рамках родовой специальности «судебная лингвистическая экспертиза».

Так, Российским федеральным центром судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ организованы курсы повышения квалификации и аттестация работников государственных судебно-экспертных учреждений Минюста РФ²⁵. При этом дополнительное профессиональное образование работников федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции осуществляется по перечню экспертных специальностей, определенных соответствующим приказом Минюста РФ²⁶. В то же время наименования экспертных специальностей, по которым аттестуются государственные судебные эксперты других ведомств, и содержательное наполнение видов проводимых в них судебных экспертиз, разнятся²⁷. Например, форму-

лировка приказа Федеральной службы безопасности РФ 2011 г. свидетельствует о наличии особой экспертной специальности «лингвистическая экспертиза текстов экстремистской направленности», выделяемой в отдельный вид²⁸.

В связи с этим актуальным видится осуществление паспортизации экспертной специальности «судебная лингвистическая экспертиза», что позволит выполнить законодательно закрепленное требование о производстве судебных экспертиз на основе единого научно-методического подхода и обеспечит надлежащий контроль за качеством профессиональной подготовки судебного эксперта-лингвиста, сможет минимизировать экспертные ошибки, причиной которых являются некомпетентность или профессиональная несостоятельность судебного эксперта.

С принятием национального закона о стандартизации²⁹, особую значимость приобретает создание в Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии Технического комитета по стандартизации-ТК 134 «Судебная экспертиза»³⁰. К числу основных задач, реализуемых Техническим комитетом, относится разработка национальных стандартов, норм и рекомендаций в области стандартизации судебно-экспертной деятельности.

Сегодня особо остро стоит задача разработки терминологического стандарта в сфере судебной лингвистической экспертизы. Однако для ее эффективного и оптимального решения целесообразно привлекать к работе Технического комитета не только опытных судебных экспертов-лингвистов, владеющих двойной юридико-лингвистической компетенцией, но и терминоведов, специалистов в области нейминга, которые имеют представления о способах и приемах номинации,

знают специфику терминологических полей и терминологических систем, могут превратить «терминологический хаос» лингвистической экспертизы в управляемый процесс вербализации научных (специальных) концептов, используемых в судебно-экспертной деятельности.

Наличие терминологических стандартов, единых экспертных методик, унифицированных квалификационных требований к государственным и негосудар-

ственным экспертам-лингвистам, единообразии программ дополнительного образования и повышения квалификации по единой номенклатуре специализаций в рамках родовой экспертной специальности «Судебная лингвистическая экспертиза» позволят, на наш взгляд, повысить качество судебных лингвистических экспертиз, вернуть доверие общества к ее результатам и уважение к профессионализму экспертов-лингвистов.

¹ См.: *Челищева В.* Экспертная уценка. Как судебная экспертиза в России превратилась в фарс // Новая газета. 2016. № 63. 15 июня. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/73457> (дата обращения: 26.09.2016).

² Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия : пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников / под ред. А. К. Сиимонова. М., 2013. С. 4.

³ См., например, подборку публикаций об известном ученом И. А. Стернине. URL: http://vrntimes.ru/news/view/11653-Pochyemu_nyekotoriye_izvyestniye.html; «Для Иосифа Абрамовича Стернина единственный способ доказать свою невиновность – это убедить следователей в том, что он не владеет русским языком в принципе». URL: <http://www.eizh.ru/interview/dlya-iosifa-abramovicha-sternina-edinstvennyy-sposob-dokazat-svoyu-nevinovnost-eto-ubedit-sledovatel/> (дата обращения: 26.09.2016).

⁴ См.: *Левонтина И. Б.* Слово не воробей (О некоторых аспектах судебной лингвистической экспертизы) // *Общественные науки и современность*. 2008. № 6. С. 151–159. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/08/25/1214987021/Levontina.pdf> (дата обращения: 26.09.2016).

⁵ *Салимовский В. А., Мехонина Е. Н.* Типичные ошибки (уловки) в ненадлежащей судебно-лингвистической экспертизе // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. Вып. 2 (8). 2010. С. 48. URL: http://www.gfp.psu.ru/archive/2.2010/salimovsky_mekhonina.pdf

⁶ См.: *Чернов А. Д.* Проблемы назначения и производства судебных экспертиз по гражданским, уголовным и административным делам // *Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия : пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников*. М., 2013. С. 9.

⁷ *Дубровский Д.* Экспертные заключения по делам о «словесном экстремизме» в России : спор о методах // *Журнал конституционализма и прав человека*. 2015. № 3-4 (8). С. 104.

⁸ *Колтунова Е. А.* Феномен домысла в судебных лингвистических экспертизах // *Инновации в государстве и праве России : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (24–25 апреля 2014 г.)*. Н. Новгород, 2014. URL: http://koltunov-nn.ru/modules/pages/main/publications/fenomen_domisla.html

⁹ Там же.

¹⁰ *Новоселова Е.* Холивар не выдержит двоих. Как конфликты в современном обществе влияют на русский язык // *Российская газета - Неделя*. № 7064 (196).

¹¹ См.: *Бодалев А. А., Куницына В. Н., Панферов В. Н.* О социальных эталонах и стереотипах и их роли в оценке личности // *Человек и общество*. Л., 1971. С. 151–161.

¹² *Кронгауз М.* Антитеррористическая лингвистика // *Форбс*. URL: <http://www.forbes.ru/ekonomika-column/lyudi/59833-antiterroristicheskaya-lingvistika> (дата обращения: 26.09.2016).

¹³ См., например: *Галяшина Е. И.* Судебная лингвистическая экспертиза болевая точка правосудия или панацея? // *Государственный суверенитет и верховенство права : международное и национальное измерение : материалы круглых столов : 2-й Московский юридический форум (Кутафинские чтения) (Москва, 2–4 апреля 2015 г.)*. М., 2015. С. 602–606.

¹⁴ См.: *Резник Г. М.* Предисловие юриста // *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста : теория и практика : учеб. пособие. М., 2007. С. 3–5.

¹⁵ Там же. С. 3.

¹⁶ *Дубровский Д.* Указ. соч. С. 106.

¹⁷ Там же. С. 115.

¹⁸ Там же. С. 116.

¹⁹ См.: *Желтухина М. Р., Кисляков В. П.* О проблеме исследования продуктов речевой деятельности в рамках психолингвистической судебной экспертизы // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2008. № 4. С. 219–225 ; *Леонтьев А. Н.* Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М., 2008. 272 с.

²⁰ См., например: *Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов : науч.-практ. пособие / под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статкуса*. М., 2011. С. 55–63.

²¹ См.: *Белкин Р. С.* Криминалистика : проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 186–191.

²² О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 25.11.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ Там же.

²⁴ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 13.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ См.: Положение о дополнительном профессиональном образовании работников федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации : утв. приказом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России от 16 декабря 2014 г. № 239/1-1.

²⁶ Об утверждении Положения об аттестации на право самостоятельного производства судебной экспертизы экспертов федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации : приказ Министерства юстиции РФ от 7 октября 2014 г. № 207 (зарег. в Минюсте РФ 16.10.2014, № 34344).

²⁷ См., например: Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России : приказ МВД России от 9 января 2013 г. № 2 (вместе с «Положением об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и о порядке пересмотра уровня их профессиональной подготовки в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Положением о Центральной экспертно-квалификационной комиссии Министерства внутренних дел Российской Федерации») : (зарег. в Минюсте России 19.04.2013, № 28236).

²⁸ Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности : приказ ФСБ РФ от 23 июня 2011 г. № 277 (зарег. в Минюсте РФ 06.09.2011, № 21744).

²⁹ О стандартизации в Российской Федерации : федер. закон РФ от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ (вступ. в силу 29.09.2015).

³⁰ Приказ Росстандарта от 13 мая 2015 г. № 561.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Галяшина Е. И., доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры судебных экспертиз Института судебных экспертиз, заместитель заведующего кафедрой, академик Российской академии естественных наук

E-mail: egalyashina@gmail.com
Тел.: 8-499-244-85-10

Moscow State Legal University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Galyashina E. I., Doctor of Legal Sciences, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Forensic Expertises Department of the Forensic Expertise Institute, Head of the Forensic Expertises Department, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

E-mail: egalyashina@gmail.com
Tel.: 8-499-244-85-10

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО ОСМОТРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОДДЕЛКОЙ ДЕНЕЖНЫХ БИЛЕТОВ БАНКА РОССИИ

А н н о т а ц и я: в статье рассматриваются тактические особенности осмотра места происшествия и осмотра документов, проводимых в ходе расследования преступлений, связанных с подделкой денежных билетов Банка России, анализируются существующие проблемы, возникающие при их производстве, предлагаются пути их разрешения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фальшивомонетничество, поддельные денежные билеты, осмотр места происшествия, осмотр документов.

TACTICAL PARTICULAR INVESTIGATIVE EXAMINATION IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO COUNTERFEIT BANKNOTES THE BANK OF RUSSIA

A b s t r a c t: the article deals with tactical features of crime scene investigation and examination of documents held in the investigation of crimes related to counterfeit banknotes the Bank of Russia, analyzes the existing problems in their production, the ways of their solution.

Key words: counterfeiting, counterfeit banknotes, inspection of the scene, inspection of documents.

Поступила в редакцию 1 июля 2016 г.

Несмотря на большое количество публикаций по процессуальным особенностям и тактике проведения следственного осмотра, на практике следователи допускают немало ошибок различного характера при производстве данного следственного действия. На наш взгляд, основная причина заключается в недостатке методических рекомендаций по проведению следственных действий при расследовании конкретного криминалистического вида (видов) преступлений. В большинстве из них приводятся общие рекомендации организационно-тактического характера по производству осмотра места происшествия и осмотру отдельных объектов без проецирования этих рекомендаций сквозь призму специфич-

ных особенностей рассматриваемой категории преступлений.

В связи с этим рассмотрим организационно-тактические и технико-криминалистические особенности проведения следственного осмотра при расследовании преступлений, связанных с подделкой денежных билетов Банка России.

Основными видами следственного осмотра, проводимого при расследовании преступлений, связанных с подделкой денежных билетов Банка России, являются осмотр места происшествия и осмотр предметов и документов.

До недавнего времени при производстве следственного осмотра одним из процессуальных требований было участие понятых. В результате изменений уголовно-процессуального законодательства, произошедших в 2013 г.,

уменьшено количество следственных действий, при проведении которых обязательно участие понятых. Не все ученые одобряют изменения законодательства, касающиеся участия понятых при проведении следственных действий. По их мнению, участие понятых во многом гарантирует объективность производства следственных действий, помогает обеспечить беспристрастность их производства, процессуально закрепить именно ту обстановку и те обстоятельства, которые происходили в реальной действительности, исключить незаконную фиксацию в протоколе следственного действия выгодных как стороне обвинения, так и стороне защиты фактов и событий¹.

Отметим доводы сторонников реформирования института понятых. Во-первых, замена понятых технической фиксацией значительно упрощает процесс проведения следственных осмотров. Например, следователю нет необходимости искать понятых каждый раз для участия в производстве осмотров предметов (документов) с целью приобщения в качестве вещественных доказательств. Учитывая, что таких осмотров в ходе расследования уголовных дел у следователей предостаточно, замена понятых фотосъемкой при производстве следственного действия сэкономит значительное количество времени. Во-вторых, нередко возникают случаи, когда понятых невозможно найти, например в удаленных от населенных пунктов местах или поздней ночью. В-третьих, понятые в силу своей некомпетентности не могут оценить законность, целесообразность и объективность следственного осмотра, не понимают смысла происходящего, в большинстве случаев безоговорочно верят следователю².

С нашей точки зрения, проведение осмотра места происшествия при расследовании рассматриваемой категории преступлений целесообразно проводить

с участием понятых. Осмотр места происшествия – следственное действие неповторимого характера. Соответственно, главная цель участия понятых – удостоверение факта обнаружения банкнот, их описания и, главное, их изъятия и упаковки для дальнейшего исследования. Участие понятых в осмотре места происшествия исключит, например, версии о том, что денежные билеты могли быть подкинута следователем или другими участниками следственного действия и/или что на исследование поступили не те денежные билеты, которые были обнаружены.

В то же время проведение осмотра изъятых ранее денежных билетов можно проводить без участия понятых с заменой на технические средства фиксации хода и результатов следственного действия, в частности, с применением цифровой фотосъемки, так как данное следственное действие в основном носит формальный характер и проводится следователем с целью признания денежного билета вещественным доказательством и приобщения к уголовному делу.

Анализ уголовных дел по преступлениям, связанным с подделкой денежных билетов Банка России, показал, что в большинстве случаев по итогам данных осмотров мест происшествия следователем изымались лишь денежные билеты и в некоторых случаях иные документы (платежные квитанции, чеки и т.д.). Следователи и специалисты не предпринимают целенаправленных действий, направленных на поиск различных дактилоскопических, трасологических (следов обуви, автотранспортных средств и т.д.), биологических следов, микрочастиц, не изымаются видеозаписи с камер наружного наблюдения. На наш взгляд, недостаток комплексного изъятия различных следов при осмотре места происшествия по факту сбыта поддельного денежного

билета можно объяснить следующими причинами.

В первую очередь самая очевидная причина – отсутствие специалиста при осмотре места происшествия. Согласно ст. 58 УПК РФ специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию. Для участия в производстве следственных действий в качестве специалистов могут привлекаться как должностные лица государственных экспертных учреждений, так и любые другие лица, обладающие необходимыми специальными знаниями в соответствующей области и работающие по специальности в государственном либо ином учреждении³. Таковыми, в случае необходимости, могут являться работники кредитно-финансовых организаций, специалисты банков. По изученным нами уголовным делам специалист принимал участие в осмотре места происшествия лишь в трети случаях. При этом в проанализированных нами уголовных делах в качестве специалиста привлекались только эксперты-криминалисты МВД России. Следовательно не практикуется привлечение специалистов банков к участию в следственном действии, даже если привлекается эксперт-криминалист в качестве специалиста. Участие соответствующего специалиста позволит провести квалифицированный осмотр денежного билета и исключить возможность необоснованного изъятия подлинных денежных билетов, имеющих некоторые отличия

от легитимных банкнот⁴. Среди изымаемых купюр с признаками подделки нередко встречаются подлинные купюры, подвергшиеся воздействию агрессивных сред (например, стиральный порошок), обветшавшие от длительного использования, бракованные денежные билеты и т.д. В качестве специалиста при производстве осмотров, связанных с обнаружением денежных билетов с признаками подделки, нами рекомендуется привлекать эксперта-криминалиста, имеющего допуск на право самостоятельного производства технико-криминалистических экспертиз документов. Задача специалиста при осмотре места происшествия не только обнаружить, зафиксировать и изъять комплекс различных следов, но и выявить и зафиксировать признаки подделки денежного билета, что далеко не всегда может качественно осуществить привлекаемый в качестве специалиста эксперт-криминалист с небольшим стажем работы и не имеющий такой допуск.

Необходимо отметить, что участие в качестве специалиста эксперта-криминалиста далеко не всегда приводило к изъятию каких-либо следов. Зачастую работа специалиста ограничивалась фотосъемкой места происшествия и денежного билета. Одной из причин низкого уровня изъятия дактилоскопических и биологических следов в ходе осмотров мест происшествия необходимо отметить невозможность эффективного использования современных методов и средств изъятия потожировых следов с поверхности бумаги в полевых условиях. В специальной литературе рекомендуется изымать следы рук с поверхности бумажных объектов в лабораторных условиях химическими методами, позволяющими выявить и зафиксировать потожировые следы большой давности, например при помощи раствора нингидрина, азотно-кислого серебра и др. Практика пока-

зывает, что дактилоскопические следы, образованные лицами, изготовившими поддельные денежные билеты или сбывающими их умышленно, выявляются на изъятых фальсификатах крайне редко. Это связано с тем, что большинство поддельных денежных билетов с момента сбыта злоумышленниками до момента выявления неоднократно переходят «из рук в руки» и, соответственно, с небольшой долей вероятности сохраняют на себе дактилоскопические следы преступников. При этом с биологическими следами ситуация несколько лучше.

Большинство поддельных денежных билетов Банка России изготавливается на двухслойной бумаге, на внутренних сторонах которой «пропечатываются» имитации отдельных элементов защиты, таких как водяные знаки, полимерные нити и т.д. Благодаря этому, потожировое вещество на внутренних сторонах бумаги поддельных денежных билетов может сохраняться и оставаться пригодным для исследования и идентификации лица, его оставившего, длительное время, вне зависимости от количества «владельцев» купюр. Поэтому поиск, фиксацию и изъятие дактилоскопических и биологических следов на денежном билете целесообразно проводить не на месте происшествия, а в лабораторных условиях. При этом нельзя забывать, что источником дактилоскопических и биологических следов в ходе осмотра места происшествия может являться не только денежный билет.

Методическими рекомендациями предусмотрена необходимость упаковывать объекты-носители биологических следов в бумагу или картон⁵. В полимерной упаковке резко увеличиваются деструктивные воздействия на следы биологического происхождения. Соответственно, и денежные билеты с признаками подделки, изъятые при осмотре места происшествия, необходимо упаковывать

в бумажные конверты для сохранности потожировых следов. К сожалению, на практике нередки случаи упаковки денежных билетов в полимерные пакеты, что сильно снижает шансы на успешное проведение биологической экспертизы. Кроме того, если изымается несколько денежных билетов, то необходимо их упаковывать в отдельные конверты.

При производстве следственных осмотров при расследовании преступлений, связанных с подделкой денежных билетов, особое внимание необходимо уделять описанию банкнот. Анализ уголовных дел по рассматриваемой категории преступлений показал, что следователи ненадлежащим образом описывают денежные билеты, ограничиваясь, как правило, указанием номинала, года выпуска образца, серии и номера. Опять же основная причина – невысокий процент участия в следственных осмотрах соответствующего специалиста. Следователи же, зачастую не владеющие специальной терминологией, ограничиваются общими сведениями о денежном билете. В протоколе следственного действия, помимо вышеуказанных данных, необходимо отражать размеры денежного билета, модификацию образца, наличие или отсутствие визуально проверяемых защитных признаков: водяных знаков, защитных нитей и волокон, микроперфорации и т.д. Обязательно надо указать наличие повреждений на денежном билете, пятен, посторонних записей и т.д. Денежный билет необходимо сфотографировать с обеих сторон по правилам масштабной фотосъемки. Кроме того, в ходе осмотра могут использоваться специальные технико-криминалистические средства для проверки подлинности денежного билета, например ультрафиолетовый осветитель, источник инфракрасного света и т.д. В этом случае в протоколе необходимо отразить дан-

ные о наличии или отсутствии защитных признаков, полученные при помощи технико-криминалистических средств, использованных при осмотре на месте их обнаружения. В протоколе необходимо указать признаки, характерные для соответствующих способов печати изображения. Выявленные признаки подделки необходимо отразить в протоколе следственного действия, при этом делать выводы о несоответствии банкноты денежным билетам, находящимся в обращении, недопустимо. О применении технико-криминалистических средств в ходе осмотра необходимо указать в соответствующем разделе протокола. На практике нередки случаи, когда следователь в протоколе следственного действия указывает лишь средства фототехники, применяемая поисковая криминалистическая техника не отражается, при этом в ходе осмотра производится поиск и изъятие различных следов. Еще одним недостатком протоколов следственных осмотров по рассматриваемой категории дел необходимо отметить отсутствие описания упаковки изымаемых объектов. В протоколе необходимо отражать вид упаковки, размерные характеристики, имеющиеся на ней записи и подписи участвующих лиц.

Наиболее трудными для следователей, как показывают различные исследования⁶, являются осмотры компьютерной техники, электронно-цифровых объектов и различных носителей электронной информации. Основными способами подделки денежных билетов Банка России являются репрографические способы, т.е. изготовление банкнот при помощи струйных принтеров и электрофотографических устройств. Соответственно, при производстве следственных действий, проводимых в месте изготовления поддельных денежных билетов, следователю необходимо осматривать персональные компьютеры, сканеры, принтеры и т.д., заниматься поиском,

фиксацией и изъятием компьютерной информации.

Обнаружение, фиксация и изъятие виртуальных следов являются одними из задач при производстве осмотра места происшествия и обыска в месте изготовления поддельных денежных билетов. Как показывает практика, следователь не обладает достаточно глубокими навыками и знаниями в области компьютерной техники и информации. Во многом, это связано с тем, что в образовательной системе МВД России не осуществляется подготовка следователей, специализирующихся на расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. Подготовка же следователей существующих специальностей, по которым проводится обучение в образовательных организациях, не дает удовлетворяющего потребностям практики объема знаний в данной области.

Лицо, осматривающее компьютерную технику в ходе следственного действия, должно не только иметь соответствующую квалификацию, но и осознавать суть основных процессов, происходящих в компьютерной системе. Для правильного обращения с электронными носителями информации в процессе изъятия и хранения участнику следственного действия необходимо не только уверенно ориентироваться во всем их многообразии, но и понимать физические принципы записи, хранения и удаления информации для каждого типа носителя. Предъявление перечисленных требований к следователю может оказаться чрезмерным, даже при условии его предварительной специальной подготовки⁷.

И потому без помощи специалиста, следователь при производстве осмотра компьютерной техники, поиска и изъятия виртуальных следов может совершить неисправимые в дальнейшем ошибки. При этом, привлекая специалиста для участия в следственном действии,

следователю необходимо убедиться в его компетентности. Как верно отмечает О. Я. Баев, «несмотря на распространенное противоположное мнение, общего понятия «специалист по компьютерной технике» не существует. Можно говорить лишь о том, что есть специалист, компетентный в конкретных компьютерных системах»⁸. Соответственно, необходимый профиль знаний конкретного специалиста следует определять в зависимости от специфики объекта осмотра с учетом первоначальных данных о характере преступления.

Наиболее распространенная практика при производстве осмотра компьютерной техники – привлечение в качестве специалиста эксперта-криминалиста, имеющего допуск на право самостоятельного производства судебно-компьютерных экспертиз. В связи с этим при производстве осмотра места происшествия и обыска места изготовления поддельных денежных билетов нами рекомендуется привлечение в качестве специалиста(ов) эксперта(ов)-криминалиста(ов), имеющего(их) допуски на право самостоятельного производства технико-криминалистической экспертизы документов и судебно-компьютерной экспертизы. В этом случае гарантируется максимальная эффективность данного следственного действия.

Проведению следственного действия, связанного с осмотром и изъятием компьютерной техники, электронных носителей информации, должна предшествовать специальная подготовка. На этапе подготовки необходимо с участием специалистов проанализировать информацию о технологических особенностях функционирования компьютерных сетей, используемых средствах связи и телекоммуникации во избежание их разрушения, нарушения технологического режима их нормального функционирования, уничтожения доказательств. При

поиске криминалистически значимой информации следователь должен учитывать, что в последние годы все большее распространение получает хранение компьютерной информации в так называемых облачных хранилищах, расположенных на удаленных сетевых серверах.

Внутренние накопители на жестких магнитных дисках (НМЖД), установленные в персональные компьютеры, а также другие носители электронной информации могут содержать следующую информацию, представляющую интерес для следователя:

- изображения денежных билетов или их фрагментов;
- специальное программное обеспечение, предназначенное для обработки графических изображений;
- специальную литературу по полиграфическим и репрографическим способам печати, способам подделки денежных билетов и т.д.;
- электронную корреспонденцию участников преступления, касающуюся его организации и исполнения;
- иную информацию, представляющую интерес для следствия.

Следователю необходимо знать, что к изменению или уничтожению компьютерной информации, представляющей интерес для расследования, может привести работа на клавиатуре компьютера, отключение его электропитания или разрыв соединения между ним и периферийным оборудованием, сервером локальной сети или каналом связи. Поэтому если на момент производства следственного действия компьютерная техника была включена или выключена, то она должна оставаться в таком состоянии до момента окончания ее осмотра специалистом⁹.

Как правило, осмотр НМЖД и других носителей электронной информации с целью выявления вышеуказанной ком-

пьютерной информации требует продолжительного времени. По этой причине такой осмотр чаще всего не производится на месте происшествия, следовательно изымает данные носители для их дальнейшего осмотра и исследования в лабораторных условиях. Помимо электронных носителей информации изъятию подлежат печатающие устройства: струйные принтеры, электрофотографические устройства, сканеры. Необходимо изъять и найденные в ходе осмотра запасные картриджи для принтеров (для струйных принтеров это картриджи с различными цветами), чернила для заправки кар-

триджей струйного принтера, тонер для заправки картриджа электрофотографического устройства. Компьютерную технику по возможности необходимо упаковать в специальную упаковку предприятия изготовителя. При ее отсутствии технику следует упаковать в деревянные либо картонные коробки, используя для внутренних перегородок упругий материал, в качестве которого можно использовать пенопласт или толстые слои бумаги. Техника должна находиться в упаковке в неподвижном состоянии с целью ее сохранности при дальнейшей транспортировке.

¹ См.: *Петров А. В.* Участие понятых в уголовном процессе. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: *Мигаль С. Д.* Об отмене института понятых в уголовном процессе Российской Федерации // *Вестник ТвГУ. Сер.: Право.* 2013. Вып. 34. С. 249.

³ См.: *Данилова И. С.* Особенности участия специалиста в досудебном уголовном производстве. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: *Пузанков Д. В.* Технично-криминалистическое обеспечение расследования и предупреждения фальшивомонетничества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 16–17.

⁵ См.: *Соболевская С. И.* Работа с биологическими следами на месте происшествия // *Концепт.* 2014. № S29. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14844.htm> (дата обращения: 15.06.2016 г.).

⁶ См.: *Сумникова О. Г.* Методика расследования изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 108 ; *Козлов В. Е.* Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью. М., 2002. С. 179.

⁷ См.: *Осипенко А. Л., Гайдин А. И.* Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации // *Вестник Воронежского института МВД России.* 2014. № 1. С. 159.

⁸ *Баев О. Я.* Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него : науч.-практ. пособие. М., 2003. С. 124.

⁹ См.: *Вехов В. Б., Попова В. В., Илюшин Д. А.* Тактические особенности расследования преступлений в сфере компьютерной информации : науч.-практ. пособие. М., 2004. С. 59.

*Воронежский институт
МВД России*

Звягин И. С., преподаватель кафедры
криминалистики

E-mail: patronzv@mail.ru

Тел.: 8 (473) 200-53-11

*Voronezh Institute of the Ministry
of the Interior of Russia*

Zvyagin I. S., Lecturer of the Criminalistics
Department

E-mail: patronzv@mail.ru

Тел.: 8 (473) 200-53-11

ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ПЕРЕД ПРОВЕДЕНИЕМ ОПОЗНАНИЯ ПО ВИДЕОИЗОБРАЖЕНИЯМ

Аннотация: статья посвящена рассмотрению особенностей проведения допроса, предшествующего предъявлению для опознания живых лиц, внешний облик которых запечатлен на видеоизображениях. Особое внимание акцентировано на привлечении специалиста при проведении данного следственного действия.

Ключевые слова: допрос, предъявление лица для опознания, видеоизображение, внешний облик человека, специалист.

FEATURES OF INTERROGATION BEFORE CARRYING OUT THE IDENTIFICATION ACCORDING TO VIDEO IMAGES

Abstract: article is devoted to consideration of features of conducting the interrogation preceding presentation for an identification of living persons whose appearance is imprinted on video images. The special attention is accented on involvement of the expert when carrying out this investigative action.

Key words: interrogation, presentation of the person for an identification, video image, person appearance, expert.

Поступила в редакцию 13 сентября 2016 г.

Одним из обязательных элементов подготовительного этапа предъявления лица для опознания по видеоизображениям является допрос опознающего лица, которому необходимо предъявить видеозапись. По нашему мнению, внесение соответствующих изменений в ч. 5 ст. 193 УПК РФ, которые будут предусматривать возможность предъявления лица для опознания по видеоизображению, а также учет криминалистических особенностей позволят более эффективно использовать информацию о внешнем облике человека при раскрытии и расследовании преступлений¹. Нам представляется, что предъявление лица для опознания по видеоизображениям возможно осуществлять следующими способами:

– с помощью «фейсменеджера», представляющего собой изображение человека (в полный рост, по пояс или погрудно) на экране компьютера;

– путем предъявления для опознания одной видеозаписи в случае, когда опознаваемый изображен с несколькими лицами, чья внешность схожа с его;

– путем изготовления еще не менее двух видеоизображений, на которых должны быть запечатлены лица, не имеющие существенных и ярких (броских) отличий от опознаваемого;

– с помощью «экспериментальных видеоизображений», т.е. тех, которые будут демонстрироваться непосредственно в ходе опознания с соблюдением условий, при которых опознающий наблюдал предъявляемое ему лицо для опознания;

– способом прямой видеотрансляции.

В соответствии с ч. 1 ст. 193 УПК РФ следователь может предъявить лицо или предмет для опознания свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому. Специально допрос может и не проводиться, так как все необходимые для предъявления для опознания сведения могут быть выяснены в ходе первичного допроса, однако, как представляется, чтобы избежать различного рода ошибок, допрос перед опознанием все же целесообразно произвести. Его главное отличие заключается в цели проведения. Непосредственно перед опознанием допрос направлен на актуализацию мысленного образа допрашиваемого, а также на грамотное, полное и адекватное описание комплекса признаков внешнего облика человека, по которым может быть опознано предъявленное ему лицо.

В рамках допроса лицо рассказывает об известных ему обстоятельствах уголовного дела и излагает следователю все необходимые сведения. При этом вначале допрашиваемому задаются вопросы общего характера², касающиеся:

– места наблюдения (по возможности адрес места, а также конкретная часть пространства: помещение, жилище, улица, проезжая часть, окно дома и т.п.);

– времени наблюдения (числовой показатель и показатель относительно светового времени суток);

– условий восприятия (характер освещения, дистанция, погодные условия);

– состояния допрашиваемого лица, при котором происходило наблюдение за объектом, в том числе не имеется ли у данного лица каких-либо отклонений или расстройств психики, дефектов в восприятии окружающей действительности органами чувств (например, искажение цветовых характеристик объекта); данные вопросы при необходимости

могут быть решены в рамках назначения судебно-психологической или судебно-психиатрической экспертиз.

Наряду с общими вопросами следователю необходимо задавать вопросы специального характера, касающиеся элементов внешнего облика наблюдаемого человека, которые должны включать в себя следующие характеристики:

1) может ли допрашиваемый (в последующем опознающий) опознать лицо по признакам внешнего облика в случае его предъявления для опознания по видеоизображению;

2) по каким конкретно признакам допрашиваемый может опознать предъявленное ему лицо на видеоизображении:

а) комплексным (антропологическому типу, росту, телосложению, возрасту);

б) анатомическим (форме головы, общей конфигурации лица, волосяному покрову головы, особенностям кожного покрова, признакам бровей, глаз, носа, подбородка и др.);

в) функциональным (походке, жестикуляции, мимике, артикуляции, осанке, манерам поведения);

г) сопутствующим (одежде, различным аксессуарам и т.д.).

Так, проанализировав материалы следственной практики СЧ ГСУ ГУ МВД России по Московской области, касающейся предъявления для опознания с 2010 по 2015 г. (по опросу 110 следователей СЧ ГСУ и районных следователей ГУ МВД России по Московской области), мы пришли к выводу о том, что чаще всего удается опознать лицо по следующим признакам элементов внешности (как в натурном виде, так и по фотографии):

а) комплексные: антропологический тип, рост, телосложение, возраст (ответило 76 % опрошенных);

б) анатомические: форма головы, общая конфигурация лица, длина и густота волосяного покрова, контур и степень

раскрытия глаз, положение век, длина спинки носа, высота и ширина подбородка, величина и оттопыренность ушных раковин, особые приметы (родинки, шрамы, искривления некоторых элементов, например искривление рта) (ответило 34 % опрошенных).

Также результаты анкетирования показали, что случаи, когда опознающий не опознавал предъявленное ему лицо, были связаны с тем, что он плохо запомнил «черты лица человека» (признаки внешнего облика человека), подозреваемый (обвиняемый) был одет таким образом, что исключало просмотр элементов его внешнего облика (шапка, куртка с капюшоном, темная маска), наблюдение лица происходило в темное время суток.

Итак, можно прийти к выводу о том, что при предъявлении для опознания конкретного лица (подозреваемого, обвиняемого) по видеоизображению должны учитываться психологические закономерности процесса восприятия опознающего человека, поскольку в восприятии внешнего облика на первый план выступают те особенности, которые приобретают для него наибольшее значение в данной ситуации, либо несут такую информацию о признаках элементов внешности опознаваемого, которая резко бросается в глаза в силу своей индивидуальности.

Наряду с этим следует отметить, что существуют проблемы, связанные с предъявлением для опознания лиц, принадлежащих к определенной антропологической группе. Потерпевшие запоминают признаки элементов внешности человека группового характера, т.е. характерные для конкретного антропологического типа. Например, для южного европеоида (кавказская группа населения) в отличие от северного и центрального характерны темная пигментация, менее выступающие скулы, относительно длинный нос с преобладанием выпуклых

спинкок, горизонтальное и нередко опущенное основание носа, густые брови и большая ширина глазной щели³. Поэтому на практике нередко случаи ошибочного опознания конкретного человека.

Так, из обстоятельств дела при производстве портретной экспертизы было известно, что по факту совершения разбоя на ломбард лицо, обвиняемое в совершении преступления, было опознано потерпевшим в результате предъявления для опознания по длинному носу, густым бровям и большой ширине глазной щели. При просмотре исследуемой видеозаписи, а также при сравнительном исследовании признаков элементов внешности человека, изображенного на ней, с образцами элементов внешнего облика обвиняемого методом сопоставления внешности объектов № 1 и № 2 были установлены различия по: наличию круглой родинки на левой щеке у исследуемого человека и ее отсутствие в образцах; отсутствию щетины у исследуемого человека и ее наличие в образцах; положению и взаиморасположению бровей; контуру и положению глазной щели; форме внутренних углов глаз; положению век; ширине переносицы; контуру спинки носа; положению основания носа; форме кончика носа; положению крыльев носа; положению углов рта; положению общего выступления губ; ширине кайм губ; контуру каймы верхней губы; ширине, контуру и положению подбородка; наличию, вероятно, круглой родинки на левой стороне шеи у исследуемого человека и ее отсутствие в образцах. Вместе с тем у сравниваемых лиц имелись совпадения в отображении признаков внешности по: полноте лица – средней полноты, соотношению высоты и ширины – среднее, чертам лица – средние, высоте бровей – средние, цвету бровей – темные, длине и степени раскрытия глазной щели – средние, степени выступления скул – большая, форме

щек – впалые, размеру рта – средний, высоте подбородка – средний.

В связи с этим полагаем, что предъявление для опознания лиц, принадлежащих к кавказской (южной европеоидной) или монголоидной антропологической группе, должно проводиться исключительно на основе индивидуализирующего комплекса признаков, включающих особенности внешности (частные признаки), которые и будут его выделять из конкретной группы людей. Поэтому следователь не должен ограничиваться какими-то определенными признаками внешнего облика и его особенностями (приметами), а результаты, полученные на допросе, должны быть проанализированы специалистом с точки зрения достаточности признаков внешности для проведения предъявления для опознания. По мнению О. А. Соколовой, необходимо постараться выделить такой комплекс признаков элементов внешнего облика ранее наблюдаемого человека, который был зафиксирован в памяти очевидца (потерпевшего или свидетеля) в виде мысленного образа⁴, так как следственной практике известны случаи несоблюдения данного правила, которые привели к отрицательным последствиям. В частности, В. А. Образцов приводит в своем курсе лекций по криминалистике один из таких примеров. В Москве был задержан студент из Нигерии по факту незаконного сбыта наркотических веществ на основе показаний одного подростка, которому первый якобы их продал. На допросе подозреваемый отрицал свою причастность к указанному преступлению. При проведении предъявления для опознания темнокожий студент был опознан по шраму, расположенному над правой бровью. Позже он пояснил, что у членов его племени такой своеобразный надрез над бровью делается в качестве символа совершения таинства, приоб-

щенного к ритуальному эзотерическому учению (инициации), при котором происходит изменение социального и возрастного статуса. Данное обстоятельство было подтверждено приглашенным представителем из посольства республики Нигерия. На основании вновь возникших обстоятельств студента, подозреваемого в совершении сбыта наркотических веществ, пришлось отпустить, принеся соответствующие извинения⁵. Приведенный случай свидетельствует о том, что следователь был сориентирован только на приметы и особенности, а не на комплекс признаков внешнего облика.

Данные вопросы может разъяснить следователю специалист как в индивидуальном порядке в рамках консультации, так и непосредственно при осуществлении допроса опознающего лица, что, наш взгляд, является наиболее приемлемым и целесообразным способом. Участие специалиста при допросе свидетеля или потерпевшего не противоречит уголовно-процессуальному законодательству и осуществляется путем разъяснения следователю вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, в соответствии с ч. 5 ст. 164 и ст. 168 УПК РФ. Деятельность специалиста в данном случае будет направлена на грамотное, полное и адекватное описание комплекса признаков внешнего облика человека опознающим лицом в соответствии со специальной терминологией и определенной последовательностью: сверху вниз от общего к частному.

Роль специалиста в ходе допроса должна сводиться к актуализации (материализации) мысленного образа допрашиваемого лица путем его предварительного изучения на основе анализа факторов возникновения, формирования и сохранения в памяти, в связи с чем целесообразнее всего использовать информационно-справочную литературу, а

также специальные альбомы, содержащие типы и элементы внешности. Специалист также должен разъяснить следователю, что видеоизображения, являясь объективными носителями информации о внешнем облике человека, преобразуют внешность человека также, как и фотоизображения, под действием целого комплекса факторов, которые необходимо учитывать при анализе признаков анатомических элементов внешности⁶:

1) факторы материальной части средств видеозаписи – функционально-технические характеристики аппаратуры для видеозаписи (разрешение, чувствительность, формат ПЗС или КМОП-матрицы, наличие автодиафрагмы, отношение сигнал/шум, система баланса белого, угол обзора камеры, оптические искажения, вызванные объективом видеокамеры);

2) факторы процесса записи видеоизображения на носителях, т.е. при которых осуществляется запись с камеры на носитель видеoinформации (вызванные процессом кодирования видеосигнала, разрешение записи, скорость записи и формат сжатия);

3) факторы условий видеозаписи, т.е. при которых осуществляется видеосъемка (направление и характер освещения, расстояние до объекта съемки, ракурс, масштаб изображения головы человека и размещения ее в кадре, положение запечатлеваемого объекта относительно видеокамеры);

4) факторы состояния внешности объекта запечатления, т.е. характеризующие объект фиксации на видеозаписи (одежда запечатлеваемого человека и его эмоциональное состояние);

5) факторы условий хранения видеозаписи, т.е. учитывающие сроки ее хранения на различных носителях (видеокассетах, оптических дисках, жестких дисках) и эксплуатации.

Таким образом, участие специалиста в допросе опознающего лица перед проведением опознания, на наш взгляд, и облегчит работу следователя, и послужит основанием для устранения определенных неясностей.

Если допрашиваемый не может назвать (описать) признаки, по которым возможно провести предъявление лица для опознания по признакам внешности, отобразившимся на видеозаписи, но утверждает, что сможет его опознать, следователь не должен отказываться от проведения данного следственного действия. В этом случае следует привлечь специалиста: он может обосновать и оценить результаты допроса, помочь допрашиваемому вспомнить и описать комплекс признаков внешности по методу словесного портрета, а также предвидеть возможные результаты опознания. Вместе с тем следует помнить, что в соответствии с ч. 2 ст. 189 УПК РФ задавать наводящие вопросы не допускается. Полагаем, что наводящим вопросом будет конкретная наводящая мысль в отношении элементов внешности, по которым допрашиваемый может опознать предъявленное ему лицо для опознания. Например, вопрос следователя: «Вы его опознали по носу?» – ответ допрашиваемого: «Да».

По нашему мнению, вопрос может быть сформулирован следующим образом: «По каким элементам внешности Вы его опознали?» Ответ допрашиваемого: «По “большому” носу». В данном случае и пригодится помощь специалиста, который поможет разъяснить: нос «большой» в зависимости от длины спинки носа или ширины.

В следственной практике также имеют место случаи введения в заблуждение опознающим лицом следователя. Так, по факту совершения разбоя на продуктовый магазин в качестве свидетеля

был допрошен мужчина, который описал преступника и сказал, что сможет его опознать по признакам внешности⁷. После проведения допроса потерпевшего (продавца магазина), были установлены существенные противоречия в его показаниях и показаниях ранее допрошенного свидетеля. Было принято решение о проведении очной ставки между потерпевшим и свидетелем, в результате которой было установлено, что свидетель является пособником в совершении данно-

го преступления, который ввел в заблуждение следствие. Поэтому следователю необходимо проверять показания ранее допрошенных лиц, используя видеозапись в качестве средства фиксации, хотя это и не всегда может приводить к желаемым результатам.

Таким образом, от того, насколько эффективным будет проведение допроса перед предъявлением для опознания, будут зависеть и результаты самого опознания.

¹ См.: Ильин Н. Н. Предъявление лица для опознания по видеоизображениям : тактические особенности // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 2. С. 75–81.

² См.: Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика : учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010. С. 438.

³ См.: Портретная экспертиза : учеб.-практ. пособие / под ред. А. М. Зинина. М., 2004. С. 68.

⁴ См.: Соколова О. А. Об использовании данных габитологии при предъявлении для людей // Вестник криминалистики. 2006. Вып. 1 (17). С. 66.

⁵ См.: Образцов В. А. Криминалистика : курс лекций. М., 1996. С. 281.

⁶ См.: Ильин Н. Н. Факторы, влияющие на отображение анатомических элементов внешнего облика человека, запечатленных на видеозаписи // Энциклопедия судебной экспертизы. М., 2015. № 5.

⁷ По уголовному делу №113560, возбужденному 26 августа 2012 г. по ч. 2, 3 ст. 162 УК РФ.

*Московская Академия Следственного
комитета Российской Федерации*

Ильин Н. Н., кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
криминалистики

E-mail: Nick703@yandex.ru
Tel.: 8-916-133-18-16

*Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation*

Ilyin N. N., Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer of the Criminalistics
Department

E-mail: Nick703@yandex.ru
Tel.: 8-916-133-18-16

В. Н. Исаенко

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
(МГЮА)*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОКУРОРА И СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, КАК ПРИНЦИП МЕТОДИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ

А н н о т а ц и я: в статье рассматривается взаимодействие прокурора и сотрудников подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, как принцип методики поддержания государственного обвинения, находящийся в генетической связи с аналогичным принципом криминалистической методики расследования. Высказывается мнение о необходимости нормативного правового закрепления полномочия прокурора по направлению поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий и представлении ему результатов оперативно-розыскной деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: методика поддержания обвинения, криминалистическая методика расследования, взаимодействие, принципы, оперативно-розыскная деятельность.

THE INTERACTION OF THE PROSECUTOR AND STAFF OF THE UNITS ENGAGED IN THE OPERATIONAL- SEARCH ACTIVITY AS A PRINCIPLE TECHNIQUES OF PUBLIC PROSECUTIONS

A b s t r a c t: the article discusses the interaction of the prosecutor and staff of the units engaged in the operational-search activity, as the principle methods of maintenance of the state charge which is in genetic linkage with the same principle forensic methods of investigation. It has been argued the necessity of normative legal fixing of the powers of the prosecutor in the direction of instructions on carrying out operatively-search actions and the representation of results operatively-search activity.

Key words: methods of supporting the prosecution, forensic methods of investigation, interaction, principles, operational-search activity.

Поступила в редакцию 29 ноября 2016 г.

Поддержание государственного обвинения в суде – важное направление прокурорской деятельности, представляющее собой продолжение уголовного преследования, начатого в досудебном производстве против лица или группы лиц. Методика поддержания государственного обвинения представляет со-

бой систему научно обоснованных и положительно апробированных практикой рекомендаций, использование которых предназначено для оптимального выполнения прокурором комплекса действий по подготовке к участию в рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции и непосредственному выполнению этой деятельности. Системный характер поддержания обвинения обу-

словливает его осуществление не только в определенной последовательности, но и в соответствии с рядом принципов. Эти принципы представляют собой совокупность как закрепленных в уголовно-процессуальном законе, так и базирующихся на положениях научной организации труда, психологии, теории игр и других сфер научного знания, а также выработанных практикой условий, соблюдение которых призвано обеспечивать оказание прокурором содействия суду в вынесении законного, обоснованного и справедливого приговора. При этом действие указанных принципов распространяется не только на участие прокурора в рассмотрении судом уголовного дела по существу, но и на этап его подготовки к судебному разбирательству. Поэтому полагаем, что в качестве принципов методики государственного обвинения следует рассматривать систематизированную совокупность основных и обязательных условий выполнения прокурором – государственным обвинителем возложенной на него функции по подготовке и осуществлению уголовного преследования в суде первой инстанции.

Будем придерживаться мнения о существовании двухуровневой системы названных принципов, в которой они разделяются на: а) относящиеся к подготовительному этапу деятельности государственного обвинителя; б) определяющие характер его действий непосредственно в ходе судебного разбирательства. В их качестве следует рассматривать следующие положения:

1. Обусловленность методики государственного обвинения предметом и пределами доказывания по рассматриваемому судом уголовному делу, определяемыми содержанием предъявленного подсудимому обвинения.

2. Заблаговременность, полнота, всесторонность, объективность изучения

прокурором – государственным обвинителем уголовного дела, по которому ему предстоит поддерживать государственное обвинение.

3. Достаточность содержащихся в уголовном деле доказательств для обоснования выводов о преступном характере деяния, в связи с которым ведется уголовное судопроизводство, о совершении этого деяния подсудимым и его виновности в этом деянии, а также об установлении иных обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела судом.

4. Наличие у государственного обвинителя сформировавшегося внутреннего убеждения в подтверждении перечисленных обстоятельств в досудебном производстве по уголовному делу доказательствами, соответствующими критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

5. Взаимодействие прокурора – государственного обвинителя со следователем, в производстве которого находилось уголовное дело, взаимодействовавшими с ним сотрудниками подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также с потерпевшим, свидетелями обвинения, экспертами, специалистами в процессе подготовки к участию в судебном разбирательстве.

6. Планирование участия в судебном процессе, включая предварительное слушание, судебное следствие, прения сторон, а также определение очередности исследования доказательств обвинения и тактики их представления суду, участия в отдельных процессуальных действиях в рамках судебного следствия на основе прогнозирования ситуаций, могущих возникнуть на этом этапе судебного разбирательства.

7. Своевременное и соответствующее характеру возникшей или изменившейся

ситуации судебного следствия реагирование на нее, в том числе связанное с использованием процессуальных возможностей, перечисленных в ч. 1 ст. 271 УПК РФ, для проработки варианта действий по нейтрализации неблагоприятной ситуации и ее трансформирования в благоприятную.

8. Активность в исследовании представленных суду доказательств обвинения, а также доказательств, представленных стороной защиты, принципиальное реагирование на попытки безосновательно подвергнуть сомнению доказательства обвинения, на другие незаконные и неэтичные действия защиты.

9. Максимальное использование процессуальных возможностей исследования обстоятельств предмета доказывания по предъявленному подсудимому обвинению и других связанных с ними обстоятельств, имеющих значение для законного и обоснованного разрешения уголовного дела судом.

10. Объективность совокупной оценки доказательств, исследованных в судебном следствии по его окончании, с точки зрения доказанности и принятия решения о возможности выступления в судебных прениях с обвинительной речью.

Ранее нами подчеркивалась необходимость государственного обвинителя следовать отдельным принципам как при подготовке к судебному разбирательству, так и при участии в нем. Этими принципами являются: взаимодействие с участниками досудебного производства со стороны обвинения; взаимодействие с сотрудниками подразделений, осуществляющих ОРД; планирование и прогнозирование; объективность¹. Представляется целесообразным сосредоточить внимание на таком принципе, как взаимодействие прокурора – государственного обвинителя с сотрудниками подразделений, осуществляющих оперативно-ро-

зыскную деятельность. Данный принцип находится и в числе принципов криминалистической методики расследования преступлений, по отношению к которой методика поддержания государственного обвинения носит преемственный характер, различаясь при этом как по компонентам, так и по условиям осуществления. О. Я. Баев обоснованно отмечает: «...Государственный обвинитель в судебном разбирательстве уголовных дел разрабатывает всего лишь две версии: сформулированную следователем в обвинительном заключении, утвержденном прокурором, и контр-версию стороны защиты, направленную на опровержение (полное или частичное) обвинительного тезиса»². В структуре методики поддержания государственного обвинения отсутствует такой компонент, как система следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление лица, совершившего преступление без очевидцев. Государственное обвинение всегда направлено против известного лица, которому предъявлено обвинение в преступлении. Тем не менее и методика расследования, и методика поддержания базируются на принципе взаимодействия должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование и уголовное преследование в суде, с соблюдением принципов их взаимодействия с оперативно-розыскными службами.

Практика подтверждает необходимость такого взаимодействия, обеспечивающего получение прокурором важной информации, способствующей выработке им оптимальной тактики своего участия в судебном следствии, получению данных об определенных личностных характеристиках подсудимых, их поведении в судебном заседании, намерении оказать через посредников воздействие на потерпевших или свидетелей, оказать иное противодействие обвинению и т.д.

Вместе с тем обращает на себя внимание ряд не вполне поддающихся объяснению шагов законодателя и руководителей правоохранительных органов по ограничению доступа прокурора к материалам ОРД, которые могут быть активно и продуктивно использованы при поддержке государственного обвинения. Ни уголовно-процессуальный закон, ни Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в их современной редакции не предусматривают права прокурора давать поручения органам, осуществляющим ОРД, а также не предусматривают обязанности их сотрудников представлять прокурору ее результаты. Прокурор не входит в число руководителей федеральных структур, подписавших приказ о введении в действие Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (утверждена приказом МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/182 0/43/535/398/68). Эта инструкция не называет прокурора в числе адресатов представления результатов ОРД, несмотря на активное (и, отметим, весьма результативное) использование оперативных данных в решении задач поддержания государственного обвинения.

О. Я. Баев отмечает некоторые странности в содержании уголовно-процессуального закона, ставящие прокурора, осуществляющего надзор в досудебном производстве, в униженное положение по отношению к должностным лицам органов расследования. Речь идет о не поддающемся осмыслению требовании о направлении прокурором мотивированного запроса о представлении ему уголовного дела, в связи с чем воз-

никает резонный вопрос о том, кто является субъектом подобной оценки. Авторитетный ученый верно отмечает, что на практике это положение справедливо игнорируется³. Точно так же игнорируется и фактически существующий запрет на представление результатов ОРД прокурору – государственному обвинителю. В судебных стадиях уголовного судопроизводства прокурор – единственный его участник со стороны обвинения, продолжающий деятельность по изобличению совершившего преступление лица. Лишение выполняемой им деятельности оперативно-розыскной поддержки явно не способствует решению им задачи максимально полного использования процессуальных и непроцессуальных (в то же время не противоречащих уголовно-процессуальному закону) возможностей в исследовании в ходе судебного следствия обстоятельств инкриминированного подсудимому преступления и его виновности в этом преступлении.

В связи с изложенным полагаем безусловно необходимым внесение в Уголовно-процессуальный кодекс, в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и в Инструкцию о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности положений, предоставляющих прокурору полномочия давать органам дознания поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий и быть адресатом их представления.

Как бы то ни было, но состязательный характер судебного процесса не исключает действий стороны обвинения и защиты по получению дополнительных сведений по схеме, избираемой ими без получения на то согласия другой стороны с последующим представлением полученных сведений суду для исследования в процессуальном порядке. Сложно представить, что при возникновении не-

обходимости установления определенных обстоятельств оперативно-розыскным путем прокурор – государственный обвинитель заявляет суду ходатайство о направлении соответствующего поручения в орган дознания. Сразу возникает аналогия с действиями древнерусского князя, посылавшего своим противникам сообщение «иду на вы». Каждая сторона, исходя из тактических соображений, предпочитает не раскрывать характер своих действий, чтобы заранее не обречь себя на неудачу. Поэтому ни прокурор, ни защитник не стремятся оказаться в ситуации, раскрывающей их намерения, в чем и заключается один из аспектов состязательности при условии отсутствия злоупотребления правом ее участниками.

Взаимодействие прокурора – государственного обвинителя и сотрудников

подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность – устоявшаяся и положительно апробированная практика криминалистического (поискового) подхода к выполнению функции уголовного преследования в суде. Представляется, что данному взаимодействию следует придать официальный характер. Осуществление правосудия и участие в его осуществлении – одно из направлений правоохранительной деятельности, отличительным признаком принципов которой является их закрепление в законе. Поэтому очевидна необходимость устранения пробелов в правовом регулировании рассматриваемого взаимодействия, что будет дополнительно способствовать приведению законодательства в соответствие с реалиями правоохранительной практики.

¹ *Исаенко В. Н.* Методика поддержания государственного обвинения (понятие, принципы, содержание). М., 2011. С. 87–89.

² *Баев О. Я.* Прокурор как субъект уголовного преследования : науч.-практ. пособие. М., 2006. С. 83.

³ *Баев О. Я.* О путях разрешения некоторых «конвергенционных» проблем отечественного уголовно-процессуального права // Библиотека криминалиста. 2015. № 5 (22). С. 42.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Исаенко В. Н., профессор кафедры судебно и прокурорско-следственной деятельности, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ
E-mail: viach.isaencko2010@yandex.ru

Moscow State Legal University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Isayenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Judicial and Procuratorial and Investigative Activities Department, Professor of the Prosecutorial Supervision Over Implementation of Laws in the Operational-search Activities and Prosecutor Participation in Criminal Proceedings Department of the Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation
E-mail: viach.isaencko2010@yandex.ru

И. М. Комаров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ВЕРСИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ И ЕЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПЛАНИРОВАНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: в статье рассмотрены частные вопросы, связанные с выдвижением следователем версий производства отдельных следственных действий и их значением для планирования следственной деятельности при расследовании преступлений.

Ключевые слова: следственная версия, следственное действие.

VERSION INVESTIGATION AND ITS ORGANIZATIONAL RELEVANT FOR PLANNING THE INVESTIGATION OF CRIMES

Abstract: the article deals with specific issues related to the extension of the investigator versions of certain investigative actions and their importance to planning investigative activities during the investigation of crimes.

Key words: investigation version investigative action.

Поступила в редакцию 12 сентября 2016 г.

Проблемы следственных версий и их использование в целях организации и планирования расследования преступлений всегда были актуальными для криминалистических исследований на том основании, что правоприменитель в любых ситуациях расследований не может игнорировать данные инструменты установления истины, так как они и обеспечивают рефлексивное управление расследованием, и, в конечном итоге, способствуют и позволяют объективно установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Теоретические аспекты следственных версий, организации и планирования на их основе расследования преступлений давно находятся под пристальным вниманием криминалистов. Начало разработки учения о криминалистиче-

ской версии и планировании расследования преступлений и судебного разбирательства по уголовному делу отечественная криминалистика связывает с именем В. И. Громова. В специальной литературе советского периода первые рекомендации по планированию расследования и построению умозаключений при работе с доказательствами были сделаны Н. В. Крыленко («Дознание и предварительное следствие (теория и техника расследования преступлений)»). Термин «версия», по нашим данным, впервые был употреблен авторами учебника по криминалистике 1935 г. Они не рассматривали логическую природу версии и ограничивались указаниями на то, что версии лежат в основе плана расследования и выдвигаются на втором этапе расследования – после проведения первоначальных следственных действий, если с их помощью следователь «все же не по-

лучает определенных указаний о личности и местонахождении преступника»¹. По мнению авторов учебника, перечень следственных действий, необходимых для проверки версии, образует собой план расследования². В учебнике криминалистики 1938 г. раздел «Планирование расследования» принадлежит перу С. А. Голунского. В нем он привел рекомендации, связанные с умением пользоваться версиями расследования. Однако учебники криминалистики и другие криминалистические исследования указанного периода не содержали определения понятия «версия». Первое определение было дано Б. М. Шавером: «Под версией понимается основанное на материалах дела предположение следователя о характере расследуемого преступления, мотивах, в силу которых оно совершено, и лицах, которые могли совершить преступление»³. Следуя традициям первого периода развития советской криминалистики, Б. М. Шавер рассматривал вопросы, относящиеся к основаниям и содержанию версии, в неразрывной связи с рекомендациями по планированию расследования и считал разработку версии началом составления плана расследования.

Послевоенные работы криминалистов продолжили исследование вопросов, связанных с версиями в контексте планирования предварительного расследования преступлений. Так, Т. М. Арзуманян определил версию как основанное на фактах предположение следователя, исследование которого может обеспечить раскрытие преступления и изобличение преступника⁴. Значение версии для предварительного расследования преступлений в середине 50-х гг. привлекло внимание и ученых уголовно-правовой специализации. В связи с этим А. А. Пионтковский писал: «Вызывает сомнение и обычное рассмотрение в криминалистической литературе вопроса о построе-

нии версии среди других вопросов планирования следствия. Хотя планирование тесным образом связано с выдвижением версии, однако по своей природе выдвижение следственных версий как орудия познания объективной истины является самостоятельным и одним из наиболее ответственных этапов следственной работы»⁵. Данное высказывание выпадало из традиционной концепции взглядов на версию, которые сложились у криминалистов к тому периоду времени. Поэтому первым, кто возразил А. А. Пионтковскому, был А. Н. Колесниченко. Он подчеркивал, что единство процесса мышления в форме гипотезы, включающего накопление и изучение фактического материала, высказывание предположений о причинах и иных связях, выведение из них следствий и проверку, есть единый процесс и его нельзя разделить на две части, отнеся первые два момента к версии, а третий – к планированию⁶.

Этот же период времени ознаменован появлением в исследованиях терминов «судебная версия»⁷, «следственная версия»⁸, обоснованием взглядов на версию как разновидность гипотезы, новыми определениями понятия версии⁹ и их классификациями¹⁰. Эти авторы, также как и В. В. Братковская и другие криминалисты, не отрывают теорию версии от теоретических положений планирования расследования и рассматривают их как единое теоретическое построение. Между тем на заседаниях Совета ВНИИ криминалистики Прокуратуры СССР в 1955 г. высказывались мнения о разработке самостоятельной теории версии как раздела криминалистики, но тогда возобладали точка зрения А. Н. Васильева: «разработка проблемы следственных версий может быть плодотворной только в сочетании с вопросами планирования, так как само планирование тесно и органически связано с выдвижением и

проверкой версии»¹¹. Однако в 1959 г. Г. Н. Александров опубликовал статью «Версия» где обосновал свои взгляды на эту криминалистическую категорию и необходимость создания самостоятельного раздела криминалистики – учения о версии¹². В тот период времени данные взгляды поддержки не получили, но анализ специальной литературы проблематики вопроса (прошлого и современного периода развития криминалистики) свидетельствует о том, что авторы неизменно связывают проблемы версии с планированием расследования, как в теории, так и на практике, а это закономерно приводит к выводу: разработка вопросов версии неизбежно влечет за собой разработку аспектов планирования (а не наоборот), т.е. «учения о криминалистической версии и планировании судебного исследования»¹³.

За последние десятилетия вопрос криминалистической версии исследовался достаточно подробно и разносторонне. В настоящей статье мы не станем утомлять читателя приведением имен известных ученых, которые посвятили проблематике вопроса свои исследования, специалистам они и так хорошо известны. Беглый исторический экскурс нам понадобился для того, чтобы еще раз обратить внимание на значение необходимости дальнейшего развития криминалистического учения о версии и планировании, как одном из важнейших методов и средств предварительного расследования преступления и судебного разбирательства по уголовному делу. Далее мы намерены предпринять попытку обоснования понятия, которое не встречается в исследованиях различных аспектов криминалистической версии. Это понятие – «версия следственного действия».

В процессе подготовки материалов к данной статье мы не обнаружили в специальной литературе определения

понятия версии следственного действия, которое, на наш взгляд, может быть полезным практике предварительного расследования. Предпримем попытку его обоснования и определения.

Исходным моментом в данном вопросе будет понятие криминалистической версии. Оно является родовым для искомого определения. Мы склоняемся к мнению Р. С. Белкина, что криминалистическая версия – это обоснованное предположение относительно отдельного факта или группы фактов, имеющих или могущих иметь значение для дела, указывающее на наличие или объясняющее происхождение этих фактов, их связь между собой и содержание и служащее целям установления объективной истины¹⁴. Очевидно, что это определение имеет прикладное значение для предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу как элементов уголовного судопроизводства.

Следственное действие – элемент системы досудебного производства, преимущественно предварительного расследования преступления. Поэтому определение версии следственного действия мы будем обосновывать для прикладных целей предварительного расследования. Следственное действие в процессе реализации следователем имеет следующие общие цели: получение доказательственной и ориентирующей криминалистически значимой информации, подтверждение факта ранее выдвинутой версией, проверка версии, установление причин и условий, способствующих совершению преступлений. Эти цели подразумевают конечный результат следственного действия, так сказать, формирование на его основе источника доказательства по уголовному делу. Этот источник, закрепленный следователем в процессуальной форме – протоколе, никак не связан с процессом проведения следственного

действия, т.е. с криминалистическим механизмом достижения следователем этих целей. Данный же механизм, как свидетельствует практика, представляет собой сложную систему действий следователя, его тактическое построение, оптимальная реализация которого обеспечивает эффективность в достижении конечной цели следственного действия – формирования на его основе полноценного источника доказательств. Данный тезис справедлив для любого следственного действия, предусмотренного действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Как в процессе подготовки, например, к допросу следователь должен разрабатывать определенные варианты (версии) своего поведения на случай изменения его ситуации, в силу возникновения тех или иных объективных и субъективных обстоятельств, так и возможные изменения ситуации при производстве других следственных действий без непосредственного вербального контакта следователя и участника следственного действия должны быть учтены и при необходимости оптимизированы (в соответствии с версиями) в целях увеличения результативности данного действия. Последняя часть тезиса означает, что изменение ситуации, например, в процессе осмотра места происшествия должно предполагать наличие у следователя соответствующей версии осмотра на тот случай, когда определенный в начале данного действия алгоритм поведения следует изменить для увеличения его результативности.

Тактическое построение следственного действия мы относим к важному существенному признаку понятия версии следственного действия. По существу, это алгоритм линии поведения следователя «привязанный» своим содержанием к оценке ситуации, в которой данное

следственное действие проводится. Вместе с тем этот алгоритм должен быть его «домашней заготовкой», т.е. заранее, на подготовительной части следственного действия, спланированной линией поведения следователя. В зависимости от сложности следственного действия, личностей его участников, других обстоятельств предварительного расследования таких «заготовок» должно (может) быть несколько, что, разумеется, не лишает следователя возможности творческой импровизации в «непресчитанных» ситуациях предварительного расследования. В основе содержания тактического построения лежит тактический прием (тактическая комбинация). С учетом постоянного мониторинга и оценки ситуации следственного действия своим применением тактический прием (тактическая комбинация) рассчитан на достижение целей, которые определил следователь. Понятия ситуации следственного действия в криминалистике нет. На наш взгляд, для того, чтобы определить его для содержания (процессуальный и криминалистический аспект) следственного действия следует экстраполировать на его понятие группы компонентов (условий) следственной ситуации, определенные Р. С. Белкиным, естественно, в их видовом приложении к следственному действию¹⁵.

Итак, что же собой может представлять ситуация производства следственного действия, из оценки каких условий должен исходить следователь, применяя то или иное теоретическое построение для проведения следственного действия и достижения поставленной ему цели? Во-первых, это компоненты психологического характера. Для вербальных (с участниками, дающими показания) и невербальных следственных действий они отличны, так как включают оценку результата возможного конфликта

между следователем и противостоящим ему лицом, собственную оценку следователем своих психологических свойств и тому подобные факторы. Во-вторых, компоненты информационного характера: осведомленность следователя об обстоятельствах преступления, возможных доказательствах и возможностях их обнаружения, местах сокрытия искомого и пр., осведомленность противостоящих следователю и иных проходящих по делу лиц о степени информированности следователя и свидетелей, об обнаруженных и не обнаруженных доказательствах, о намерениях следователя и прочих обстоятельствах. Компоненты процессуального и тактического характера относятся к третьей группе условий, влияющих на оценку ситуации следственного действия. К ним относится состояние производства по делу, возможность избрания меры пресечения, изоляции друг от друга проходящих по делу лиц и т.д. Четвертым компонентом рассматриваемой криминалистической категории являются материальные и организационно-технические условия производства следственного действия (возможность мобильного маневрирования наличными силами и средствами, наличие средств передачи информации из учетных аппаратов органов внутренних дел и пр.).

Таким образом, на основе аналитической оценки данных условий ситуацией проведения следственного действия можно называть обстановку, в которой осуществляется следственное действие, где доминирующей является информационная компонента. Правда, определяя свои взгляды на содержание следственной ситуации, Р. С. Белкин отметил, что сочетание этих компонентов (условий), составляющее содержание следственной ситуации, есть результат воздействия факторов, влияющих на ее формирование, но оценка сложившейся следствен-

ной ситуации и принятие на основе такой оценки тактического решения в понятие и содержание ситуации не входят¹⁶. Полагаем, вторая часть данного тезиса является актуальной для версии следственного действия, и ее необходимо включать в содержание этого понятия.

В ходе следственного действия следователь должен постоянно проводить оценку ситуации его проведения, а при ее изменении оперативно принимать тактические решения об использовании другой версии следственного действия с новым тактическим построением. То есть он должен использовать другую, более оптимальную версию его производства, когда оценкой ситуации установлено, что прежняя версия не обеспечит достижения поставленной следственному действию цели. Таким образом, наряду с тактическим построением ситуационный подход к производству следственного действия является следующим существенным признаком понятия версии следственного действия.

Остался не исследованным еще один вопрос относительно того, какой субъективный фактор является доминирующим при построении следователем версий следственного действия при условии, если исключить типичные версии, например подозреваемый будет давать правдивые показания, подозреваемый откажется от дачи показаний и пр. Мы имеем в виду более сложную систему отношений следователя как творческого субъекта доказывания и главного участника стадии предварительного расследования преступлений, когда отсутствует необходимость решать тактические задачи по примитивному алгоритму следственной деятельности. На наш взгляд таким субъективным фактором, практически не исследованным в криминалистике, является следственная рефлексия. Данного вопроса касался только А. Р. Ратинов¹⁷. В

приложении к предварительному расследованию его теоретическое исследование было бы достаточно полезным.

В психологии рефлексия – это умственная активность субъекта, концентрирующаяся на определенном содержании сознания, инстинкт и влечение, включающие в себя поиски смысла. Она характеризуется как обращенность сознания назад или к внутреннему миру, при которой вместо непосредственной, немедленной и непреднамеренной реакции на объективные стимулы в «дело» вступает психологическое размышление. В результате подобного размышления как следствия свободной мысли возможны весьма индивидуализированные и относительные ответы. Рефлексия дает толчок серии внутриспсихических образов еще до того, как предпринято само действие. С помощью рефлексивного инстинкта стимул становится психическим содержанием, опытом, посредством которого становится возможным преобразовать естественный процесс в осознанный и созидающий¹⁸. Несмотря на сложность, а если этот тезис упростить, то рефлексия, хотя и инстинктивна, но выступает как процесс сознательный, предполагающий использование воображения при принятии решений и последующего действия. Предметно-реф-

лексивные отношения следователя в процессе построения версий для такого следственного действия, как, например, допрос, могут быть выражены отображением допрашиваемого в следующей схеме: каков этот субъект в действительности; как этот субъект оценивает сам себя; каким с позиции этого субъекта он видится окружающим. В соответствии с ответами на эти вопросы и могут быть выстроены версии допроса.

Таким образом, искомое понятие «версия следственного действия», на наш взгляд, содержит следующие существенные признаки: 1) теоретическое построение; 2) ситуация следственного действия; 3) рефлексия следователя. Следовательно, ее можно определить как основанное на рефлексии следователя ситуационное тактическое построение, линию его поведения с целью установления криминалистически значимой информации посредством производства следственного действия в расследовании преступлений.

Предложенный подход к определению понятия следственной версии отражает ее организационные начала и тем самым способствует возможности следователя использовать данную теоретическую конструкцию в качестве одного из инструментов планирования расследования преступлений.

¹ Криминалистика. М., 1935. С. 141.

² Там же. С. 143.

³ См.: Шавер Б. М., Винберг А. И. Криминалистика. М., 1940. С. 76.

⁴ Настольная книга следователя. М, 1949. С. 115.

⁵ Пионтковский А. А. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия. 1955. Вып. 6. С. 28.

⁶ См.: Колесниченко А. Н. Роль следственных версий и построение их при расследовании преступлений // Ученые записки Харьковского юридического института. 1957. Вып. IX. С. 165.

⁷ См.: Никрен О. В. Судебная версия как разновидность гипотезы : автореф. и дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954.

⁸ См.: *Теребилов В. И.* Разработка следственных версий и планирование следствия // *Расследование убийств.* М., 1954. С. 120 ; *Теребилов В. И.* К вопросу о следственных версиях и планировании расследования // *Советская криминалистика на службе следствия.* 1955. Вып. 6. С. 110.

⁹ См.: *Теребилов В. И.* К вопросу о следственных версиях и планировании расследования. С. 110 ; *Васильев А. Н.* Общие вопросы планирования предварительного следствия // *Планирование расследования преступления.* М., 1957. С. 41 ; *Голунский С. А.* Планирование расследования // *Советская криминалистика на службе следствия.* 1958. Вып. 10. С. 13 ; *Шляхов А. Р.* Планирование предварительного следствия. М., 1957. С. 13.

¹⁰ См.: *Васильев А. Н.* Общие вопросы планирования предварительного следствия. С. 40 ; *Шляхов А. Р.* Указ. соч. С. 14.

¹¹ *Васильев А. Н.* О тактике следствия // *Советская криминалистика на службе следствия.* 1956. Вып. 7. С. 151.

¹² См.: *Александров Г. Н.* Версия // *Социалистическая законность.* 1959. № 10.

¹³ *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М., 2001. С. 483.

¹⁴ См.: Там же. С. 493.

¹⁵ См.: Там же. С. 631.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См.: *Рапинов А. Р.* Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике // *Правовая кибернетика.* М., 1970. С. 185–197.

¹⁸ См.: *Зеленский В. В.* Словарь аналитической психологии. М., 1997. С. 131–132.

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова*

Комаров И. М., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики

E-mail: komarov.mgu@gmail.com

*Moscow State University
named after M. V. Lomonosov*

Komarov I. M., Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Criminalistics Department

E-mail: komarov.mgu@gmail.com

Л. Б. Краснова

Воронежский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ОСМОТРА ИНФОРМАЦИИ, НАХОДЯЩЕЙСЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация: в статье рассматриваются основные проблемы, возникающие при осмотре информации, находящейся в сети Интернет, связанные с особенностями цифровой информации и ее электронных носителей. Даются рекомендации относительно поиска и фиксации цифровой информации, находящейся в сети Интернет.

Ключевые слова: преступления в сфере компьютерной информации, цифровая информация, электронные носители, сеть Интернет, осмотр, обыск, выемка, судебная экспертиза.

PROBLEMS VIEWING INFORMATION IN THE INTERNET

Abstract: paper examines the main issues arising from the inspection information in the Internet related to the features of digital information and electronic media. Recommendations regarding the search and recording of digital information in the Internet.

Key words: crimes in the sphere of computer information, digital information, electronic media, the Internet, inspection, search, seizure, judicial examination.

Поступила в редакцию 7 ноября 2016 г.

В последнее время при расследовании все большего количества преступлений требуется осмотр информации, находящейся в сети Интернет. При этом сеть Интернет используются не только для совершения преступлений в сфере компьютерной информации (ст. 272–274, 159.6 УК РФ), но и для распространения общественно опасной информации. Это такие преступления, как незаконная организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ), манипулирование рынком (ст. 185.3), сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ч. 2. ст. 228.1), распространение, публичная демонстрация или рекламирование порнографических материа-

лов или предметов (ст. 242), публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280), публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282), нарушение авторских и смежных прав (ст. 146), мошенничество (ст. 159.6) и т.д.

На наш взгляд, основную трудность при расследовании таких преступлений составляет доказывание наличия определенной информации в сети Интернет, даты ее появления в сети и установление лица, ее разместившего. При этом наибольшую сложность составляет не техни-

ческая сторона получения такой информации, а ее процессуальное оформление, вытекающее из следующих особенностей цифровой информации, содержащейся в сети Интернет, и ее электронных носителей:

1. Электронная техника обладает способностью хранить значительный объем цифровой информации и является на данный момент самым информативным источником сведений о ее владельце и его активности в сети Интернет.

Поскольку речь идет о сети Интернет, поиск относимой к делу цифровой информации должен осуществляться как на электронных устройствах подозреваемого или обвиняемого так и на других связанных с ними, электронных устройствах, хранящих информацию. При этом для работы с сетью Интернет используются не только компьютеры, но и иные устройства (смартфоны, планшеты и т.д.), также имеющие свои особенности функционирования.

При этом мы согласны с А. Л. Осипенко, что при осуществлении этих действий «применение конкретных рекомендаций по сохранению компьютерной информации довольно проблематично, поскольку каждая ситуация по-своему уникальна и действия, в большинстве случаев вполне приемлемые, в определенных ситуациях способны нанести непоправимый ущерб имеющимся данным. В связи с этим лицо, имеющее первоначальный доступ к обследуемому компьютеру, должно не только иметь соответствующую квалификацию, но и в достаточной степени осознавать суть основных процессов, происходящих в вычислительной системе. Предъявление подобного требования к следователю представляется чрезмерным даже при условии его предварительной специальной подготовки»¹.

2. Как нами уже было сказано выше, при расследовании указанных преступлений поиск информации осуществляется как в электронном устройстве, непосредственно находящемся в распоряжении следователя, так и в сети Интернет, а такая информация физически может быть расположена в любой точке мира, т.е. при ее осмотре и исследовании происходит изучение ее виртуальной копии, передаваемой и преобразуемой с помощью телекоммуникационных устройств, и, следовательно, основываясь на общепринятых криминалистических методах, изъять такой носитель следовой информации чаще всего невозможно.

3. Общедоступность и легкость использования сети Интернет, дающая возможность в большинстве случаев лицу разместившему информацию достаточно быстро ее удалить или изменить, а также ввести в заблуждение лиц, просматривающих информацию, например созданием сайтов подделок, имитирующих сайты реальных компаний, которые внешне практически не отличаются от подлинных сайтов.

4. Большая часть сайтов имеет динамическую структуру, т.е. их содержимое представляет собой информацию, взятую из различных источников, которая собирается, обрабатывается и представляется пользователю в удобном для него виде специальными программами-агрегаторами или онлайн-сервисами в режиме реального времени.

«По запросу пользователя веб-сервер не просто берет определенный файл, а исполняет более сложную последовательность действий. Из файла или группы файлов или из базы данных веб-сервер выбирает не просто HTML-код, а программу. Затем эта программа исполняется, а результат ее исполнения отображается браузером пользовате-

ля. Причем исполнение программы может производиться: (а) веб-сервером или одним из его модулей; (б) внешней программой на стороне веб-сервера; (в) браузером пользователя или одним из его модулей; (г) внешней программой на стороне пользователя. Понятно, что вид динамической веб-страницы будет зависеть от многих факторов, в том числе от конфигурации ПО на стороне пользователя. В настоящее время практически все веб-страницы в Интернете – динамические»². То есть при просмотре одной и той же страницы Интернет в разные моменты времени пользователь может видеть различную информацию.

Последние две особенности приводят к необходимости максимально быстрого сбора информации, содержащейся в сети Интернет, имеющей отношение к расследуемому преступлению. В первую очередь это касается получения данных, подтверждающих факт совершения преступления, изъятия и приобщения к делу цифровых доказательств.

В литературе предлагается несколько способов получения информации в такой ситуации.

В частности, в последнее время сложилась практика обращения в нотариальные конторы граждан, заинтересованных в фиксации содержания того или иного сайта, размещенного в сети Интернет, в целях получения материальных доказательств по гражданским делам. В связи с этим в литературе высказывается мысль о возможности использования и в уголовном судопроизводстве процедуры осмотра информации в сети Интернет нотариусом в рамках совершения нотариального действия обеспечения доказательств³.

В работах, посвященных особенностям проведения нотариальных действий, достаточно подробно описана про-

цедура осмотра информации. При этом многие авторы выделяют основную проблему осмотра информации в сети Интернет, связанную с возможностью фальсификации и подделки интернет-сайта со стороны недобросовестных лиц. «Дело в том, что любому техническому специалисту известно несколько сравнительно элементарных способов как при обращении к адресу www.internet-law.ru получить на его месте содержание совсем другого сайта, например www.internet-pravo.ru, т.е., обращаясь к первому адресу, нотариус будет видеть на экране адрес (домен) одного, а содержание совсем другого сайта, даже не догадываясь об этом. Как следствие, можно легко удостовериться контент (информационное наполнение) сайта, которого на нем никогда не было. Существуют разные способы решения этой задачи при невысокой их стоимости. На рынке компьютерного «андеграунда» за 1500–2500 рублей можно заказать разработку программного модуля, который, будучи подброшен на компьютер нотариуса (или иной, с которого будет производиться осмотр сайта) любым доступным способом (через электронную почту или на дискете с каким-то документом), позволит произвести необходимые поправки, чтобы при обращении к исследуемому сайту на экране получить предоплаченный контент»⁴.

Во избежание этого предлагается следующее: «прежде чем описать осмотренную информацию с конкретного сайта, в протоколах осмотра интернет-сайта во исполнение мер защиты от возможных фальсификаций, можно технически осуществить следующее (данная информация должна также найти свое отражение в протоколе): установить IP-адрес, на котором размещен сайт; проверить принадлежность этого IP-адреса; провести трассировку от компьютера нотариуса до

сервера, содержащего сайт; собрать информацию о DNS-записях домена интернет-сайта; установить принадлежность домена на момент осмотра и др.»⁵.

Очевидно, что проведение указанной процедуры требует использования соответствующего сертифицированного аппаратного и программного обеспечения, а также специальных знаний в области информационных технологий. На наш взгляд, такие технические моменты выходят за рамки полномочий нотариуса по осмотру доказательств и входят в компетенцию эксперта или специалиста как лиц, обладающих специальными познаниями в области информационных технологий. И в данном случае нотариус не должен подменять собой эксперта.

Поэтому, на наш взгляд, для процессуального получения и исследования информации, содержащейся в сети Интернет, нужно использовать традиционные следственные действия, такие как осмотр, выемка и назначение экспертизы, получение заключения специалиста.

Наиболее очевидным способом процессуального получения цифровой информации, находящейся в сети Интернет как источника доказательств является выемка электронного носителя с представляющими интерес для следствия сведениями, в первую очередь у подозреваемого или обвиняемого. При этом из этих носителей можно извлечь информацию как семантического характера, так и технического. В качестве источника семантической информации может выступать электронная корреспонденция так как вся отправляемая и принимаемая корреспонденция обязательно сохраняется в кэше браузера в виде копий файлов, загружаемых в ходе просмотра сайтов. Они сохраняются на локальном диске на случай повторного просмотра тех же страниц. Однако для следствия может быть более

полезной и информативной информация технического характера. Существование такой информации обусловлено тем, что вместе с каждым упомянутым выше файлом-копией, загруженной интернет-страницей сохраняются адрес веб-сайта, который создал этот файл, время создания и срок актуальности. Все эти данные, если они сохранились, позволяют в подробностях восстановить последовательность просмотра пользователем сайтов и создать так называемые пространственно-временные модели поведения субъекта, определить круг общения.

Кроме того, необходимо произвести выемку электронных носителей у провайдера, собственника (владельца) сервера с интернет-ресурсом и т.п., на них фиксируется наличие логов, отражающих информацию о трафике IP-адреса интересующего следствие лица.

Так, согласно п. 14 Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27 августа 2005 г. № 538 «Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность» установлены требования к содержанию базы данных об абонентах:

«Базы данных должны содержать следующую информацию об абонентах оператора связи:

фамилия, имя, отчество, место жительства и реквизиты основного документа, удостоверяющего личность, представленные при личном предъявлении абонентом указанного документа, – для абонента-гражданина;

наименование (фирменное наименование) юридического лица, его место на-

хождения, а также список лиц, использующих оконечное оборудование юридического лица, заверенный уполномоченным представителем юридического лица, в котором указаны их фамилии, имена, отчества, места жительства и реквизиты основного документа, удостоверяющего личность, – для абонента – юридического лица;

сведения баз данных о расчетах за оказанные услуги связи, в том числе о соединениях, трафике и платежах абонентов;

сведения об абонентских номерах, которые сохраняются абонентами при заключении договоров об оказании услуг связи с другими операторами подвижной радиотелефонной связи, и наименования указанных операторов связи».

Таким образом, каждое соединение абонента фиксируется программным обеспечением провайдера. На жестком диске или ином носителе информации, встроенном в оборудование оператора, производится запись в так называемый лог-файл о соединении, адресах сайтов, которые посещал абонент, какая информация была скачана (скопирована), дате и времени совершенных действий и т.д.

Однако указанные действия, могут быть произведены только в случае, если имеется возможность непосредственного доступа к электронному устройству с интересующей следствии информацией. Однако, как нами уже указывалось, часто такие устройства могут находиться за рубежом. Кроме того, часто возникают ситуации, когда необходимо обеспечить оперативность получения интересующей следствии цифровой информации, если есть высокая вероятность ее уничтожения или изменения подозреваемым или обвиняемым. В литературе высказывается мнение о возможности получения доказательственной цифровой информа-

ции в ходе осмотра, производимого опосредованно, через сеть Интернет.

«При этом в качестве инструмента осмотра используется оборудование, подключенное к данной сети (рабочая станция) и находящееся, как правило, в подразделении органа предварительного следствия (дознания) либо у привлекаемого к расследованию специалиста. Поскольку носитель следовой информации невозможно изъять в натуре, основываясь на общепринятых криминалистических методах, с него снимают копию, максимально отражающую значимые для уголовного дела признаки. В нашем случае – записывают компьютерную информацию из сети на имеющийся у следствия электронный носитель.

В протоколе осмотра интернет-ресурса отражается вся последовательность действий, начиная от загрузки операционной системы и браузера, трассировка пути к необходимому адресу, последовательный переход по ссылкам, просмотр (прослушивание) аудиовизуальной информации непосредственно из сети («в режиме on-line») либо с предварительной загрузкой на жесткий диск компьютера и т.п. Возможно производство видеозаписи всего процесса осмотра. Электронные носители информации, полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия, как и фото-, видеоматериалы, прилагаются к протоколу осмотра (ст. 166 УПК РФ)»⁶.

Мы согласны с техническими рекомендациями относительно поиска и фиксации электронной информации. Однако следует заметить, что производить данные действия в рамках следственного осмотра следует только в том случае, когда существует реальная возможность обнаружить очевидную электронную инфор-

мацию в сети Интернет, путем простых действий с обязательным привлечением к проведению осмотра специалиста.

Если же есть основания полагать, что возможно наличие средств защиты информации, необходимости решения каких-либо идентификационных задач и т.д., то в таких случаях следует назначить

судебную компьютерно-техническую экспертизу. А поскольку, на наш взгляд, в большинстве случаев складывается именно такая ситуация, то основным способом обнаружения электронной информации в сети Интернет является производство судебной компьютерно-технической экспертизы.

¹ *Осипенко А. Л.* Особенности расследования сетевых компьютерных преступлений // Российский юридический журнал. 2010. № 2. С. 121–126.

² *Федотов Н. Н.* Форензика компьютерная криминалистика. М., 2007. С. 233.

³ См.: *Белозерова О.* Обеспечение доказательств : основания, виды, применение в информационных технологиях // Нотариальный вестник. 2014. № 11.

⁴ *Серго А. Г., Сокерин К. В.* Особенности защиты права на доменное имя // Юрист. 2007. № 6. С. 23.

⁵ *Бегичев А. В.* Защита нотариусом прав пользователей Интернета // Нотариальный вестник. 2012. № 12. С. 10.

⁶ *Старичков М. В.* Использование информации из компьютерных сетей в качестве доказательств // Право и кибербезопасность. 2014. № 2. С. 39–43.

Воронежский государственный университет

Краснова Л. Б., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: krasnovva@mail.ru

Тел.: 8 (473) 255-84-91

Voronezh State University

Krasnova L. B., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Criminalistics Department

E-mail: krasnovva@mail.ru

Tel.: 8 (473) 255-84-91

В. А. Мещеряков

Воронежский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ И ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А н н о т а ц и я: в статье рассматриваются особенности назначения судебной экспертизы в ходе расследования преступлений, связанных с использованием информационных и телекоммуникационных технологий. Предлагается усилить процессуальную роль специалиста и обеспечить его непрерывное участие во всех следственных действиях связанных с поиском, анализом и использованием вещественных доказательств.

К л ю ч е в ы е с л о в а: специальные знания, судебная экспертиза, трудности назначения экспертизы, процессуальное регулирование назначения экспертизы и оценки экспертных заключений.

SPECIAL ASPECTS OF USE OF EXPERTISE IN INVESTIGATION OF CRIMES CONNECTED WITH THE USAGE OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

A b s t r a c t: the article describes special aspects of setting forensic enquiry in the process of investigation of crimes connected with the usage of information and telecommunication technologies. It is proposed to enhance the procedural role of expert and assure his continual participation in all investigative actions related to search, analysis and usage of material evidence.

Key words: expertise, forensic investigation, difficulties of assigning examination, procedural regulation of the examination assignment and assessment of the expert judgements.

Поступила в редакцию 3 августа 2016 г.

Преступления, связанные с применением информационных и телекоммуникационных технологий, относятся к той категории правонарушений, расследование которых абсолютно невозможно без использования специальных знаний.

Основной процессуальной формой использования специальных знаний является назначение и производство судебной экспертизы. Порядок этого действия

достаточно четко урегулирован в ст. 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В соответствии с названной статьей следователь выносит постановление о назначении экспертизы, в котором формулирует вопросы, поставленные перед экспертом, знакомит с этим постановлением всех указанных в законе лиц и выполняет иные предусмотренные действующим законодательством процессуальные действия.

© Мещеряков В. А., 2017

Практика показывает, что уже на данном этапе в самом начале работы по использованию специальных знаний у следователя возникают серьезные трудности. Причем объем этих трудностей увеличивается по мере отклонения сложившейся следственной ситуации от типовых, хорошо изученных ситуаций, для которых уже разработано множество рекомендаций и подготовлены подробные руководства.

К сожалению, преступления, связанные с применением информационных и телекоммуникационных технологий, как раз и относятся к такой категории, для которых подобные рекомендации и руководства скорее всего разработаны никогда не будут. Это связано с тем, что информационные технологии, компьютерная техника очень быстро меняются, и в ногу с ними идут способы совершения преступлений. Каждые два года появляется новое поколение микропроцессоров и каждые три года – новое поколение операционных систем. Происходит постоянное расширение сфер использования компьютерной техники и телекоммуникационных технологий, активно развивается направление, получившее название «Интернет вещей».

В связи с этим почти каждое преступление в данной сфере уникально, и следователь во многих моментах вынужден выступать в качестве первопроходца. Дополнительные трудности создает тот факт, что следователю, как человеку, имеющему классическое юридическое образование, крайне сложно понять все тонкости информационных и телекоммуникационных технологий, особенно когда для совершения преступления были использованы их ранее неизвестные дефекты.

Таким образом, задача формирования вопросов, выносимых на разрешение экспертом, становится весьма непростой,

с ней следователь самостоятельно, как правило, справиться не может.

При этом из всего многообразия вариантов рационального поведения реальных (практически применимых) выходов всего два:

- воспользоваться типовыми вопросами, разработанными в методических указаниях и рекомендациях по назначению судебных экспертиз определенного вида;

- воспользоваться возможностью, предоставленной ст. 58 УПК РФ, и прибегнуть к помощи специалиста для формулирования вопросов перед экспертом.

Следует сказать, что каждый из названных вариантов далек от идеального решения.

Типовые вопросы учитывают, как правило, самые общие возможности соответствующего вида (рода) судебной экспертизы и ориентированы на типовые объекты, представляемые на экспертизу. В связи с этим они редко полностью совпадают с реальными потребностями, возникшими у следователя в конкретном случае расследования преступления.

Отдельную задачу представляет собой выбор необходимого в сложившейся ситуации класса/вида/рода судебной экспертизы. Вопрос создания современной непротиворечивой и общепринятой классификации судебных экспертиз – это, на наш взгляд, один из актуальных вопросов, требующих своего незамедлительного и однозначного решения на государственном уровне. Сегодня практически каждый орган государственной власти, имеющий в своей структуре государственные судебно-экспертные учреждения (а это как минимум 6 силовых и правоохранительных структур), не только вводит свой перечень видов (родов) судебных экспертиз, но и, по сути, не разделяет их на рода и виды.

Так, в МВД выделяют отдельно фототехническую и видеотехническую экспертизы, в ФСБ их рассматривают как единый вид. В Министерстве юстиции Российской Федерации экспертиза видеоизображений объединена с исследованием звукозаписей и названа криминалистической экспертизой видео- и звукозаписей, а исследование фотоизображений отнесено в самостоятельный вид (род) экспертиз – фототехническая экспертиза.

В этом направлении дальше всех пошла Федеральная таможенная служба, указав, что приведенный в соответствующем правовом акте перечень экспертиз не является исчерпывающим. Более того, таможенные экспертные учреждения регулярно (не реже одного раза в полгода) должны информировать таможенные органы региона о возможностях проведения ими тех или иных экспертиз, объектов исследования и вопросах, разрешаемых в процессе производства экспертиз.

К изложенному положению дел с классификацией судебных экспертиз следует добавить проблемы с пониманием технических тонкостей объектов экспертизы. Например, далеко не каждый следователь сможет сразу понять всю разницу между компьютерной экспертизой (по «версиям» МВД¹ и ФСБ) и компьютерно-технической экспертизой (по «версии» Минюста).

Введение в ноябре 2015 г. в системе МВД радиотехнической экспертизы, с одной стороны, позволило решить вопросы по работе с определенной категорией объектов, однако, с другой стороны, породило новые проблемы. Например, в рамках какой экспертизы, компьютерной или радиотехнической, следует проводить исследование протоколов Wi-Fi, Bluetooth и ZigBee, а также объектов, построенных на основе их использования.

При этом процессуальные последствия неверного решения подобных задач могут быть весьма серьезными, вплоть до признания заключения эксперта недопустимым доказательством.

Второй, обозначенный ранее вариант решения задачи формирования вопросов перед экспертом (привлечение соответствующего специалиста), также содержит в себе ряд неоднозначностей.

Идеальным вариантом было бы привлечение к решению данной задачи того специалиста, который принимал участие в осмотре места происшествия или иного следственного действия, в рамках которого следователь впервые столкнулся с проблемой, требующей привлечения специальных знаний. Однако спектр возможных проблем настолько широк (это обуславливается интенсивным развитием информационных технологий и активной специализацией даже технических знаний), что угадать, какой именно специалист потребуется при проведении следственного действия, бывает достаточно проблематично. В результате в качестве специалиста приглашается универсальный сотрудник, умеющий выполнить в случае необходимости требуемые уголовно-процессуальным законодательством действия (в основном это копирование информации с цифровых носителей). Не секрет, что в настоящее время в качестве такого универсального специалиста выступает обычный сотрудник правоохранительных органов, имеющий высшее техническое образование и прошедший курс повышения квалификации в объеме 72 часов в соответствующей образовательной организации. Таким образом, ожидать от такого специалиста глубокого понимания происходящих в информационных системах процессов и их использования в противоправных целях, к сожалению, не приходится.

Не лучше дело обстоит и в случае, когда для формулирования вопросов приглашается действительно квалифицированный специалист. Это связано с тем, что он, как правило, не присутствует лично на следственном действии и вынужден вникать в суть технической проблемы со слов следователя – юриста по образованию.

Суммируя все изложенное, получаем, что рассчитывать на глубокие и качественные вопросы, способные решительным образом прояснить ситуацию в рамках расследуемого уголовного дела не получается. Как правило, результатом этого этапа будет набор типовых вопросов из перечня рекомендованных соответствующими методическими указаниями.

Затем ситуация усугубляется отношением эксперта к решению поставленных перед ним вопросов. На типовой вопрос у него есть типовой ответ, который не занимает много времени и не требует значительных интеллектуальных усилий. Решение нетиповой задачи потребует проведение самостоятельной научно-исследовательской работы, которая не очень вписывается в профиль деятельности судебно-экспертного учреждения и на которую эксперт никак не замотивирован. Количество же специализированных подразделений правоохранительных органов или экспертных учреждений, способных вести подобные научно-исследовательские работы, к сожалению, весьма ограничено.

Таким образом, возникает закономерный вопрос: что же делать в складывающейся ситуации.

Скорее всего, вариантов выхода из сложившегося положения может быть несколько. Однако, нам представляется, что наиболее перспективным вариантом, способным заметно повысить существующий

уровень эффективности расследования преступлений в сфере использования информационных и телекоммуникационных технологий, будет повышение процессуального статуса специалиста и повышение его роли в расследовании преступлений.

В данной категории уголовных дел речь может идти о введении новой самостоятельной процессуальной фигуры «эксперта-криминалиста», который работал бы совместно со следователем на протяжении всего времени предварительного расследования, осуществлял криминалистическое и информационно-аналитическое обеспечение расследования уголовного дела и отвечал вместе со следователем за его качество. Может быть, это не очень удачное название, но дело не столько в нем, сколько в круге его специфических задач и полномочиях (да и другого, более подходящего названия пока тоже не нашлось).

В этом контексте весьма интересным представляется опыт Израиля, где специалист в расследовании преступлений, образно говоря, выступает «вторым следователем», в компетенцию которого входит работа со всем спектром вещественных доказательств и материальных объектов, попадающих в сферу уголовно-процессуального исследования.

Безусловно, общее руководство следственными действиями и всего хода расследования всегда должно оставаться за следователем, и принцип единоначалия в расследовании преступлений не должен подвергаться сомнению.

В связи с этим детальная проработка четкого процессуального статуса и компетенции эксперта-криминалиста представляет собой отдельную и весьма непростую задачу, решить которую еще только предстоит.

¹ Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации : приказ Министерства внутренних дел РФ от 29 июня 2005 г. № 511 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 35. 29 авг.

Воронежский государственный университет

Мещеряков В. А., доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры
криминалистики

E-mail: digitprofvsu@mail.ru

Тел.: 8-910-732-04-73

Voronezh State University

Meshcheryakov V. A., Doctor of Legal Sciences,
Professor, Professor of Criminalistics
Department

E-mail: digitprofvsu@mail.ru

Tel.: 8-910-732-04-73

**ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК ЧАСТНАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ**

А н н о т а ц и я: в статье рассмотрены основы частной теории криминалистики, предметом которой являются закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений. Объектами являются компьютерные средства и системы, особенности криминалистических технологий собирания (выявления, фиксации, изъятия) и исследования этих объектов для получения доказательственной и ориентирующей информации. Рассматриваются: новый раздел криминалистической техники – криминалистическое исследование компьютерных средств и систем; выделение в криминалистической тактике особенностей тактики и технологии производства следственных действий, направленных на получение криминалистически значимой компьютерной информации; разработка методики расследования компьютерных преступлений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: криминалистика, информационно-компьютерное обеспечение, криминалистическая техника, криминалистическая тактика, цифровые доказательства, компьютерные средства и системы, информационно-технологические объекты, судебная компьютерно-техническая экспертиза.

**THE INFORMATION AND COMPUTER SOFTWARE
OF THE CRIMINALISTIC ACTIVITIES AS A PRIVATE
CRIMINALISTIC THEORY**

A b s t r a c t: the article describes a new private theory of criminalistics. The subject of this theory can serve as patterns of occurrence, movement, collection and study of computer information at investigation of crimes. The objects are computer tools and systems, particularly forensic technology gathering (identification, fixation, seizure) and the study of these objects to get evidential and orienting information. Considered: a new section of forensic engineering – forensic investigation computer tools and systems; selection in forensic tactics features tactics and techniques of investigative actions aimed at obtaining forensically important computer information; the development of a technique of investigation of computer crimes.

К e y w o r d s: criminalistics, information and computer support, forensic technology, forensic tactics, digital evidence, computer tools and systems, information technology facilities, computer forensic and technical expertise.

Поступила в редакцию 1 сентября 2016 г.

Широчайшее внедрение современных информационных компьютерных технологий во все сферы человеческой деятельности послужило основанием ви-

доизменения и преступной деятельности. С помощью компьютерных средств и систем совершаются не только преступления в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ), но практически любые преступления: присвоения, кражи, мо-

шенничество, фальшивомонетничество, лжепредпринимательство, преступления в банковской сфере и многие другие. В последние 15 лет в связи с массовым распространением средств мобильной коммуникации появились и новые виды правонарушений, такие как создание и распространение вирусных и вредоносных программ для мобильных телефонов, использование мобильных средств связи для совершения мошенничеств, вымогательств, поджогов, взрывов, террористических актов и пр.

Следует подчеркнуть, что дефиниция «компьютерное преступление» должна употребляться не в уголовно-правовом аспекте, где это только затрудняет квалификацию деяния, а в криминалистическом, поскольку связана не с квалификацией, а именно со способом совершения и сокрытия преступления и, соответственно, с методикой его раскрытия и расследования¹. Компьютерные преступления имеют общую родовую криминалистическую характеристику, включающую сведения о способах преступлений, лицах, совершивших их, сведения о потерпевшей стороне и обстоятельствах, способствующих и препятствующих данным преступлениям.

К сожалению, закономерности возникновения, движения и видоизменения потоков криминалистически значимой информации с использованием компьютерных средств и систем пока не нашли достойного своей важности места в криминалистической науке, за исключением рассмотрения этих вопросов в методике расследования преступлений в сфере компьютерной информации криминалистикой. Хотя на эту тему имеется обширная литература, но она носит неупорядоченный фрагментарный характер. Большинству криминалистов-практиков возможности получения криминалистически значимой компьютерной информации, которая бу-

дет иметь доказательственное значение, практически неизвестны. Полагаем, что для исследования компьютерных систем и их средств необходим особый комплекс специальных знаний, тем более что, как справедливо отмечают некоторые ученые, при расследовании компьютерных преступлений возникают трудности даже с определением места его совершения².

Очевидно, что возникла необходимость в разработке новой частной криминалистической теории: теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. *Предметом* этой теории могут служить *закономерности возникновения, движения, собирания и исследования компьютерной информации при расследовании преступлений. Объектами* являются *компьютерные средства и системы, особенности криминалистических технологий* собирания (выявления, фиксации, изъятия) и исследования этих объектов для получения доказательственной и ориентирующей информации.

Данная частная теория может объединять криминалистическое исследование компьютерных средств и систем; рассмотрение в криминалистической тактике особенностей тактики и технологии производства следственных действий, направленных на получение криминалистически значимой компьютерной информации и служить базой для разработки частных методик расследования компьютерных преступлений.

Одна из основных составляющих этой теории – ранее описанный нами новый раздел криминалистической техники – криминалистическое исследование компьютерных средств и систем³. Следует подчеркнуть, что попытки включения в криминалистическую технику новых разделов вызывают обычно бурную дискуссию: является ли это направление криминалистическим. Безусловно, криминалистическая техника не беспредель-

на. Новые разделы, чтобы быть включенными в нее, должны реально существовать, а добавление слова «криминалистическая» к какому-то разделу науки еще не значит, что такое направление уже имеется.

Как мы неоднократно указывали в своих работах, направление криминалистической техники можно считать сформировавшимся, если оно отвечает следующим критериям⁴:

– решение специфических криминалистических задач, которые не ставятся при исследовании подобных объектов в других сферах человеческой деятельности;

– специфика объектов исследования – вещественных доказательств и в то же время их распространенность, частая встречаемость в уголовном и гражданском судопроизводстве;

– методологическая и методическая разработанность данного направления.

В последние годы назрела необходимость в целях дальнейшего совершенствования и обновления криминалистической техники введения в нее нового раздела «Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем», включающего исследование как стационарных компьютеров, серверов, носителей данных, так и мобильных устройств сотовой связи, смартфонов, планшетных компьютеров и других устройств. Попытка введения раздела «Исследование компьютерной информации на электронных носителях» была предпринята в учебнике «Криминалистика: информационные технологии доказывания»⁵. Однако раздел данной книге охватывал только часть проблем. К сожалению, эта инициатива не получила должного дальнейшего распространения и развития.

Предлагаемый нами новый раздел криминалистической техники должен содержать описание объектов криминалистического исследования, особенностей

собираения (выявления, фиксации, изъятия) криминалистически значимой информации, возможностей судебно-экспертного исследования этих объектов.

Обычно компьютерные средства и системы приобщаются к материалам дела в качестве вещественных доказательств, но именно информация, содержащаяся в памяти данных устройств, является основным объектом криминалистического исследования. Информация представлена в неявном виде, и для обеспечения возможности ее восприятия необходимо использовать специальные средства.

Специфические особенности компьютерных средств и систем послужили причиной того, что в зарубежной практике выделен особый класс цифровых доказательств и описаны методы и приемы работы с ними⁶. При этом необходимо различать оригинал цифрового доказательства, его дубликат и копию. Оригинальным цифровым доказательством являются материальные носители и такие информационные объекты, которые связаны с этими носителями на момент изъятия (получения). Дубликатом является точная цифровая репродукция всех информационных объектов, хранящихся на оригинальном материальном носителе, в то время как копией является точная репродукция информации, содержащейся в информационных объектах, независимая от материального носителя.

В отечественной литературе неоднократно высказывались предложения ввести для исследования компьютерных средств и систем новый вид следов – «виртуальные следы»⁷. Однако данное предложение не нашло единодушной поддержки, некоторые оппоненты указывали на несоответствие академического значения термина «виртуальный» тем объектам, в отношении которых предлагалось ввести данное понятие⁸. Предлагалось заменить

слово «виртуальный» на «бинарный»⁹ или «компьютерно-технический»¹⁰.

Мы считаем, что описываемые следы являются материальными, поскольку зафиксированы на материальных носителях путем изменения свойств или состояния отдельных их элементов. Относить их к идеальным на том основании, что они не доступны непосредственному наблюдению, как предлагает А. Г. Волеводз¹¹, полагаем нецелесообразным, поскольку запаховые следы также недоступны непосредственному восприятию, но это не означает, что они являются идеальными. Идеальные следы запечатлеваются в памяти человека, и на их состояние существенное влияние оказывают психофизиологические особенности личности, что никак не свойственно компьютерной информации.

Если выделять информацию, формирующуюся в процессе работы с вычислительной техникой, в особую группу материальных следов, то наиболее рациональным полагаем обозначить их как «*информационно-технологические*», поскольку формирование данных следов обусловлено спецификой реализации информационных технологий, и для их преобразования в доступную для восприятия форму информационные технологии также используются. С криминалистической точки зрения такие следы близки следам орудий, инструментов и механизмов, поскольку различные информационные технологии (программные и аппаратные средства) используются в качестве инструмента, и при совершении определенных действий пользователя по известным алгоритмам и закономерностям будет формироваться доказательственная информация, представленная в цифровом виде и зафиксированная путем изменения свойств и состояния элементов носителя информации.

Изъять и приобщить к материалам дела непосредственно информацию

нельзя, но поскольку она неотделима от носителя, именно носители становятся особой категорией объектов криминалистического исследования компьютерных средств и систем. На сегодня можно выделить следующие категории объектов, которые могут являться носителями криминалистически значимой компьютерной информации: устройства для хранения информации; устройства для ввода/вывода информации; устройства обработки информации; устройства для передачи информации по каналам связи; информационные комплексы и системы.

В настоящее время используются самые различные способы записи информации и, соответственно, самые разные *запоминающие устройства и носители*: жесткие магнитные диски, оперативная память, флеш-память, оптические и магнитооптические диски.

По принципу энергозависимости устройства для хранения информации могут быть разделены на два класса: энергозависимые (оперативная память) и энергонезависимые (жесткие магнитные диски, флеш-память, оптические и магнитооптические диски). Энергозависимая память очищается при снятии электропитания, в то время как энергонезависимые запоминающие устройства сохраняют информацию при отключении электропитания.

По устойчивости записи устройства для хранения информации делятся на: постоянные запоминающие устройства (BIOS); записываемые (CD-R); многократно перезаписываемые (CD-RW, DVD-RW, жесткие магнитные диски, флеш-память); оперативные.

Запоминающие устройства могут быть классифицированы и по иным основаниям, но они определяют специфику криминалистического исследования данных объектов и применяемые технические средства. При изъятии устройств хранения информации наиболее важно

определить порядок его изъятия и сохранения содержащейся в памяти информации, что, в первую очередь, определяется характером энергозависимости.

Устройства ввода информации предназначены для преобразования поступающих команд в доступную для обработки форму. К таковым относятся клавиатуры, манипуляторы (мышь, джойстики, трекболы), сенсорные графические планшеты (не путать с мобильными устройствами), интерактивные доски, сканеры, веб-камеры, устройства видеозахвата, звуковые карты с аудиовходом, считыватели смарт-карт, акселерометры и гироскопы, приемники спутниковой навигации, сканеры папиллярных узоров и узоров сетчатки глаз, разного рода датчики и измерительное оборудование, а также иные устройства. Ключевым элементом устройств ввода информации – аналого-цифровой преобразователь, задачей которого является преобразование сигналов различной природы (механических, электрических, акустических и т.п.) в цифровую форму, доступную для обработки.

Устройства вывода информации предназначены для преобразования информации цифровой формы в форму, доступную для восприятия. К ним относятся индикаторы, мониторы, проекторы, принтеры, звуковые карты, исполнительные механизмы и телемеханика (например, турникет или электронный замок) и т.п.

Устройства обработки информации предназначены для регистрации поступающей информации и формирования управляющих команд в соответствии с алгоритмом. Среди компонентов персонального компьютера примером устройства обработки информации являются центральный процессор, графический контроллер (видеокарта), звуковой процессор (звуковая карта). В устройствах обработки информации также обычно присутствует оперативная память, используемая

для хранения обрабатываемых объемов информации (кэш, буфер). Строго говоря, практически в каждом цифровом устройстве в том или ином виде имеется устройство обработки информации – микроконтроллер (преобразователь), осуществляющий обработку данных по алгоритму, заложенному в микропрограмме («прошивке») и хранящемуся в постоянном запоминающем устройстве (BIOS).

Устройства передачи информации по каналам связи предназначены для формирования сигналов, их трансляции и приема посредством различных каналов связи: проводных и беспроводных. Они представляют собой устройства ввода/вывода информации, которые осуществляют преобразование поступающих данных в сигнал, пригодный для передачи по каналу связи (модуляцию), и его трансляцию, а также прием сигналов и их обратное преобразование в доступную для обработки форму (демодуляцию). К устройствам передачи информации относятся модемы, Bluetooth-модули, Wi-Fi-роутеры и адаптеры, сетевые карты, GSM-модули, коммутаторы, маршрутизаторы, модули ИК-связи.

Современный компьютер независимо от своих конструктивных особенностей (будь то сервер, ноутбук, смартфон или планшет) включает в себя все типы вышеперечисленных устройств и, по сути, является единым информационным комплексом. Управление данным *информационным комплексом* и взаимодействие компонентов осуществляется посредством программного обеспечения. Основной задачей применения данных информационных комплексов является обработка данных и формирование результатов, необходимых пользователю. Соответственно, можно выделить три основных компонента любого информационного комплекса или системы: аппаратный, программный и информационный.

Передачу и хранение криминалистически значимой информации необходимо рассматривать не только для стационарных компьютерных средств и систем, их связи с локальными и глобальными сетями, но и для мобильных телефонов сотовой связи, смартфонов, планшетных компьютеров, которые в силу своего всеобщего распространения в настоящее время являются одними из важнейших объектов криминалистического исследования, поскольку выступают не только как носители и средства передачи криминалистически значимой информации, но и являются предметами и орудиями совершения преступлений. Вышеуказанные устройства уже не могут классифицироваться как ЭВМ, поскольку имеют постоянное соединение с сетью и являются ее частью. Они представляют собой интегрированные устройства, в которые входит персональный компьютер (иногда с урезанными возможностями); устройство связи, коммутации; используют специфическое программное обеспечение; содержат носители информации (SIM-карты, карты памяти, USB-накопители); осуществляют функции глобальной системы позиционирования (GPS), оснащены фото- и видеокамерами¹².

Отличительными чертами доказательственной информации, хранящейся в цифровом виде, являются следующие:

- неясный вид и необходимость использования специальных средств для обеспечения ее восприятия;
- возможность уничтожения или модификации в кратчайшие сроки и удаленно;
- наличие специальных средств, ограничивающих доступ к данной информации;
- постоянное изменение информации в ходе работы пользователя и выполнения различных операций;

– формирование взаимосвязанной информации на различных устройствах одновременно при передаче данных по каналам связи.

Перечисленные свойства цифровых данных обуславливают необходимость разработки в рамках частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности тактики и технологии проведения следственных действий. Должна быть разработана тактика и технология осмотра места происшествия, где находятся компьютерные средства и системы осмотра отдельно стоящего компьютерного средства с учетом специфики выявления, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации. То же относится и к тактике и технологии обыска и выемки. Укажем основные принципы, которыми следует руководствоваться при проведении следственных действий, сопряженных с изъятием компьютерных средств и систем:

- не должна изменяться никакая информация, содержащаяся на изымаемых носителях компьютерной информации;
- доступ к информации и исследование ее на месте допустимы только когда невозможно изъять носитель для производства судебной экспертизы;
- любые манипуляции с компьютерными средствами и системами должны осуществляться только с участием специалиста;
- все выполняемые действия должны подробно протоколироваться, чтобы обеспечить возможность использования результатов этих действий в доказывании.

Свою специфику имеет тактика и технология осмотра и обыска серверов, носителей данных, мобильных устройств сотовой связи, смартфонов, планшетных компьютеров.

Особенности имеются и при производстве допроса лиц, создающих и экс-

платирующих компьютерные средства и системы: инженеров-программистов, сетевых администраторов, создателей, администраторов и модераторов социальных сетей, блогеров, квалифицированных и неквалифицированных пользователей.

Для результативного собирания криминалистически значимой компьютерной информации, по нашему мнению, необходимо во всех случаях привлекать специалистов в области судебной-компьютерно-технической экспертизы.

Исключительно важным является тактика и технология назначения судебных экспертиз при расследовании компьютерных преступлений, где основное место отводится описанию современных возможностей экспертного исследования, которое дается через перечни типичных задач основных родов судебных экспертиз, назначаемых при изучении вышеуказанных объектов. В первую очередь это, безусловно, касается судебной компьютерно-технической экспертизы, которая в настоящее время представляет собой класс судебных экспертиз, в которую входят¹³:

1) *судебная аппаратно-компьютерная экспертиза* – исследование аппаратных средств компьютерной системы – материальных носителей информации;

2) *судебная программно-компьютерная экспертиза* – исследование программного обеспечения компьютерной системы;

3) *судебная информационно-компьютерная экспертиза (данных)* – поиск, обнаружение, анализ и оценка информации, подготовленной пользователем или порожденной (созданной) программами для организации информационных процессов в компьютерной системе;

4) *судебная компьютерно-сетевая экспертиза*, задачи которой включают практически все основные задачи рассмотренных выше видов экспертизы, т.е. решение аппаратных, программных и информационных аспектов установления фактов и обстоятельств по делам. Ее объекты интегрированы из объектов рассмотренных выше видов экспертиз (аппаратные, программные и информационные), но лишь с той разницей, что они все функционируют в определенной сетевой технологии. Формируется новый род судебных компьютерно-технических экспертиз устройств сотовой связи.

В комплексе с судебными компьютерно-техническими экспертизами актуальным является назначение судебных фоноскопических экспертиз, лингвистических и автороведческих экспертиз текстов блогов и SMS-сообщений, судебных экономических экспертиз, технико-криминалистических экспертиз документов.

Частная теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности послужит основой для разработки эффективных криминалистических методик расследования компьютерных преступлений.

¹ См.: Россинская Е. Р. Криминалистика : учеб. для вузов. М., 2013. С. 440–442; Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учеб. для вузов. Изд. 4-е перераб. и доп. М., 2014. С. 903–905.

² См.: Протасевич А. А., Зверьянская Л. П. Особенности осмотра места происшествия по делам о киберпреступлениях // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2013. № 2 (88). С. 2. URL: <http://eizvestia.isea.ru/pdf.aspx?id=17278> (дата обращения: 20.10.2014).

³ См.: *Россинская Е. Р., Шамаев Г. П.* Криминалистическое исследование компьютерных средств и систем как новый раздел криминалистической техники // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 25–26 сентября 2014 г.). Иркутск, 2014. С. 317–318.

⁴ См.: *Россинская Е. Р.* Система криминалистической техники в свете современных представлений о природе криминалистики // Современные проблемы криминалистики : сб. трудов Академии управления МВД РФ. 1998. С. 5.

⁵ См.: Криминалистика : информационные технологии доказывания : учебник / под ред. В. Я. Колдина. М., 2007. С. 389–414.

⁶ См.: Guidelines for best practice in the forensic examination of digital technology. IOCE, May 2002. URL: [http://www.ioce.org/fileadmin/user_upload/2002/Guidelines for Best Practices in Examination of Digital Evid.pdf](http://www.ioce.org/fileadmin/user_upload/2002/Guidelines%20for%20Best%20Practices%20in%20Examination%20of%20Digital%20Evid.pdf) (дата обращения: 20.10.2014).

⁷ См.: *Агibalов В. Ю.* Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе : монография. М., 2012. С. 13 ; *Волеводз А. Г.* Следы преступлений, совершенных в компьютерных сетях // Российский следователь. 2002. № 1. С. 6 ; *Краснова Л. Б.* Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. С. 15–17 ; *Мещеряков В. А.* Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 112–113 ; *Поляков В. В.* Особенности расследования неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 13 ; *Смушкин А. Б.* Виртуальные следы в криминалистике // Законность. 2012. № 817. С. 43–45.

⁸ См.: *Милашев В. А.* Проблемы тактики поиска, фиксации и изъятия следов при неправомерном доступе к компьютерной информации в сетях ЭВМ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 63–65.

⁹ См.: *Мещеряков В. А.* Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 18.

¹⁰ См.: Криминалистика : информационные технологии доказывания... С. 11.

¹¹ См.: *Поляков В. В.* Указ. соч. С. 4.

¹² См.: *Семикаленова А. И., Сергеева К. А.* Мобильные телефоны сотовой связи – новые объекты судебной компьютерно-технической экспертизы // Законы России, опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 81.

¹³ См.: *Россинская Е. Р.* Судебная компьютерно-техническая экспертиза : проблемы становления и подготовки кадров экспертов // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 3. С. 62–63.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Россинская Е. Р., доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебных экспертиз, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, директор Института судебных экспертиз, академик Российской академии естественных наук, Президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза»

Tel.: 8-916-674-56-10

Moscow State Legal University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Rossinskaya E. R., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Forensic Expertise Department, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Forensic Expertise Institute, Active Member of the Russian Natural Sciences Academy, President of the Association of Educational Institutions «Forensic Expertise»

Tel.: 8-916-674-56-10

И. Г. Савицкая

Воронежский институт МВД России

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ
ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ С УЧАСТИЕМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЛИЦА**

Аннотация: статья посвящена проблемным вопросам производства опознания с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. Представляются наиболее эффективные и безопасные способы проведения данного следственного действия с учетом особенностей возраста несовершеннолетнего лица.

Ключевые слова: следственное действие, опознание, несовершеннолетний, доказательства, условия, исключающие визуальный контакт, технические средства.

**TOPICAL ISSUES OF PRESENTATION FOR
THE IDENTIFICATION
WITH PARTICIPATION UNDER-AGED PERSON**

Abstract: article is devoted to problematic issues of production of an identification with participation of the minor victim or witness. It represents the most effective and safe methods of carrying out this investigative action taking into account features of age of the minor.

Key words: the investigative action, an identification, the minor, proofs, conditions excluding visual contact, technical means.

Поступила в редакцию 14 сентября 2016 г.

Предъявление для опознания является одним из важнейших следственных действий, направленных на изобличение преступника, а также средством получения информации при расследовании различных преступлений, в том числе и с участием несовершеннолетних. Субъектами опознания могут быть как подозреваемые и обвиняемые, не достигшие возраста 18 лет, так и несовершеннолетние потерпевшие и свидетели.

Предъявление для опознания несет в себе и огромный тактический риск. Именно в ходе данного следственного действия возникает наибольшая опасность воздействия преступником на несовершеннолетнего опознающего, а в условиях недопу-

стимости повторного предъявления для опознания – срыва следственного действия и подрыва доказательственной базы следствия¹. Пожалуй, только в ходе предъявления лица для опознания и очной ставки возникает «прямое» общение подозреваемого с несовершеннолетним потерпевшим или свидетелем. Так, при попытке оказать воздействие в ходе очной ставки ее можно прервать, отложить, повторить в дальнейшем. При этом аналогичные меры в отношении предъявления лица для опознания, согласно действующему уголовно-процессуальному закону (ч. 3 ст. 193 УПК РФ), недопустимы.

Как отмечает В. Л. Шапошников, «59,5 % свидетелей и потерпевших отказываются от участия в данном следствен-

© Савицкая И. Г., 2017

ном действии именно по причине страха, как за свою жизнь, так и за жизнь и здоровье своих близких»². Особенно актуальными такие опасения представляются при производстве данного следственного действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля.

Практика показывает, что малолетний свидетель или потерпевший воспринимает внешность человека, как правило, неточно. Например, дети в возрасте от трех до шести лет, воспринимают и запоминают яркие цвета, обращают внимание на заметные детали, приметы, эмоционально-поведенческие особенности. Гораздо хуже несовершеннолетние запоминают черты лица, а рост в их восприятии, как правило, увеличивается. Дети от трех до семи лет, часто не могут назвать примерный возраст человека, тогда как подросток уже может его определить. Поэтому при проведении данного следственного действия часто случаются ошибки.

Исходя из этого, при подготовке к проведению опознания с участием несовершеннолетнего следователю необходимо учитывать особенности восприятия и запоминания несовершеннолетними полученной информации, и на основании этого решать вопрос о целесообразности производства данного следственного действия.

В научной литературе выделяется ряд факторов, при наличии которых предъявление для опознания с участием несовершеннолетних проводить не рекомендуется.

Во-первых, если несовершеннолетний является потерпевшим. При таких обстоятельствах встреча с лицом, совершившим преступление, может оказать крайне негативное влияние на психику потерпевшего ребенка или подростка. Несмотря на то, что в процессе опозна-

ния опознающий подросток находится в невербальном контакте с опознаваемым преступником, на психологическом уровне это может отрицательно повлиять на результат опознания.

Во-вторых, фактором, который может повлиять на эффективность опознания, является малолетний возраст ребенка. В возрасте до семи лет ребенок слабо запоминает внешность, искажает черты лица человека, поэтому есть серьезный риск, что при опознании он укажет на статистов, не имеющих с преступником существенных различий.

В-третьих, несовершеннолетний младшего школьного возраста, на подсознательном уровне может воспринять проводимое следственное действие как задание, подлежащее оценке, что, в свою очередь, может привести к его стрессовому состоянию и растерянности.

Уголовно-процессуальным кодексом предусмотрены нормы, направленные на обеспечение безопасности свидетелей, потерпевших и иных участников судопроизводства. В полной мере они касаются и несовершеннолетних.

Важное место среди данных мер занимает предъявление для опознания в условиях, исключающих восприятие опознающего опознаваемым. Аналогично «обычному» предъявлению для опознания несовершеннолетний опознающий должен быть предварительно допрошен об обстоятельствах, при которых он видел предъявленное для опознания лицо, а также о приметах и особенностях, по которым он может опознать это лицо.

Для обеспечения безопасности несовершеннолетнего возможно и опосредованное предъявление для опознания лица – по фотографиям, видеозаписям. Непосредственное предъявление для опознания обеспечивает личное восприятие опознающим опознаваемого.

При этом, согласно ч. 8 ст. 193 УПК РФ, в целях обеспечения безопасности опознающего предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым.

Общими правилами для всех способов предъявления лица для опознания будут предъявление опознаваемого лица в числе двух других лиц максимально сходной с ним внешности, а также свобода выбора опознаваемым места среди предъявляемых лиц.

Один из важных вопросов проведения опознания – привлечение к следственному действию схожих по приметам несовершеннолетних лиц в качестве статистов. Опрос следователей показал, что распространенной в данном случае является проблема, связанная с несогласием законных представителей несовершеннолетних лиц на участие в следственном действии в качестве статистов. В данном случае следователи пытаются найти других статистов, беседуют с законными представителями с целью получения их согласия, выходят из положения путем привлечения сходных по внешности и примерному возрасту несовершеннолетних лиц.

П. Г. Смагин в данном случае приводит пример, который может стать одним из способов решения данной проблемы. В производстве следственного отдела ОП № 5 г. Воронежа находилось уголовное дело по факту причинения телесных повреждений несовершеннолетним другому несовершеннолетнему. После задержания подозреваемого возникла необходимость проведения опознания, однако из-за неординарной внешности (рост около двух метров, специфичные черты лица и ярко выраженные шрам на лице) найти двух схожих лиц не представлялось возможным, поэтому было принято

решение проводить опознание по фотографиям, две из которых были изменены с помощью графического редактора³.

С точки зрения допустимости и законности проводимого следственного действия в УПК РФ прямых ограничений нет, поэтому такой способ проведения опознания в случаях отсутствия возможности предъявить уникальные предмет или живое лицо представляется вполне возможным.

Технически оптимальным, конечно, будет использование для предъявления лица для опознания с участием несовершеннолетних специальных смежных комнат, одна стена в которых снабжена зеркалом с односторонней прозрачностью (зеркалом Газелла), через которое и производится опознание. Подобный способ активно реализуется за рубежом⁴.

Однако сложившаяся отечественная практика недофинансирования правоохранительной системы приводит к тому, что не каждое районное управление внутренних дел может себе позволить организацию подобных комнат для опознания, не говоря уже о линейных отделах полиции.

Проведенный нами опрос следователей следственных отделов ОВД показывает, что указанное следственное действие с участием несовершеннолетних в большинстве случаев проводится следователями путем непосредственного предъявления для опознания и только в отдельных случаях, в условиях, исключающих визуальный контакт опознаваемого и несовершеннолетнего опознающего или по фотографии. Видеозапись при проведении опознания с участием несовершеннолетнего, как правило, не ведется.

Между тем в деятельности правоохранительных органов активно используется несколько вариантов решения данной проблемы.

Самым простым способом будет гримировка опознающего, максимальное изменение его реальной внешности. Подобное опознание проводится по обычным правилам предъявления лица для опознания. Однако данный способ не исключает узнавания опознающего опознаваемым по вербальным или динамическим признакам или давления на неузнанного опознающего.

Более эффективными будут способы предъявления лица для опознания с полным исключением возможности восприятия опознающего лица опознаваемым. Наука и практика предлагают несколько подобных способов. Достаточно успешным может стать опознание лица из автомобиля со стеклами с зеркальной тонировкой⁵.

Возможно предъявление лица для опознания в комнате, одна часть которой сильно освещена, а другая затемнена. При этом опознающий будет находиться в затемненной части. Тем не менее использование подобного способа с участием несовершеннолетнего может создать ряд неудобств. При создании такого контрастного освещения в одной комнате сложно подобрать оптимальный баланс света, чтобы опознаваемый и не мог увидеть опознающего, и не был вынужден щуриться от излишне яркого света, что может осложнить его узнавание.

Одним из способов обеспечения безопасности опознающего может быть проведение данного следственного действия в комнате, разделенной ширмой с небольшой прорезью. Опознающий через эту прорезь должен будет рассмотреть опознаваемого. Кроме того, возможно проведение предъявления для опознания с расположением опознаваемого в камере ИВС, когда опознающий воспринимает опознаваемого через злок в двери камеры⁶.

П. Г. Смагин как один из способов условий, исключающих визуальное наблюдение несовершеннолетнего опознающего опознаваемым, предлагает возможность применения информационных технологий – видеоконференцсвязи или видеозаписи. Для связи между кабинетами могут быть использованы радиостанции и телефон⁷.

Все вышеперечисленные способы можно использовать и в случае проведения опознания с участием несовершеннолетнего.

Наконец, с целью обеспечения безопасности несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства возможно проведение опосредованного предъявления для опознания по фотоснимкам или видеозаписям. Н. В. Макеева приводит пример, когда для обеспечения безопасности несовершеннолетних свидетелей убийства в следственном изоляторе, естественно, с соблюдением определенных правил, была сделана видеозапись подозреваемого и сходных с ним лиц, а затем ее предъявили подросткам, и преступник был опознан. В данном случае опознаваемый содержался в СИЗО, и, возможно, нахождение в нем школьников было признано нецелесообразным⁸.

Что касается местоположения участников во время проведения следственного действия, следователям следует обратить внимание на позицию Конституционного Суда Российской Федерации, который указывает, что при проведении опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего, защитник присутствует в помещении, в котором находится его подзащитный. При этом в месте нахождения опознающего, как предусмотрено ч. 8 ст. 193 УПК РФ, находятся понятые. Присутствие же защитника в месте нахождения опознающего в таких случаях снижало бы эф-

фективность обеспечения безопасности опознающего и умаляло бы значение института государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства⁹.

Таким образом, при проведении опознания в целях обеспечения безопасности, а также исключения психологического травмирования несовершеннолетнего потерпевшего надлежит руководствоваться правилами ч. 8 ст. 193 УПК РФ и во всех случаях производить данное следственное действие в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего. Следовательно, в отношении лиц указанной категории подобные правила надлежит применять независимо от наличия достаточных данных полагать, что существует угроза их безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ).

При этом предъявление лица для опознания с участием несовершеннолетнего необходимо проводить только в ис-

ключительных случаях. К таким случаям следует отнести:

1. Невозможность установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела без привлечения несовершеннолетнего к данному следственному действию или с помощью других доказательств.

2. Способность несовершеннолетнего правильно воспринимать обстоятельства, которые могут иметь значение для уголовного дела.

3. Способность несовершеннолетнего верно запоминать и узнавать предметы и внешность человека, умение с помощью терминов и понятий указать на признаки, по которым возможно узнать опознаваемого.

В любом случае следователь, учитывая особенности несовершеннолетних, должен понять насколько необходимо в уголовном процессе предъявление для опознания с их участием.

¹ См.: *Смушкин А. Б.* Предъявление для опознания в условиях, исключающих восприятие опознающего опознаваемым, как способ обеспечения безопасности участника уголовного судопроизводства // *Российский следователь.* 2013. № 15. С. 11–13.

² *Шапошников В. Л.* Процессуальные и тактические особенности собирания доказательств при организации и проведении осмотра места происшествия, связанного с взрывом // *Тактика производства следственных действий в соответствии с новым Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации : материалы Всерос. науч. конф. (23 апреля 2003 г.) / под ред. А. П. Резвана, Н. В. Федяевой.* Волгоград, 2004. С. 96.

³ См.: *Смагин П. Г.* Использование информационных технологий при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних // *Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних : сб. материалов межведомственного круглого стола.* Воронеж, 2013. С. 58–59.

⁴ См.: *Галузин А. Ф.* Принцип «правовой безопасности» системы уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного законодательства и прокурорского надзора // *Право и политика.* 2005. № 4. С. 123–137.

⁵ *Зуев С. В.* Особенности производства по уголовным делам об организованной преступности : учеб. пособие. Челябинск, 2006. С. 50.

⁶ *Смушкин А. Б.* Указ соч. С. 12.

⁷ *Смагин П. Г.* Указ соч. С. 59.

⁸ *Макеева Н. В.* Процессуальные аспекты обеспечения безопасности свидетеля в уголовном судопроизводстве. Калининград, 2005. С. 92.

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Орлова Дмитрия Игоревича на нарушение его конституционных прав положением части восьмой статьи 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2008 г. № 1090-О-О.

*Воронежский институт
МВД России*

Савицкая И. Г., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса

E-mail: arisha_s@list.ru

Tel.: 8 (473) 200-53-47, 8-951-568-98-22

*Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia*

Savitskaya I. G., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Criminal Trial Department

E-mail: arisha_s@list.ru

Tel. 8 (473) 200-53-47, 8-951-568-98-22

П. Г. Смагин

Воронежский институт МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А н н о т а ц и я: в статье раскрываются признаки системы искусственного интеллекта, обозначаются направления использования информационных технологий и системы искусственного интеллекта в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений, а также обозначаются перспективы и возможности использования указанных технологий в деятельности следователя.

К л ю ч е в ы е с л о в а: искусственный интеллект; информационные технологии в расследовании; выявление, раскрытие и расследование преступлений; принятие процессуальных решений.

USING THE POSSIBILITIES OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE FOR THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

A b s t r a c t: the article reveals signs of artificial intelligence system indicates directions of use of information technology and artificial intelligence system in the process of identification, disclosure and investigation of crimes, and are also referred to the prospects and possibilities of using these technologies in the activities of the investigator.

К e y w o r d s: artificial intelligence; information technology; investigation; detection, disclosure and investigation of crimes; adoption of procedural decisions.

Поступила в редакцию 10 июля 2016 г.

Важность и необходимость использования информационных технологий в процессе реализации государством своих задач, в том числе в области правоохранительной деятельности, не раз находило свое отражение в различных нормативных документах, концепциях, стратегиях развития нашей страны.

Так, в распоряжении Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года»¹ в числе прочих указывается на применение информационных технологий с элементами искус-

ственного интеллекта. В данной статье мы попытаемся определить возможные направления использования указанных технологий при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений.

Начнем с дефиниции понятия «искусственный интеллект». К сожалению, легального определения данной категории в нормативных актах не закреплено, а применительно к контексту рассматриваемой нами сферы имеется незначительное количество научных трудов, в которых авторы исследуют вопрос использования информационных технологий в целом и также не приводят определения вышеуказанного понятия. В связи с этим обратимся к отдельным признакам системы искусственного интеллекта, которые выделяются специалистами:

© Смагин П. Г., 2017

наличие в системе своеобразной модели внешнего мира, которая обеспечивает индивидуальность и относительную самостоятельность системы в оценке конкретной ситуации, а также возможность семантической и прагматической интерпретации запросов к системе; способность системы пополнять имеющиеся знания; способность к дедуктивному выводу; способность к диалоговому взаимодействию с человеком; способность к адаптации².

В то же время не все перечисленные условия обязательны для признания системы интеллектуальной. Как правило, признается абсолютно необходимым наличие внутренней модели внешнего мира, и при этом считается достаточным наличие хотя бы одного из перечисленных выше признаков.

Для возможности интеграции системы искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов она должна обладать, на наш взгляд, следующими базовыми возможностями:

- анализировать большой объем информации с выстраиванием корреляционных связей между отдельными элементами;
- формировать конечный вывод из промежуточных;
- выдвигать версии произошедшего;
- составлять рекомендации и алгоритм деятельности сотрудника правоохранительных органов в конкретной ситуации;
- автоматизировать электронный документооборот.

Безусловно, система искусственного интеллекта не сможет заменить разум человека, однако она способна абстрагироваться от эмоций и сформировать объективные выводы. Рассмотрим данное суждение на примере экспертной деятельности, в частности при даче экспертом «вероятностного» заключения.

В теории доказательств и судебно-экспертной деятельности нередко пользуются термином «вероятность». Еще Л. Е. Владимиров отмечал, что «при оценке силы судебных доказательств на основании приблизительных обобщений нужно всегда помнить, что, при невозможности знать все случаи исключений, мы получаем только вероятное доказательство, более или менее высокую степень вероятности, на основании которой обыкновенно и действуем в жизни»³. Сходные точки зрения существуют и в современной правовой науке⁴.

Эксперт при проведении исследования в зависимости от объема и значимости установленных совпадений и различий наряду с категорическими формулирует и вероятные выводы. Так, вероятно положительный вывод формулируется судебным экспертом в случае, если совокупность совпадающих признаков близка к индивидуальной, но не составляет ее. В практической деятельности судебно-экспертных учреждений заключения эксперта с вероятностными выводами составляют существенную часть от их общего числа⁵. Вероятностный характер могут носить заключения даже идентификационных экспертиз.

Сама природа экспертного исследования такова, что здесь не может быть статистики и трудно говорить об «исходах опыта»⁶. В результате вероятность зачастую приобретает смысл субъективного числового показателя уверенности судебного эксперта в высказываемом им утверждении, степени его веры в него. Однако подобные показатели могут работать и в других, порой более простых моделях рассуждений, а вероятностный подход сегодня уже не выглядит единственно возможным.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что исключить субъективное (внутреннее) убеждение субъекта принятия

решения практически невозможно. Как раз в таких случаях системы искусственного интеллекта могут оказать решающее значение при интерпретации тех или иных фактов.

Среди направлений использования системы искусственного интеллекта в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений можно выделить следующие.

Выявление преступлений. В первую очередь это касается экономических преступлений. Аналитическая система, построенная на принципах искусственного интеллекта, будет круглосуточно осуществлять проверку финансовых операций, проводимых хозяйствующими субъектами и выявлять уклонения от уплаты налогов, легализацию преступных доходов, фиктивное банкротство и т.д. Использовать современные системы также можно и при выявлении общеуголовных преступлений. Например, это касается анализа деятельности людей в социальных сетях и не только на предмет распространения там запрещенных сведений, нарушений авторских прав, купли-продажи похищенных предметов и предметов, запрещенных в гражданском обороте (например, наркотических средств) и т.д.

Выдвижение версий и раскрытие преступлений. Одной из первых попыток типизации информации о различных элементах криминалистической характеристики преступлений и выведения закономерных связей между этими элементами на основе изучения значительного количества дел о неочевидных убийствах является работа, проведенная Л. Г. Видоным⁷. В настоящее время правоохранительные органы собирают и анализируют значительное количество криминалистически значимой информации. Проведя анализ исходных данных с использованием систем искусственного интеллекта, можно получить

новую информацию. К примеру, сделать анализ по всем раскрытым квартирным кражам из многоэтажных домов, где способом проникновения являлся подбор ключа, и установить в процентном соотношении данные о личности преступника, времени совершения преступления и т.д. и на основании этого следователь, а также сама программа могут выдвинуть наиболее и наименее вероятные версии совершения преступления. Справедливо отмечали Р. С. Белкин и А. И. Винберг: «В криминалистике, как и в других областях научного знания, систематизация и классификация служат средством проникновения в сущность познаваемых явлений и предметов, установления связей и зависимостей между ними, выражения отношений между элементами структуры, между подсистемами»⁸.

В данный момент существует множество информационных систем и автоматизированных учетов практически во всех подразделениях правоохранительных органов, однако в данный момент реализовать описанный выше алгоритм крайне затруднительно в силу целого ряда причин, к числу которых можно отнести разнородность и несовместимость в программном плане различных учетов, отсутствие развитой локальной сети и соответствующего программного обеспечения.

Процесс доказывания. Структура процесса расследования с точки зрения системы искусственного интеллекта располагается как бы в двух плоскостях. Первая плоскость – это система взаимосвязанных событий, описывающая структуру преступления, вторая – структуру расследования, характеризующую выяснение существенных обстоятельств дела и их доказывание. Обе плоскости связаны между собой через события, лежащие в каждой из них.

Для процесса расследования преступления в программу вводятся события,

отражающие проведенные следственные и процессуальные действия: допрос, экспертиза, очная ставка и т.д. Для их связи с предметом доказывания (в качестве которого выступают события механизма преступления) предлагается ввести мнимые события: вина в совершении преступного деяния подтверждается; вина не признается; об истинных намерениях не известно. В результате легко построить схему, например, подтверждения факта совершения грабежа: «допрос» – «подтверждение» – «совершение грабежа», которая означает, что в материалах допроса содержится подтверждение факта совершения грабежа. Учитывая, что

событие «допрос» в качестве атрибутов будет иметь фамилию допрашиваемого, а событие «совершение грабежа» – описанные выше атрибуты (личность преступника, время и способ совершения), по схеме легко восстановить механизм доказывания по уголовному делу.

Полная схема может быть разработана по технологии семантических сетей и корреляционных связей включать в себя описания иерархии объектов и ситуаций, атрибутов и свойств и т.д., т.е. реализует представление знаний об этой области расследования преступлений по принципам искусственного интеллекта (рис. 1).

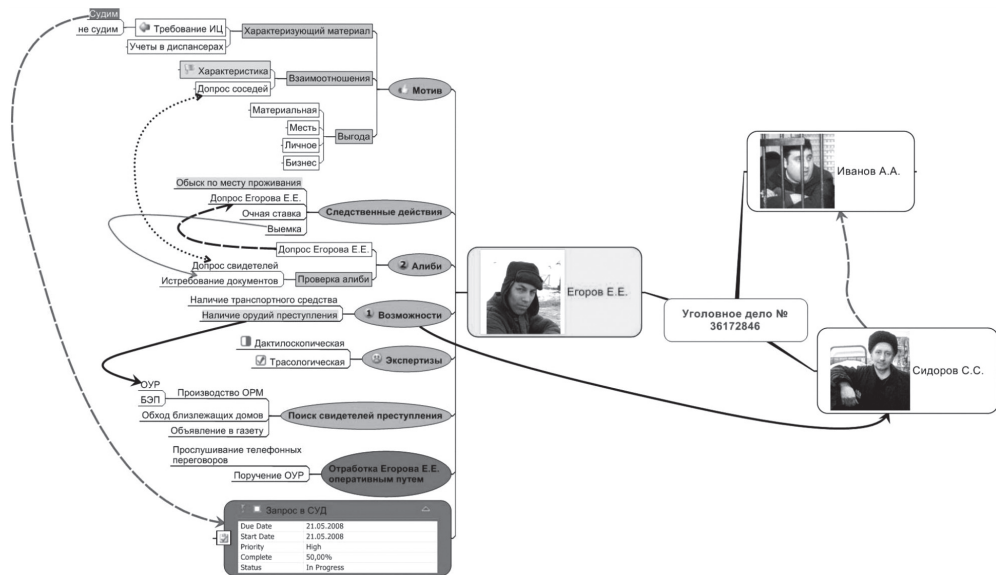

Рис. 1. Корреляционные связи между элементами в процессе расследования преступлений

Планирование расследования. План работы следователя по конкретному уголовному делу, как правило, включает в себя виды и сроки производства тех или иных процессуальных действий, порядок и сроки получения характеризующего материала и других документов. Составление плана расследования по кон-

кретному уголовному делу зависит от следственной ситуации, действующий на определенный момент времени и с помощью системы искусственного интеллекта можно значительно повысить эффективность деятельности следователя.

Методическая помощь следователю. При расследовании конкретного уго-

ловного дела в компьютер автоматизированного рабочего места следователь в диалоговом режиме вводит сведения о составе и способе преступления, предмете преступного посягательства, потерпевшем и др. После обработки на дисплей выводятся рекомендации, которые могут быть использованы в планировании расследования, позволяют сгруппировать данные по эпизодам и по участникам, подсказывают, как осуществить конкретное следственное действие, произвести поиск и сопоставление эпизодов, фамилий, дат и т.д. Такие программные решения формируют у неопытных следователей навыки принятия решений при раскрытии и расследовании отдельных видов преступлений, обучают выдвижению следственных версий, планированию расследования⁹.

Принятие процессуальных решений. Принятие взвешенных, мотивированных и обоснованных процессуальных

решений является очень важной задачей следователя. Системы искусственного интеллекта в некоторых случаях способны оказать своего рода «поддержку» в объективности принимаемого решения. Это касается как оценки совокупности доказательств, так и анализа оснований и условий принятия соответствующего решения следователем. Приведем примерный алгоритм принятия одного из решений следователем с использованием системы искусственного интеллекта.

При избрании меры пресечения мы предлагаем устанавливать корреляционные связи между девятью важнейшими, на наш взгляд, обстоятельствами, которые должны быть учтены следователем (рис. 2). Каждому из обстоятельств присвоен собственный коэффициент значимости. К примеру, в категории «судимость» помимо двух приведенных в таблице вариантов ответа могут быть и

Рис. 2. Принятие решения об избрании меры пресечения

несколько иные, в частности: не судим, но привлекался к уголовной ответственности, судимость погашена, освобожден условно-досрочно; также можно добавить еще множество вариантов: сколько раз судим, по каким статьям и т.д. Нами лишь показано направление и возможность применения такого рода информационных технологий.

Проведенный нами краткий анализ возможностей использования в процессе выявления, раскрытия и расследования преступлений системы искусствен-

ного интеллекта позволяет утверждать, что такие системы необходимо создавать и внедрять в детальность правоохранительных органов. Однако реализовать это можно, только решив промежуточные задачи, которые заключаются в создании интегрированного банка данных криминалистически значимой информации, создания развитой сети обмена данными, создания программных продуктов и их тестирование, а также обучения конечных пользователей основам работы с такими системами.

¹ Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р // Собр. законодательства РФ. 2013. № 46. Ст. 5954.

² Лим А. С. Разработка базы знаний с использованием искусственного интеллекта : дис. ... магистра. Алматы, 2014. 58 с. URL: http://www.aipet.kz/student/mag_disser/2014/Lim.pdf (дата обращения: 12.06.2016).

³ Владимиров В. Е. Учение об уголовных доказательствах. Харьков, 1881. URL: <http://yurpsy.fatal.ru/biblio/vladim/vladim.htm> (дата обращения: 08.07.2016).

⁴ См.: Овсянников И. В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001 350 с. ; Криминалистика : учеб. для вузов / И. Ф. Герасимов [и др.] ; под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. 743 с.

⁵ См.: Аршинский Л. В., Жигалов Н. Ю., Мункожаргалов Ц. Б. Проблемы применения информационного и логико-математического моделирования в судебной экспертизе и криминалистике // Российский следователь. 2013. № 3. С. 6–10.

⁶ Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин [и др.] ; отв. ред. Н. В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М., 1973. 330 с.

⁷ Видонов Л. Г. Криминалистические характеристики убийств и система типовых версий о лицах, совершивших убийства в отсутствие очевидцев : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. 16 с.

⁸ Белкин Р. С., Винберг А. И. Системы классификации в криминалистике. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973. С. 185.

⁹ Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика : учебник / под ред. Е. П. Ищенко. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М., 2010. 784 с.

Воронежский
институт МВД России

Смагин П. Г., преподаватель кафедры
уголовного процесса

E-mail: pasha_smagin@mail.ru

Тел.: 8-908-134-73-64

Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

Smagin P. G., Lecturer of the Criminal Proceedings
Department

E-mail: pasha_smagin@mail.ru

Tel.: 8-908-134-73-64

О ПРЕДМЕТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

А н н о т а ц и я: в статье рассматриваются актуальные вопросы криминалистической виктимологии. Анализируются структурообразующие элементы предмета криминалистической виктимологии; определяется место учения о жертве в системе криминалистики; уделяется внимание значению виктимологического анализа при решении криминалистических задач.

К л ю ч е в ы е с л о в а: криминалистическая виктимология, преступление, механизм преступления, жертва преступления, виктимологический анализ.

ON THE SUBJECT OF CRIMINALISTICS VICTIMOLOGY

A b s t r a c t: the article concerns topical issues of criminalistics victimology. It analyzes the structural elements of the subject of criminalistics victimology; the place of the doctrine of sacrifice in the system of criminology is determined; focuses on the importance of victimological analysis in solving criminalistics problems.

Key words: criminalistics victimology, crime, mechanism of a crime, victim of crime, victimological analysis.

Поступила в редакцию 3 октября 2016 г.

В отечественной и зарубежной литературе встречаются различные определения виктимологии (от лат. *viktima* – жертва) – учения о жертве преступления. При этом их авторы, как правило, относят указанную категорию к научной системе криминологии, что с методологических позиций, на наш взгляд, в настоящее время является недостаточно обоснованным подходом.

Так, польский ученый Е. Бафия, определяя виктимологию, пишет, что она представляет собой «часть криминологии, занимающуюся изучением участия физического лица-жертвы в формировании криминогенной ситуации»¹. Однако лаконичность данной дефиниции не позволяет составить целостного представ-

ления о закономерностях, составляющих предмет виктимологии.

Напротив, весьма расширительно (и, заметим, несколько загадочно) определяет предмет виктимологии В. Е. Христенко, отмечая, что последняя изучает «закономерности поведения жертвы, процессы превращения человека в жертву, социальные процессы, в результате которых отдельно взятые индивиды и целые социальные группы подвергаются различного рода истязаниям»².

Согласно же определению, приведенному в «Российской криминологической энциклопедии», виктимология представляет собой «направление научных исследований, которое охватывает проблемы, связанные с потерпевшим от преступления»³. Однако и эта (энциклопедическая) дефиниция в буквальном смысле,

как нам представляется, также отличается незавершенностью, отсутствием четкости понимания системообразующих оснований (проблем) и сущностных признаков соответствующего «научного направления» – виктимологии.

Кроме того, следует заметить, что объемы понятий «жертва преступления» и «потерпевший от преступления» не являются равнозначными (с позиций формально-логических и собственно юридических). Как известно, отнюдь не любая жертва (преступления) приобретает статус потерпевшего. Обусловлено это, в первую очередь, высоким уровнем латентной преступности (включая ее естественную и искусственную составляющие; отдельные пострадавшие по определенным причинам совсем не желают становиться «потерпевшими»). А потому первое понятие («жертва преступления») по своему смысловому объему является более широким.

Термин «виктимология» действительно в большей степени «прижился» в криминологии, и связывают последний чаще всего с разрешением разного рода криминологического-профилактических задач. Виктимология (криминальная виктимология) в данном смысле, как пишет В. И. Полубинский, «призвана вырабатывать защитные меры, помогающие избегать ситуаций, в которых поводом для противоправных действий могут стать личностные качества и поведение самого пострадавшего»⁴. Но это есть лишь одно из направлений исследований жертвы (потерпевшего); в действительности же, думается, виктимология есть системное изучение жертвы целым рядом наук антикриминального цикла – материальным и формальным уголовным правом, криминологией и криминалистикой. Причем каждая из них изучает жертву в аспекте достижения своих собственных

целей и на базе закономерностей, составляющих предмет данной науки, с использованием соответствующих методов и средств.

Вместе с тем, анализ отдельных работ свидетельствует, что их авторы (в частности, В. И. Полубинский), признавая за криминальной виктимологией статус комплексной, *междисциплинарной* (курсив наш. – М. С.) отрасли науки, отмечают, что изучает последняя проблемы жертвы преступления, прежде всего, с позиций уголовного права, уголовного процесса и криминологии (используя при этом достижения наук социально-психологического цикла – социологии, психологии, педагогики)⁵.

Еще более категоричным в определении природы виктимологии является мнение Д. В. Ривмана: «Комплексная «глобальная виктимология», – пишет он, – не «уведет» из криминологии виктимологию криминальной жертвы, потому что ее предмет – составная часть предмета криминологии и весь круг интересов сосредоточен в сфере преступности»⁶.

Игнорирование «криминалистической составляющей» виктимологии в подобном рода рассуждениях о природе и *междисциплинарных* исследованиях криминальной виктимологии является, мягко говоря, необоснованным. Вероятно, что именно в силу такого рода обстоятельств на страницах специальной криминалистической литературы утвердилось сходное, но принципиально отличающееся по смысловой нагрузке от термина «криминальная виктимология», научное понятие – «криминалистическая виктимология»⁷.

Дело в том, что виктимология, как совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечает Е. Е. Центров, убеждает в специфичности потерпевшего как самостоя-

тельного объекта изучения и показывает необходимость его глубокого всестороннего исследования. Виктимология расширяет традиционные границы криминалистических исследований, выдвигает новые аспекты и специфически виктимологические направления изучения пострадавшего от преступления⁸.

В частности, Е. И. Резникова, интегрируя виктимологические знания в систему криминалистики, называет целый комплекс собственно криминалистических направлений использования виктимологических данных, значимых для процесса раскрытия и расследования преступлений. Таковыми, по мнению указанного автора, являются:

- выдвижение следственных, розыскных версий и планирование расследования;

- прогнозирование поведения потерпевшего в ходе досудебного расследования и судебного производства по делу;

- разработка классификаций следственных ситуаций с учетом типологии жертв преступлений;

- избрание эффективной тактики производства следственных и судебных действий (как с участием потерпевшего, так и без него);

- установление причин и условий совершения преступления, обусловленных личностью и поведением потерпевшего;

- прогнозирование, устранение и предупреждение негативного воздействия на потерпевшего со стороны лиц, не заинтересованных в законном разрешении дела;

- выявление либо предположение существования латентных жертв преступлений, пострадавших от действий одного и того же лица, а также установление причастности подозреваемого (обвиняемого) к преступлениям, которые ранее оставались нераскрытыми;

- установление значения следов потерпевшего в следовой картине преступления⁹.

Такой подход, думается нам, является логически обоснованным и методологически состоятельным. Опираясь на опыт следственной практики и научные постулаты криминалистики, вполне можно вести речь о том, что криминалистическая виктимология есть самостоятельная частная криминалистическая теория, имеющая, так сказать, «сквозной» характер. Ведь, действительно, с ее научными положениями тесно связаны положения иных криминалистических учений:

- учений о механизме преступления и криминалистической характеристике преступления (жертва традиционно рассматривается в качестве элемента этих конструкций);

- учения о криминалистических ситуациях (ситуационный подход в исследовании преступления с учетом информации о жертве/потерпевшем);

- учения о криминалистическом распознавании (жертва/потерпевший как объект идентификации и диагностики);

- учения о криминалистическом прогнозировании и превенции; и др.

Мы убеждены, криминалистическая виктимология есть целостное направление в изучении жертвы (частная криминалистическая теория), связанное с достижением целей и задач криминалистики (раскрытия, расследования и предотвращения преступлений) и реализуемое «в плоскости» проявления и исследования «триады» закономерностей, составляющих предмет криминалистического познания. В сути своей мы исходим из принципа «включения» (по терминологии В. И. Шиканова) криминалистической виктимологии в систему криминалистических знаний¹⁰.

Структурообразующими элементами предмета криминалистической виктимологии, как отмечает В. И. Шиканов, являются:

а) потерпевший от преступления (его социальные, моральные, психологические и иные качества, имеющие значение в плане совершенствования тактики и методики расследования преступлений);

б) взаимосвязи, взаимозависимости, которые закономерно возникают между преступником и его жертвой, обуславливая генезис и последующую динамику правонарушения, включая действия, направленные на сокрытие преступления и его следов;

в) различные материальные и идеальные следы, их исследование и использование в целях эффективного выполнения задач (*назначения*, в буквальном смысле положений нынешнего уголовно-процессуального закона. – М. С.) уголовного судопроизводства;

г) труп как источник информации о личности потерпевшего и иных уголовно-релевантных данных о пострадавшем¹¹.

Говоря о значении познания жертвы (потерпевшего) для разрешения криминалистических задач (раскрытия, расследования и предотвращения преступлений), выявить соответствующие закономерности, связанные с жертвой (потерпевшим), представляется возможным, прежде всего, на основе классификационного и ситуационного подходов, представлений жертвы в качестве (воспользуемся терминологией Е. Е. Центрова¹²) «отражаемого» и «отражающего» объекта.

Названные подходы в своей совокупности характеризуют:

1) роль (поведение) жертвы в механизме преступления конкретного вида (включая докриминальный, собствен-

но криминальный и посткриминальный этапы);

2) тип жертвы преступления (обусловленный рядом признаков – уголовно-правовыми, в частности, видом преступления; социально-демографическими; нравственно-психологическими и др., а также значением этих признаков при решении прикладных задач криминалистического познания);

3) обобщенные в видовых криминалистических характеристиках однозначные и вероятностные связи и взаимозависимости жертвы с иными криминалистически значимыми элементами;

4) основанные на характере типичных следственных ситуаций, складывающихся при расследовании преступлений отдельных видов, направления их расследования (например, при расследовании убийств, направления расследования, характер выясняемых обстоятельств могут существенно различаться в ситуации «присутствия» трупа и в ситуации «отсутствия» трупа – в случаях безвестного исчезновения лица при наличии оснований полагать, что последний стал жертвой убийства);

5) основанные на характере типичных криминальных и следственных ситуаций, складывающихся при расследовании преступлений отдельных видов, направления криминалистической превенции (виктимолого-криминалистической превенции).

Являясь сложной динамической системой, определяющей содержание преступной деятельности, механизм преступления, как известно, формируется под воздействием определенных закономерностей, в том числе связанных с жертвой преступления определенного вида (закономерности возникновения и развития связей и отношений внутри механизма преступления; формирования и

реализации способа совершения преступления; возникновения и течения связанных с преступлением явлений до- и послекриминального порядка, имеющих значение для установления истины по делу)¹³.

Исходя же из видовых криминалистических характеристик преступлений, систематизирующих в своем содержании соответствующие закономерности, связанные с жертвой преступления, процесс расследования может быть рационализирован в поисковом направлении «от жертвы преступления» – к определению иных криминалистически значимых элементов. В частности, это позволяет выдвигать и проверять разнообразные предположения (версии) об объективных и субъективных обстоятельствах преступления определенного вида:

- о характере предкриминальной ситуации и динамике ее развития;
 - о роли жертвы в механизме преступления;
 - о способе подготовки, совершения и сокрытия преступления;
 - о следовой картине события;
 - о личности преступника и мотиве преступления;
 - о пространственно-временных обстоятельствах события;
 - о посткриминальном поведении жертвы;
 - о причинно-следственных связях;
- и т.п.

В связи с этим очевидным представляется общеметодическое значение виктимологического анализа для расследования – изучение жертвы преступления способствует формированию доказательственной базы, являясь источником получения информации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

Выступая в качестве отражающего объекта, жертва (потерпевший) являет-

ся, образно выражаясь, «носителем» материальных и идеальных следов.

Материальные следы, носителем которых выступает жертва (в зависимости от вида преступлений), могут стать основой для выдвижения различных предположений о механизме события (при убийствах, например: о взаимном расположении потерпевшего и убийцы; о сопротивлении жертвы; о личностных особенностях убийцы; о том, что жертва и потерпевший ранее были знакомы и т.п.).

Они же (материальные следы) могут свидетельствовать и о так называемых негативных обстоятельствах, свидетельствующих, к примеру, об инсценировке преступного события.

Характер «материальной следовой картины», обусловленной, так сказать, потерпевшим, своевременной и грамотно произведенные первоначальные следственные действия по ее исследованию, в сути, представляют собой, ключ к декодированию, прочтению и истолкованию криминалистически значимой информации любого уровня важности¹⁴.

Так, в ситуациях повышенной сложности, связанных, например, с обнаружением трупа неустановленного лица, в первую очередь нужно решить комплекс задач, направленных на идентификацию личности жертвы. Этому способствует, в частности, тактическая операция «Атрибуция трупа», производство которой связано, как показывает практика, с разрешением ряда проблемных вопросов (при производстве осмотра места происшествия; назначении и проведении судебно-медицинской и иных экспертиз; предъявлении трупа для опознания; использовании различных видов криминалистических учетов; и др.)¹⁵.

Являясь объектом преступного воздействия, жертва преступления (потер-

певший) может оказывать заметное влияние не только на ход и результаты преступного события (что само по себе криминалистически значимо), но и всего уголовного процесса¹⁶.

К слову, заметим и следующее. Потерпевший (жертва) также является «носителем» идеальных следов, извлечение и истолкование которых для следователя нередко является совсем непростой задачей.

Дело в том, что структуризация этих следов в сознании потерпевшего и последующее воспроизведение им соответствующей информации в ходе производства следственных действий (в частности, при допросе) происходит, как известно, под влиянием психических процессов восприятия и памяти. Однако, как экспериментально доказано и обобщено в науке, на процесс восприятия (зрительного, слухового) могут оказывать влияние разнообразные субъективные и объективные факторы, а определенная информация потерпевшим и вовсе может быть не воспринята либо забыта (по истечении длительного времени; под влиянием травмирующего воздействия или других обстоятельств).

Не углубляясь в дискуссию обо всем этом, отметим лишь, что исследованию данной проблемы посвящено множество работ ученых с резюмирующей констатацией тезиса о необходимости критического отношения следователя к показаниям потерпевшего, а как следствие – необходимости тщательного изучения личности жертвы, психологии формирования показаний потерпевшего и их кропотливой проверки. При этом немаловажное значение имеет типологический (классификационный) подход к потерпевшему/жертве, учитывающий значимые в криминалистическом плане половозрастные, нравственно-психоло-

гические, интеллектуальные и иные особенности соответствующего субъекта – носителя идеального следа, а также закономерности и особенности воспроизведения им информации о событии.

Так, И. И. Мамайчук, исследуя среди прочих данное обстоятельство, приводит следующий пример. Несовершеннолетняя Л. была изнасилована группой лиц, с которыми познакомилась незадолго до изнасилования. Вернувшись домой, Л. легла спать, родителям о случившемся ничего не рассказала. Последние узнали о факте изнасилования дочери случайно. В результате было возбуждено уголовное дело. В процессе проведенного психологического исследования (судебно-психологической экспертизы) у жертвы были выявлены стойкие личностные особенности: высокая степень конформности, низкий самоконтроль поведения, эмоциональная неустойчивость, преобладание тревожно-депрессивного фона настроения, склонность недооценивать свои возможности, склонности к самоупрекам. В ходе расследования Л. замыкалась, обвиняла себя в случившемся, стремилась уклониться от *описания важных для дела обстоятельств*¹⁷.

Из сказанного можно сделать вывод, что поведение жертвы на посткриминальном этапе (в частности, при производстве следственных действий, связанных с извлечением из сознания потерпевшего идеальных следов), может рассматриваться, образно выражаясь, «зеркально» – как результат отражения свойств данной личности или определенному ее типу психологических особенностей.

Отметим и следующее криминалистически значимое обстоятельство.

У жертвы (потерпевшего) на посткриминальном этапе возможно и проявление различных вариаций так называемого Стокгольмского синдрома¹⁸, свя-

занных с развитием и проявлением жалости, сочувствия к подозреваемому (обвиняемому), что может выразиться в сокрытии жертвой самого факта совершения преступления, попытках потерпевшего забрать заявление о преступлении, исказить (полностью или частично) при производстве следственных действий обстоятельства дела, ходатайствовать о проявлении снисхождения к подсудимому и т.п.

Служебной функцией криминалистики, что аксиоматично, является разработка и совершенствование специальных (криминалистических) методов и средств предупреждения преступлений (на основе познания закономерностей, изучаемых криминалистикой). Соответственно, особое место в системе криминалистической виктимологии должны занимать вопросы (проблемы) криминалистической превенции¹⁹ – защиты реальных и потенциальных жертв преступлений.

Реальными жертвами выступают лица, как правило (в статистическом измерении), в установленном законом порядке признанные потерпевшими.

Потенциальными жертвами следует считать субъектов, отличающихся в силу объективных или субъективных причин предрасположенностью стать жертвой (впрочем, и не только преступного события) – виктимностью. Не секрет, что «обладателями» данного свойства в той или иной степени являются *все лица* (так называемый массовый уровень виктимности).

Вместе с тем, в уголовном процессе групповой уровень виктимности может быть представлен особыми группами субъектов – профессиональными и непрофессиональными участниками уголовного судопроизводства.

В связи с этим наиболее актуальными проблемами виктимолого-кримина-

листической превенции, на наш взгляд, являются:

1) нейтрализация/минимизация возможности посткриминального воздействия на участвующих в деле лиц;

2) оптимизация/рационализация тактически грамотного, законного и этичного (безопасного для субъектов) процесса расследования (производства конкретных следственных действий). Немаловажное значение при этом имеет тактическая линия поведения следователя.

Например, в отношении малолетних потерпевших от сексуальных преступлений доминантой тактики должна быть защитная линия поведения следователя. Целью такой тактики является защита малолетней жертвы от психотравмирующего воздействия непосредственно в ходе расследования, или, так сказать, недопущение «рецидива жертвы».

Превентивными условиями, в частности, при допросе малолетней потерпевшей от сексуального посягательства, следует рассматривать:

– проведение допроса следователем женского пола;

– проведение допроса по месту нахождения допрашиваемой (а в случаях допроса в кабинете следователя – проведение его без присутствия коллег следователя);

– установление психологического контакта с потерпевшей;

– участие психолога при допросе;

– сочетание рассказа с рисованием и комментированием нарисованного (рисование малолетним потерпевшим в ходе допроса является одним из средств снятия напряжения с допрашиваемого, поскольку минимизируется возможность потерпевшего визуально воспринимать участвующих в следственном действии субъектов – следователя, специалиста, законного представителя. Добавим, к сло-

ву, и то, что превентивно значимым является психологический анализ такого рисунка специалистом. Подобного рода тест позволит установить значимость обстоятельств происшествия для малолетней и, как пишет В. Е. Христенко, возможные негативные последствия происшествия с «отсроченной реакцией», и принять необходимые превентивные меры)²⁰.

Это лишь одно из «приложений» к решению сложных виктимологических проблем, возникающих, в частности, в процессе расследования.

Таким образом, криминалистическая виктимология, на наш взгляд, представляет собой, опосредованное познанием

закономерностей механизма преступления, слеодообразования и уголовно-процессуального исследования преступлений, учение (частную криминалистическую теорию) о реальной и потенциальной жертве преступления (или иного происшествия²¹), закономерностях поведения жертвы/потерпевшего в механизме преступления и в процессе его расследования, и основанных на познании этих закономерностей, технических, тактических и методических средствах, реализуемых субъектом доказывания, в целях уголовно-процессуального исследования и предотвращения преступлений.

¹ Бафия Е. Проблемы криминологии. Диалектика криминогенной ситуации. М., 1983. С. 106.

² Христенко В. Е. Психология поведения жертвы. Ростов н/Д., 2004. С. 10.

³ Российская криминологическая энциклопедия / под ред. А. И. Долговой. М., 2000. С. 102.

⁴ Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. Горький, 1979. С. 27.

⁵ См.: Там же. С. 37.

⁶ Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб., 2002. С. 18.

⁷ См., например: Шиканов В. И. Криминалистическая виктимология и практика расследования убийств. Иркутск, 1979; Криминалистическая виктимология (вопросы теории и практики) / отв. ред. В. И. Шиканов. Иркутск, 1980; и др.

⁸ См.: Центров Е. Е. Виктимологические аспекты криминалистики // Криминалистическая виктимология (вопросы теории и практики) / отв. ред. В. И. Шиканов. Иркутск, 1980. С. 25.

⁹ Резникова Е. И. Виктимологические данные в структуре криминалистики: понятие и значение // Воронежские криминалистические чтения. 2014. Вып. 16. С. 182–183.

¹⁰ Шиканов В. И. Указ. соч. С. 11.

¹¹ См.: Там же. С. 11–12.

¹² См.: Центров Е. Е. Указ. соч. С. 26.

¹³ Криминалистика: краткая энциклопедия / авт.-сост. Р. С. Белкин. М., 1993. С. 41.

¹⁴ См.: Криминалистика социалистических стран / под ред. В. Я. Колдина. М., 1986. С. 333.

¹⁵ Более подробно об этом см: Фомина А. С. Проблемные вопросы реализации тактической операции «Атрибуция трупа» // Воронежские криминалистические чтения. 2011. Вып. 13. С. 279–294.

¹⁶ См.: Резникова Е. И. Указ. соч. С. 175.

¹⁷ См.: *Мамайчук И. И.* Экспертиза личности в судебно-следственной практике. СПб., 2002. С. 189–190.

¹⁸ Стокгольмский синдром, как отмечает В. Е. Христенко, – «это состояние жертвы преступления, при котором наблюдается неоправданно хорошее отношение жертвы к преступнику, что может привести к преднамеренному искажению жертвой информации о преступлении и преступнике...; крайняя степень проявления может выглядеть в виде полного понимания, одобрения и поддержки деятельности преступника(ов), оказания ему (им) всевозможной помощи и полный «переход на сторону преступника» (т.е. жертва становится соучастником преступления)». (*Христенко В. Е.* Указ. соч. С. 96).

¹⁹ Более подробно о представлении автором статьи сущности криминалистической превенции см.: *Стояновский М. В.* О сущности и структуре криминалистической превенции (к дискуссии о превентивной функции криминалистики) // Воронежские криминалистические чтения. Воронеж, 2014. Вып. 16. С. 210–222.

²⁰ См.: *Христенко В. Е.* Указ. соч. С. 342–344.

²¹ В широком смысле под происшествием нами понимается ситуация, при которой «образование жертвы» является не только следствием преступного посягательства, но и иного события (например, при тактически неверном производстве следственного действия – очной ставки, предъявления для опознания и др.).

Воронежский государственный университет

Стояновский М. В., кандидат
юридических наук, доцент кафедры
криминалистики

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru

Тел.: 8-910-282-54-19

Voronezh State University

Stoyanovsky M. V., Candidate of Legal
Sciences, Associate Professor of the Criminalistics
Department

E-mail: mstoyanovskiy@mail.ru

Tel.: 8-910-282-54-19

А. С. Фомина

Воронежский государственный университет

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСОВ МАЛОЛЕТНИХ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

А н н о т а ц и я: следователи в ряде случаев испытывают значительные трудности при допросе такой категории потерпевших и свидетелей, как малолетние и несовершеннолетние. Необходимо знание как процессуальных нюансов, так и возрастной психологии детей, возможностей установления с ними психологического контакта, специальных тактических приемов, используемых в ходе допроса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: потерпевшие и свидетели, малолетние и несовершеннолетние, тактика допроса, возрастные, характерологические и психологические особенности детей и подростков.

JUDICIAL AND TACTICAL FEATURES OF PRODUCTION OF INTERROGATIONS OF VERY YOUNG AND MINOR VICTIMS AND WITNESSES AT INVESTIGATION OF CRIMES OF VIOLENCE

Abstract: investigators in a number of cases test considerable difficulties at the interrogation of such category of victims and witnesses as very young and minor. Knowledge is needed, both judicial nuances and age-related psychology of children, possibilities of establishment with them of psychological contact, special tactical receptions used during an interrogation.

Key words: victims and witnesses, very young and minor, tactics of interrogation, age-related, characterological and psychological features of children and teenagers.

Поступила в редакцию 31 октября 2016 г.

Российская действительность свидетельствует не только о социально-экономическом кризисе, вновь потрясшем страну, но и о его негативных последствиях, выражающихся, в частности, в количественном росте преступности в отношении наименее социально и психологически защищенных категорий граждан (помимо, естественно, пенсионеров, инвалидов, лиц, страдающих неизлечимыми или крайне тяжелыми формами заболеваний) – детей и подростков. Причем

речь идет не только о внешнем насилии, которому подвергаются дети, но и о насилии внутреннем – возможно, худшей его формы, – домашнем насилии. Сегодня дети и подростки в полной мере не защищены от разнообразных проявлений сексуальной, корыстной и иной эксплуатации со стороны взрослых. Насилию в различных его формах подвергаются ежегодно до двух миллионов несовершеннолетних; по разным источникам – от 50 до 500 тысяч детей каждый год убегают из семей и специальных учреждений, спасаясь от жестокости родителей,

воспитателей, сверстников; участились случаи похищения детей с целью получения выкупа¹.

По мнению Э. Ф. Побегайло, «криминологическая ситуация в России с каждым годом становится все более неблагоприятной. Идет тотальная криминализация общества. Крайне неблагоприятны тенденции насильственной преступности. Непосредственно потерпевшими от криминального насилия ежегодно становятся сотни тысяч людей. Как показывают социологические опросы, обеспокоенность у общества безопасностью своих граждан достигла пика. Начиная с 2003 г. число преступлений против детей в России выросло в 30 раз. За этим стоит невероятный всплеск педофилии»². В итоговом заявлении Комитета по правам человека ООН, в частности, говорится о том, что Комитет «обеспокоен ростом на 20 процентов числа зарегистрированных случаев бытового насилия в отношении женщин и детей с 2010 года, медленным прогрессом в принятии проекта федерального закона о предотвращении насилия в семье, отсутствием должной осмотрительности сотрудников правоохранительных органов в регистрации и расследовании дел о домашнем насилии, нехваткой услуг по оказанию помощи жертвам»³. Хотя Государственной Думой предыдущего созыва был разработан проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия», однако принят он так и не был, несмотря на рекомендации Комитета по правам человека ООН в связи с многочисленными случаями семейно-бытового насилия в Российской Федерации (хотя есть основания полагать, что это – лишь «верхушка айсберга», подавляющее большинство подобных преступлений латентно). Несовершеннолетние составляют почти половину от числа жертв насильственных

преступлений сексуального характера, а число детей, потерпевших от других половых преступлений, возросло за последние несколько лет в 20 раз⁴.

Несмотря на то, что весьма уязвимыми от насильственных преступлений (в том числе в семье) остаются многочисленные категории населения России (женщины, инвалиды, престарелые), в данной статье хотелось бы сделать акцент на такой категории потерпевших (и свидетелей), как малолетние и несовершеннолетние, и специфике их допроса.

В различных аспектах проблемы, связанные с совершенствованием процессуально-тактических основ допроса, в свое время подвергались глубокому и серьезному исследованию в трудах отечественных ученых – процессуалистов, криминалистов, криминологов, психологов – О. Я. Баева, Р. С. Белкина, А. Н. Васильева, Ф. В. Глазырина, Н. И. Гуковской, А. И. Долговой, Г. Г. Доспулова, А. В. Дулова, А. А. Закатова, Г. А. Зорина, Л. Л. Каневского, Л. М. Карнеевой, В. Е. Коноваловой, И. М. Лузгина, И. А. Макаренко, Г. М. Миньковского, Н. И. Порубова, А. Р. Ратинова, Н. Ш. Сафина, А. Б. Соловьева, М. С. Строговича, Е. Е. Центрера, Б. М. Шавера, В. Ю. Шепитько и др. В последние десятилетия появилось множество работ по проблематике расследования преступлений, совершенных в отношении малолетних и несовершеннолетних, в которых затрагиваются и сложные вопросы, связанные с допросами детей и подростков: И. Г. Березина, С. Н. Бокова, В. А. Брусенцевой, Э. В. Васькэ, О. Х. Галимова, Е. В. Красенковой, Е. В. Лялиной, М. И. Миловановой, Е. С. Огородниковой, О. Ю. Скичко, И. С. Федотова и др.

Современный процесс раскрытия и расследования преступлений, совершенных в отношении малолетних и несовер-

шеннолетних, требует разработки новых тактических рекомендаций (в том числе и по производству допроса), особенно с точки зрения новых достижений в области психологии.

В одной из последних работ, посвященных производству следственных действий, допрос определяется как «процессуальное действие, состоящее в востребовании от лица, обладающего сведениями, имеющими значение для расследуемого уголовного дела, показаний при помощи тактических приемов и мер процессуального принуждения, применяемых в соответствии с правилами, установленными уголовно-процессуальным законом»⁵. О. Я. Баев полагает, что «под допросом в настоящее время следует понимать следственное (судебное) действие, заключающееся в получении от лица и фиксации в установленной процессуальной форме показаний о фактах и обстоятельствах, имеющих или могущих иметь значение для установления истины по расследуемому или рассматриваемому судом уголовному делу»⁶. Представляется немаловажным для успешного производства допроса наличие достаточно высокого уровня тактико-коммуникативной компетентности следователя. М. В. Боева определяет тактико-коммуникативную компетентность как «основанное на личных качествах следователя умение с использованием объективных закономерностей перцепции, коммуникации и интеракции, а так же тактических рекомендаций и приемов взаимодействовать с лицами, вовлеченными в расследование преступлений, имеющее целью предупреждение потенциального и реального противодействия с их стороны установлению истины по расследуемому уголовному делу»⁷. При общении с детьми и подростками высокий уровень тактико-коммуникативной компетентности

следователя, на наш взгляд, во многом определяет успешность процесса расследования, независимо от того, контактирует ли следователь с несовершеннолетними (малолетними) потерпевшими и свидетелями либо подозреваемыми (обвиняемыми). По мнению М. В. Боевой, тактико-коммуникативная компетентность следователя включает следующие компоненты:

- психические качества следователя, коррелирующиеся со следственной деятельностью;

- знание, глубокое осмысление специфических особенностей следственной деятельности и научных данных по психологии личности, а так же объективных психологических закономерностей перцепции, коммуникации, интеракции;

- способность осуществлять самоподачу;

- способность устанавливать и поддерживать с лицами, вовлеченными в расследование, психологический контакт и позитивные межличностные отношения;

- умение использовать при общении все его виды (императивный, манипулятивный, гуманистический) и общаться по субъект-субъектной и субъект-объектной схеме, а также использовать все виды вербальных и невербальных средств коммуникации;

- умение избегать и преодолевать при общении коммуникативные барьеры (социальные, психологические, культурные);

- умение преодолевать (избегать) при общении конфликты;

- способность добиваться эффективного кооперативного взаимодействия с лицами, вовлеченными в процесс расследования преступления;

- способность адекватно выбирать и умело использовать при взаимодействии

с лицами, вовлеченными в расследование преступления, допустимые тактические средства, методы, приемы, комбинации, рекомендуемые криминалистами и психологами, и с их помощью оказывать эффективное допустимое психологическое воздействие на вышеуказанных лиц в целях получения искомой информации»⁸.

Думается, что все эти качества просто необходимы следователю при работе с такой специфической категорией допрашиваемых, как малолетние и несовершеннолетние. Ф. В. Глазырин также подчеркивает важность коммуникативных качеств следователя для получения от ребенка полных и правдивых показаний: «Коммуникативные качества следователя, его простота, доброжелательность, справедливость, объективность, общительность – все это в значительной степени определяет успех допроса»⁹.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в редакции Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ) предусмотрел принципиальные нововведения в ст. 191 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки оказаний с участием несовершеннолетнего». Очень важно законодательное установление временных параметров допроса детей разного возраста: «указанные следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до 7 лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности – более одного часа, в возрасте от 7 до 14 лет – более одного часа, а в общей сложности – более двух часов, в возрасте старше 14 лет – более двух часов, а в общей сложности – более 4 часов в день». Представляется, что законодатель наконец-то учел неоднократно высказываемые в психологической литературе мнения о высокой степени

утомляемости детей, невозможности ребенка долго сосредотачиваться на предмете допроса, в конце концов, внушаемости и готовности согласиться с утверждениями следователя, лишь бы допрос был скорее закончен. Мы совершенно согласны с утверждением С. Н. Бокова о том, что «является совершенно очевидной необходимость разработки методических и тактических подходов в расследовании преступлений несовершеннолетних с учетом периода возрастного развития. Без такого подхода, когда используются некие общие, базирующиеся на стереотипных представлениях и «здоровом смысле» (и весьма далекие, по сути, от реальности) положения о «несовершеннолетних» и «малолетних», добиться эффективности расследования просто невозможно»¹⁰.

Обратим внимание на **обязательное участие** при допросе (и других указанных следственных действиях) с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего 16-летнего возраста либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, **педагога или психолога**, а также на то, что по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего **участие психолога обязательно**. Если несовершеннолетний потерпевший или свидетель достиг возраста 16 лет, педагог или психолог приглашаются **по усмотрению следователя**.

На наш взгляд, законодатель допускает процессуально-тактическую ошибку, ставя в вышеуказанных положениях разделительное местоимение «или» – педагог **или** психолог. Речь идет о совершенно разных с профессиональной точки зрения участниках уголовного судопроизводства, тем более что в юридической и

психологической литературе (например, в работах С. Н. Бокова¹¹) неоднократно подчеркивалось, что педагог в ряде случаев не помогает, а мешает ведению следствия (по разным причинам), и его приглашение может скорее осложнить процедуру производства допроса, нежели оказать помощь следователю. (Фактически то же самое можно сказать о процессуальной фигуре законного представителя, но этот вопрос заслуживает рассмотрения его в отдельной статье.) Н. И. Порубов в связи с этим пишет: «Следственной практике известны случаи, когда лица, приглашенные для участия в допросе, неправильно поняв свои задачи, перехватывали инициативу у следователя и, не имея профессиональной подготовки ведения допросов, срывали их»¹².

Приняв решение о допросе малолетнего или несовершеннолетнего, следователь надлежащим образом должен подготовиться к нему, продумать, в первую очередь, эксперты и специалисты какого профиля могут оказать ему существенную помощь в его проведении.

Для эффективной работы с детьми, пострадавшими от сексуального насилия, а эффективность в рассматриваемом контексте предполагает получение адекватных, по возможности, исчерпывающих правдивых показаний от малолетнего (несовершеннолетнего) потерпевшего или свидетеля, важнейшей фигурой, сопровождающей весь процесс расследования, является специалист в области возрастной психологии (а при необходимости – психиатр и сексолог). Именно эти специалисты в должной мере смогут обеспечить налаживание психологического контакта с потерпевшими, надлежащую работу с ними и, как следствие, – получение интересующих следствие показаний.

Готовясь к допросу, следователь должен тщательно изучить личность ребен-

ка и круг его родственников, близких и знакомых. В этих целях до начала допроса следователь может дать специалисту-психологу в ходе предварительной беседы поручение выяснить, способен ли несовершеннолетний дать достоверные показания по важным для дела обстоятельствам (особенно это касается малолетних). Уже перед допросом необходимо составить правильное впечатление о возможной склонности данного ребенка к фантазированию, его внушаемости, впечатлительности, наблюдательности, возможностях памяти¹³. Что касается свидетеля или потерпевшего подросткового возраста, то для достижения следователем успешных результатов его допроса желательно выяснить следующее:

1. Особенности подросткового кризиса у допрашиваемого и сложившийся после него в характер отношений со взрослыми.

2. Место (положение) подростка в группе и уровень его притязаний. Предпочитаемые способы достижения целей.

3. Набор качеств, значимых для допрашиваемого: качества, которые он стремится демонстрировать, и качества, которые маскируются; качества, которые он старается вырабатывать, и качества, от которых желает избавиться.

4. Стиль привычного для подростка поведения и его устойчивость. Условия, оказывающие влияние на изменения линии поведения. Ситуации, которые ищет допрашиваемый и предпочитает другим.

5. Жизненные принципы и позиции в складывающихся отношениях.

6. Ценности, на которые ориентируется подросток. Предполагаемые средства их достижения.

7. Система господствующих представлений об отношениях: о системе ролей в обществе, о характере отношения

между людьми, об отношениях к правилам, морали, праву¹⁴.

До начала допроса следователь может получить у психолога консультацию о психологических особенностях и реальных возможностях детей того возраста, к которому относится свидетель или потерпевший. Помощь психолога может быть полезна при составлении вопросов, которые предполагается задать ребенку и при интерпретации ответов ребенка. Более того, для повышения ответственности психолога мы рекомендуем, чтобы он после предварительной беседы с ребенком и решения в ходе нее поставленных следователем задач составлял **письменный отчет о результатах проделанной работы** и представлял его следователю. Данный отчет в дальнейшем будет включен в материалы уголовного дела. В дальнейшем следователь обязательно назначает судебно-психологическую и при необходимости – судебно-психиатрическую, по половым преступлениям – судебно-сексологическую экспертизу малолетних и несовершеннолетних.

Следственный комитет РФ сформулировал основные задачи, которые решает специалист-психолог при выполнении поручений следователя при проведении доследственной проверки и участия в следственных действиях при непосредственном контакте с ребенком (без возможности собрать информацию о нем в анамнезе):

1. Экспресс – диагностика для выяснения актуального психологического состояния ребенка.

2. Диагностика уровня умственного развития ребенка и соответствие его психологического возраста физическому (это важно, например, в случае наличия у ребенка задержки психического развития или умственной отсталости).

3. Установление психологического контакта с ребенком в целях формирова-

ния доверительных отношений (ребенок должен чувствовать безопасность и комфорт в общении со специалистом, только тогда он сможет рассказать то, что причиняло или причиняет ему страдания).

4. Формирование у ребенка мотивации к сотрудничеству со следствием.

5. Профилактика негативного установочного воздействия со стороны родственников или других значимых для него взрослых (предостережение ребенка от внушения ему искаженной информации об обстоятельствах совершенного преступления со стороны взрослых: такое влияние может быть продиктовано, в том числе, и для сокрытия важных для следствия фактов).

6. Проведение психокоррекционного воздействия на ребенка, который подвергался сексуальному насилию, для минимизации последствий психотравмирующей ситуации.

7. Получение психологической характеристики на ребенка (психологический портрет) для выработки наиболее эффективной стратегии взаимодействия с ним представителей следствия¹⁵.

Один из наиболее сложных моментов в расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних – проблема получения полной информации о происшествии на стадии доследственной проверки. При обращении заявителя (чаще всего это родственники несовершеннолетних потерпевших) необходимо получить от него в свободной форме заявление о совершенном преступлении, в котором в краткой форме должно быть указано следующее:

1) время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления;

2) сведения о лице, которое, со слов заявителя, совершило преступление;

3) характер и размер вреда, причиненного преступлением¹⁶.

Проведение первичного опроса потерпевшего (малолетнего или несовершеннолетнего) в ходе проверки информации о совершении преступления против половой неприкосновенности необходимо поручить специалисту-психологу (в области детской психологии) с обязательной фиксацией всего процесса с помощью видеозаписи. Время проведения первичного опроса потерпевшего, в ряде случаев, имеет ключевое значение для получения доказательств, поэтому необходимо предпринять все необходимые усилия, чтобы опрос потерпевшего проводился как можно раньше с момента получения информации о совершении преступления. Это не исключает варианта повторного опроса (опросов) с учетом такого явления, как реминисценция памяти. Как мы уже предлагали, специалист-психолог по итогам первичного опроса потерпевшего должен составить для следователя отчет (справку), в которых указывает выявленные характерологические и психологические особенности ребенка, а также специфические особенности его поведения. Кроме того, в данном документе может присутствовать рекомендация о дальнейшем незамедлительном включении в процесс проверки заявления о преступлении психиатра и сексолога.

Перед детским психологом, привлекаемым для участия в доследственной проверке заявления (сообщения) о сексуальном посягательстве в отношении малолетнего или несовершеннолетнего, а равно для участия в последующих допросах и иных следственных действиях, стоят две задачи: 1) получение от несовершеннолетнего (малолетнего) (свидетеля) максимально полной и правдивой информации о преступлении; 2) создание при взаимодействии с ребенком максимально комфортных условий, при которых малолетний (несовершеннолет-

ний) будет чувствовать безопасность и психологическую защищенность. Кроме того, немаловажно учесть тот факт, что психологический контакт и доверительные отношения создаются как раз в ситуации общения «один на один», и следовательно, вероятно, до определенного этапа, будет здесь «третьим лишним». Тем более многие следователи признают, что, несмотря на введенную специализацию (направленную на работу определенной категории следователей именно с детьми и подростками), они по-прежнему ощущают дискомфорт при общении с детьми, не «чувствуют» ситуацию, сомневаются в том, какие тактические приемы при допросе можно применять и каков будет результат их использования.

Умение специалиста-психолога правильно оценить актуальное психологическое состояние ребенка, наладить с ним контакт, напрямую влияет на полноту полученной следствием информации. Как показывает практика, получить от ребенка информацию о преступлении, особенно в ситуации, когда он является единственным очевидцем, практически невозможно без получения расположения ребенка¹⁷. Для оказания практической помощи при расследовании особо сложных или резонансных преступлений необходимо привлекать действующих специалистов-психологов Главного управления криминалистики Следственного комитета РФ. Для этого в Главное управление криминалистики следователю необходимо направить соответствующий запрос¹⁸.

К использованию в расследовании преступлений показаний несовершеннолетних с самого начала становления криминалистики ученые и практики относились по-разному. Как раз в конце XIX – начале XX в. и сформировались два основных, противоположных по своей сути, подхода к оценке рассматривае-

мых показаний, нашедшие отражение на страницах юридической литературы и не потерявшие своей актуальности в наши дни¹⁹. Одни ученые, такие как немецкий психолог О. Липман и русский криминалист М. Лобзин, считали, что показания детей являются абсолютно недостоверными. В. Штерн, Ж. Дюпре, А. Г. Баумгартен различали три вида детской лжи:

1. «Кажущаяся ложь» – искажение ребенком действительности вследствие несовершенства детских восприятий, ошибок памяти, непонимания действительности, игривого отношения к ней, легкомыслия, а также внушения взрослых. Согласно трактовке авторов кажущаяся ложь проходит по мере развития ребенка.

2. «Ложь-фантазия» является следствием отсутствия у детей критического отношения к создаваемым ими образам, неспособности их в силу недоразвитости и отсутствия у них опыта ограничивать свою фантазию.

3. «Ложь-самозащита», при дальнейшем развитии переходящая в «ложь-обман», отличается от двух первых видов детской лжи своей преднамеренностью, является как бы способом самозащиты или средством достижения определенной цели²⁰.

Считая, что ложь во всех ее проявлениях свойственна каждому ребенку, что она занимает в его психике значительное место, упомянутые ученые пришли к выводу, что показания несовершеннолетних вряд ли можно признать достоверными. Тем не менее даже эти исследователи в порядке исключения отмечали, что показания детей дошкольного возраста иногда имеют огромную доказательственную ценность, поскольку дети могут передать наблюдаемое очень точно, если оно их интересует, особенно

при условии, по возможности, быстрого допроса, пока воспоминание еще свежо²¹.

Представители другого подхода, наоборот, занимали позицию, «отстаивающую» детские показания. Они считали, что показания детей во многих отношениях ценнее показаний взрослых, так как они значительно правдивее передают события. Например, Ганс Гросс, акцентируя свое внимание на необходимости строгого различения свидетелей по их возрасту, считал, что «от детей можно получить очень ценные показания, особенно от подростков. Умный, развитой мальчик или девочка вообще самый лучший свидетель, какой только может быть; он всем интересуется, обладает известной самостоятельностью суждений и прилагает все усилия к тому, чтобы помочь делу справедливости»²².

Ганс Гросс полагал, что «дети в возрасте 7–9 лет – самые правдивые свидетели. Любовь и ненависть, честолюбие и коварство, положение в обществе и богатство – все это чуждо столь юному возрасту»²³. А. Ф. Кони в статье «Память и внимание» также писал: «...возраст свидетеля влияет на его показание, особенно если оно не касается чего-либо выдающегося. Внимание детей распространяется на ограниченный круг предметов, но детская память удерживает иногда некоторые подробности с большим упорством»²⁴.

По нашему мнению, показания детей и подростков при надлежащей тактике допроса и умении его проводить с учетом возрастной специфики малолетних и несовершеннолетних, заслуживают внимания и в большинстве своем несут скорее правду, нежели ложь. Психологи свидетельствуют, что дети в возрасте от 1 года до 2 лет уже в состоянии отделить правду от лжи, понимать отдельные обстоятельства происшедшего с ними, 3–4-летние

дети могут давать вполне связные показания и участвовать в предъявлении для опознания, а дети старшего дошкольного (5–6 лет) и тем более школьного возраста могут выступать как вполне самостоятельные субъекты допроса.

Обращая внимание на особенности допроса детей и подростков, еще раз подчеркнем:

а) необходимо учитывать возрастную периодизацию малолетних и несовершеннолетних;

б) обращать внимание на то, что дети чаще и лучше запоминают отдельные заинтересовавшие их детали и отдельные обстоятельства, нежели помнят событие преступления в целом (и эти детали, нюансы могут стать «ключом» к раскрытию преступления);

в) соблюдать установленные уголовно-процессуальным законом временные рамки допроса малолетних и несовершеннолетних, помимо того, видя, что ребенок проявляет утомляемость, потерю интереса к беседе со следователем, можно сделать перерыв на любом этапе допроса;

г) допрос следует проводить в привычной для ребенка обстановке (дом, детский сад, школа) либо, если по тем или иным причинам эти места для допроса неприемлемы, в специальных детских комнатах, которые создаются на современном этапе при следственных отделах Следственного комитета РФ либо в специальных кризисных центрах или центрах психолого-педагогической поддержки и развития детей, которые созданы во многих крупных городах России (в частности, в Воронеже);

д) при допросе в незнакомой обстановке ребенку необходимо дать время для того, чтобы освоиться, ознакомиться с имеющимися там предметами, игрушками, чтобы ребенок чувствовал себя в безопасности;

е) следователь и детский психолог должны приложить усилия, чтобы ребенок проникся к ним симпатией (для этого следует вначале побеседовать с ребенком на близкие и интересные ему темы, чтобы снять напряженность) убедить ребенка, что они не являются его врагами, а скорее – взрослыми товарищами, готовыми принести пользу и помощь; при этом общение на тему, связанную с преступлением, должно быть максимально деликатным, особенно, что касается сексуального посягательства на ребенка;

ж) общение с замкнутым, застенчивым, трудно вступающим в контакт ребенком не следует начинать с прямого обращения к нему; малолетнему необходимо некоторое время, чтобы освоиться в новой для него обстановке, привыкнуть к присутствию незнакомых людей; разговор лучше начинать не с ребенком, а о ребенке с сопровождающим его законным представителем или педагогом, постепенно вовлекая в разговор и малолетнего, как бы уточняя сказанное о нем²⁵;

з) если ребенок не идет на контакт или общение складывается крайне затруднительно, то следователю необходимо заняться иным делом, «не обращая внимания» на ребенка, тогда он, привыкнув к присутствию незнакомца, сам попытается вступить в контакт с ним.

Подводя итог, отметим, что при производстве допроса несовершеннолетнего (малолетнего) следователь должен:

1. Свести к минимуму промежуток времени с момента возникновения необходимости в допросе до его проведения. В противном случае на детей, особенно находящихся в подростковом периоде, могут оказать воздействие заинтересованные лица, внушающую роль сыграют слухи, суждения различных лиц о происшедшем. С течением времени будут

забываться детали события, замещаясь фантазиями, вымышленными подробностями.

2. Правильно определить способ вызова несовершеннолетнего на допрос, чтобы исключить нежелательную огласку этого факта и воздействие заинтересованных лиц.

3. Продумать круг участников допроса; решить, будут ли участвовать в допросе родители подростка, педагоги и другие лица, кто именно; пригласить при необходимости защитника.

4. Получить по возможности полные сведения о личности несовершеннолетнего, использовать данную информацию для установления психологического контакта с допрашиваемым и определения тактики допроса. Выше мы уже писали о возможной консультативной форме работы психолога в рамках опроса и составления отчета (рекомендаций) следователю по проведению будущего допроса.

5. Не допускать бесцельного ожидания ребенком, особенно подростком, момента начала допроса. Долгое ожидание нервнует и выводит из равновесия даже взрослых. Еще быстрее теряют терпение дети, становятся рассеянными и капризными, что значительно усложняет создание следователем нормальной обстановки допроса.

6. Создать в кабинете деловую обстановку, в которой несовершеннолетний мог бы сосредоточиться на содержании допроса, убрать предметы, способные отвлечь его внимание, посадить в стороне от окна, исключить присутствие посторонних лиц, телефонные разговоры и т.п.

7. Письменно сформулировать наиболее важные вопросы таким образом, чтобы они не несли в себе подсказок и были бы составлены в понятных для ребенка выражениях.

8. Вести допрос в спокойной, уверенной манере, избегать грубых окриков и в

то же время пресекать развязное поведение допрашиваемого, которое характерно для определенных категорий подростков. Что касается малолетних, не стоит разговаривать с ними в ходе допроса на «детском» языке, всячески «сюсюкать» с ребенком (дети очень остро чувствуют подобную неестественность, искусственность поведения взрослого) – это, напротив, может повлечь утрату деловой атмосферы допроса и уважение ребенка к следователю.

9. Помочь ребенку в определении предмета свободного рассказа и всего допроса. По возможности не прерывать речь допрашиваемого. При необходимости акцентировать внимание на отдельных сторонах обстоятельств преступления.

10. Не превращать допрос в длительную и утомительную процедуру, в том числе по времени, поскольку дети быстро утомляются и в таком состоянии могут легко согласиться с какими-либо суждениями следователя. Если допрос в силу объективных причин нельзя провести в короткое время, то необходимо делать перерывы по 5–10 минут через каждые 20–40 минут допроса, в зависимости от возраста допрашиваемого.

11. Выяснить, кто из взрослых беседовал с ребенком по существу дела, не получал ли допрашиваемый советов и рекомендаций относительно определенной линии поведения на допросе, не требовал ли кто-либо дать ложные показания, не угрожал ли ему.

12. Не допускать постановки наводящих вопросов.

13. Фиксировать сведения в протоколе после завершения рассказа малолетнего (несовершеннолетнего), чтобы перерывы в показаниях не помешали воспроизведению событий.

14. Использовать научно-технические средства (аудио- и видеозапись) в

качестве обязательных средств фиксации показаний с целью более полно отразить ход и результаты допроса ребенка. Следователь должен быть готов также к тому, что, в частности, подростки в ходе судебного разбирательства нередко меняют свои показания под воздействием заинтересованных лиц и близких. Поэтому наиболее важные из показаний несовершеннолетнего в стадии расследования рекомендуется фиксировать не только в протоколе, но и с помощью аудиовидеозаписи²⁶.

В соответствии с требованиями УПК РФ очень важно записывать показания в протоколе от первого лица и по возможности дословно. Это будет способствовать тому, что показания малолетнего (несовершеннолетнего) свидетеля или потерпевшего в дальнейшем можно будет

проверить в ходе проведения проверки показаний на месте, а также назначения и производства судебно-психологической либо комплексной психолого-сексолого-психиатрической экспертизы. Также это позволит избежать подмены понятий, неправильного толкования взрослым тех слов и выражений, которые употребляет ребенок или подросток.

Таким образом, подводя итог, отметим, что доследственная проверка, в ходе которой производится опрос, а также в дальнейшем – допрос малолетнего или несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля – это весьма сложные в тактико-психологическом плане процедуры, требующие обязательного участия в них специалистов в лице психолога, а при необходимости – и психиатра, а также сексолога.

¹ См.: *Скичко О. Ю.* Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии. М., 2006. С. 3.

² *Побегайло Э. Ф.* Преступность в современной России и кризис политики борьбы с ней // Уголовное право и криминология : современное состояние и перспективы развития : сб. науч. трудов. Вып. 7. Воронеж, 2011. С. 209–211.

³ *Торочешникова М., Айвазова С., Давтян М.* Домашнее насилие. Закон защищает? // Радио Свобода. Радиопрограммы и подкасты. 2016. 8 июля.

⁴ URL: <http://www.sledcomproc.ru/blog/detail.php?ID=23659>

⁵ *Егоров Н. Н., Ищенко Е. П.* Руководство по производству следственных действий : учеб.-практ. пособие. М., 2017. С. 59.

⁶ *Баев О. Я.* Тактика следственных действий : учеб. пособие. Воронеж, 2012. С. 220.

⁷ *Боева М. В.* Тактико-коммуникативная компетентность следователя (на примере взаимодействия с обвиняемым в конфликтной ситуации расследования). Воронеж, 2002. С. 65.

⁸ См.: Там же. С. 65–66.

⁹ *Глазырин Ф. В.* Конспект лекций по судебной психологии. Часть Особенная. Свердловск, 1978. С. 26.

¹⁰ См.: *Боков С. Н.* Значение концепции возрастной периодизации психического развития для расследования преступлений несовершеннолетних // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. трудов. Вып. 17 / под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 2015. С. 44.

¹¹ *Боков С. Н.* Юрико-психологический анализ проблем допроса несовершеннолетних // Воронежские криминалистические чтения. Вып. 15 / под ред. О. Я. Баева. Воронеж, 2013. С. 57–63.

- ¹² Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии : учеб. пособие. М., 1998. С. 148.
- ¹³ См.: Скичко О. Ю. Указ. соч. С. 99–100.
- ¹⁴ См.: Филонов Л. Б. Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства. М., 1979. С. 84.
- ¹⁵ См.: Психологическое сопровождение следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних // Следственный комитет Российской Федерации. Методические рекомендации. М., 2013. С. 38.
- ¹⁶ См.: Там же. С. 22–23.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 38.
- ¹⁸ См.: Там же. С. 39.
- ¹⁹ См.: Скичко О. Ю. Указ. соч. С. 9.
- ²⁰ См.: Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений / под ред. А. Я. Вышинского. М., 1938. С. 478.
- ²¹ См.: Скичко О. Ю. Указ. соч. С. 10.
- ²² Гросс Г. Руководство к расследованию преступлений. М., 1930. С. 12.
- ²³ Цит. по: Бертовский Л. В. Допрос : тактика и технологии / Л. В. Бертовский. М., 2015. С. 236.
- ²⁴ Кони А. Ф. Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула, 2000. С. 205.
- ²⁵ См.: Скичко О. Ю. Указ. соч. С. 120.
- ²⁶ См.: Психологическое сопровождение следственных и иных процессуальных действий ... С. 5–6.

Воронежский государственный университет

Фомина А. С., кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики

E-mail: foanka@yandex.ru

Тел.: 208-514; 8-920-418-59-99

Voronezh State University

Fomina A. S., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Criminalistics Department

E-mail: foanka@yandex.ru

Tel.: 208-514; 8-920-418-59-99

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. К публикации принимаются материалы, которые соответствуют предъявляемым требованиям, в том числе тематической направленности журнала. Опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Вопрос о публикации решает редакционная коллегия журнала.

2. Для публикации статьи необходимо представить в редакцию журнала следующие материалы и документы:

2.1. Подписанный автором текст статьи, в который входят:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском языке;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает или занимает соответствующую должность;
- аннотация и ключевые слова на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию журнала;
- текст статьи;
- затекстовые библиографические ссылки;
- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера телефона (служебного, домашнего или мобильного), адреса электронной почты.

2.2. Электронную версию предоставляемого материала (на USB-флеш-накопителе или оптическом диске).

2.3. Выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения); для аспирантов и соискателей – также отзыв научного руководителя о рекомендации пришедшего материала к опубликованию в журнале.

3. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

4. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

1. Текст статьи должен быть набран в формате Microsoft Word, шрифт – Times New Roman, размер – 14, через 1,5 интервала; распечатан на белой бумаге с одной стороны листа.

2. Все поля на листе – 2 см.

3. Библиографические ссылки оформляются шрифтом 12 кегля и располагаются в конце статьи. Нумерация ссылок сквозная. Правила оформления ссылок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам

самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

4. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц.

5. Названия учреждений, органов государственной власти, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом упоминании в тексте.

6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

7. Все таблицы и рисунки должны иметь отсылочные упоминания в тексте.

7.1. Таблицы и рисунки должны иметь сплошную порядковую нумерацию (если таблица или рисунок представлены в единственном числе, порядковый номер им не присваивается, и они обозначаются соответственно «Таблица», «Рисунок»). Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в примечании, располагаемом непосредственно после таблицы. Для сноски применяется символ «*». Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

7.2. Иллюстрации – схемы, диаграммы, фотографии и др. – должны быть только черно-белыми, иметь порядковую нумерацию. Каждая иллюстрация должна иметь отсылочное упоминание в тексте статьи, размещаться в общем файле непосредственно после упоминания. Электронная версия каждой иллюстрации должна быть представлена в виде отдельного файла в формате tif или jpg с разрешением не менее 300 dpi.

РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и пояснение всех произведенных в статье изменений.

4. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

THE REQUIREMENTS TO THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

GENERAL PROVISIONS

1. Accepted for publication materials which meet the requirements, including the thematic focus of the journal. The published materials as well as materials submitted for publication in other journals will not be accepted. The publication addresses Editorial board.

2. To publish an article must be submitted to the journal the following materials and documents:

2.1. Signed by the author of the article text, which includes:

- UDC;
- title of the article in Russian and English languages;
- initials and surname of the author (coauthors) in Russian;
- name of educational, scientific or other organization, in which the author (coauthors) operates or holds an appropriate position;
- abstract and key words in Russian and English languages;
- the date of the direction of the material to the editors;
- text of the article;
- endnotes bibliographical references;
- information about the author (coauthors) in Russian and English languages with full indication of the surname, name, patronymic, scientific degree, academic status, main place of work, position, telephone number (office, home or mobile), e-mail addresses.

2.2. The electronic version of the material provided (on the USB-flash-drive or optical drive) or e-mail: tanya@law.vsu.ru.

2.3. Extract from the minutes of the meeting of the department (sector unit); for post-graduate students – is also a review of the supervisor of the recommendations sent by the material for publication in the journal.

3. Articles sent to the editor are subject to peer review in the case of a positive review – scientific and controlling editing.

4. The publication of articles is free of charge.

REQUIREMENTS TO ARRANGEMENT OF THE MATERIALS DIRECTED TO AN EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL FOR PUBLICATION

1. The text is printed in a text editor of WinWord, font – Times New Roman, size – 14, interval – 1.5; printed on white paper with one side of the sheet.

2. All of the fields in the sheet – 2 cm.

3. References made out font 12 point size, and are located at the end of the article. Reference numbering sequentially. Rules for reference – in accordance with the state standard specification 7.0.5–2008 «The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up». In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

4. The text should not exceed 16–18 pages.

5. Names of institutions, public authorities, international organizations are not reduced. All abbreviations and acronyms should be defined when first mentioned in the text.

6. All manuscripts should be numbered page.

7. All tables and figures should have referential mention in the text.

7.1. Tables and figures should have a continuous serial numbering (if the table or figure presented in the singular, it is not assigned a serial number, and they are denoted by «Table», «Picture»). Each column should have a short heading (it can be used abbreviations and reductions). Explanations of terms, acronyms are placed in a footnote, which is located directly below the table. The symbol «*» is applied for references. If you use data from another published or unpublished source, should be fully incorporated its name.

7.2. Illustration – charts, graphs, pictures, etc. – should only be black and white, have serial numbering. Each illustration should have referential references in the text of the article, placed in the general file immediately after the mentions. The electronic version of each illustration should be submitted as a separate file in format tif or jpg with a resolution of at least 300 dpi.

DECISION ON PUBLICATIONS AND REFUSAL OF PUBLICATION

1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of jurisprudence is necessary to make decision on the publication.

3. In some cases, possible improvements (quality improvement) of the author, on the recommendation of the editorial board. Article directed to the author for revision must be returned in the amended form, together with its original version as soon as possible. By the revised manuscript to the author (co-authors), you must attach a letter containing answers to the comments made by the editorial staff and an explanation of the changes made in the article.

4. Denial of publication is possible in the following cases:

- inconsistencies article profile and specifics of the magazine;
- the rough violations in citing including references to statute rules;
- inconsistencies article criteria of the scientific level and practical utility;
- an unfavorable opinion of the editorial board;
- publication of the article in other publications or article submission for publication of identical materials in other publications.

5. The manuscripts submitted for publication will not be returned.